

охота

и охотничье хозяйство

3

2008

На первой странице обложки:
Незабываемая находка! Весной, в мес-
тах зимних стойбищ, можно обнаружить
сброшенные рога оленей

Фото А. Севастьянова

На второй странице обложки:
Бурундук – зверёк из отряда грызунов,
семейства беличьих. Питается семена-
ми кедра, пихты, лиственницы, клена,
липы, рябины и др. На зиму впадает в
спячку. В его норах находили до 4-х кг
отборных кедровых орешков

Фото Н. Мальцева

Фотоконкурс «Охота и природа,
2007»

Охотничье слово

Е. ЦЕЛЫХОВА

В последнее время в русском языке наблюдается утрата части лексического запаса и массовое заимствование иностранных слов и терминов. Это ведет к безвозвратной потере многих слов, свойственных исключительно культуре нашего языка, и, как следствие, обеднению художественной выразительности и нарушению языковой преемственности поколений. Специальную лексику постигает та же участь. Чаще всего она исчезает вследствие упадка соответствующего рода профессиональной деятельности. Даже беглого взгляда на историю русского народа, к сожалению, достаточно для того, чтобы констатировать факт: не раз уже топтали мы ногами бесценные сокровища нашей культуры и продолжаям это делать сейчас. Тем более обидно сознавать, что один из богатейших, выразительнейших и популярнейших профессиональных языков прошлого — русский охотничий язык, может исчезнуть у нас на глазах. Этот своего рода лингвистический музей, донесший до нас языковое богатство, культурные охотничьи связи русского языка и являющийся отражением культурно-исторического своеобразия русской народности, подвергается в лучшем случае забвению, в худшем — безнаказанному извращению. А ведь он относится к одному из древнейших феноменов человеческой культуры и обладает богатейшей историей.

Зачатки охотничьего языка возникли вместе с появлением самой охоты как вида деятельности. Он входил в состав так называемого «мужского языка», обслуживавшего сферы деятельности, в которых традиционно были заняты только мужчины. Нес он и значительную сакральную функцию, которая отразилась в обрядовой поэзии и сакральных именовании животных. Память о магической силе слова можно увидеть, например, в запрете (табу) произнесения названий некоторых зверей вслух (чтобы не навлечь их гнев на свою голову или из боязни спугнуть охотничью удачу). В русском языке это проявляется,

например, в традиционном именовании медведя «Топтыгиным», «хозяином», «черным зверем», а в немецком есть даже поговорка: «Волка назвал, считай позвал».

С объединением людей в более крупные, нежели племенные, группы и началом истории классических цивилизаций связан важный этап развития охотничьих языков — начало их активного профессионального обособления. Если раньше каждый мужчина должен был быть охотником, то в условиях городов эта необходимость отпала — кормилец семьи мог быть горшечником, каменщиком, шорником и т. д. Число «носителей» охотничьего языка в этот период значительно уменьшилось, его теперь составляли два типа охотников: охотники «профессионалы», занимавшиеся охотничьим промыслом, и охотники «любители» — как правило, представители кругов знати (что ознаменовало собой разделение охоты на промысловую и спортивную).

На Руси и в дореволюционной России охотничий язык условно подразделялся на две ветви, располагающие довольно большой долей общей лексики. Первая из них — лексика княжеских, царских и императорских охот, — имея значительно больший эстетический уклон, помимо общего базиса включала в себя дополнительно лексику соколиных охот, а позднее охоты с легавыми и трофейных охот. Своего расцвета эта ветвь достигла в эпоху крупных комплектных охот, на смену которым пришла индивидуальная ружейная охота и связанные с ней иноязычные заимствования: ягдташ, патронташ, вальдшнеп, дупель — из немецкого; апорт, бекас — из французского.

Вторая ветвь — лексика промысловой охоты — включала в себя обширный список названий промысловых ловушек и другие специальные понятия, сильно различающиеся в зависимости от местности и специфики охоты. В некоторых случаях, если речь шла о ловцах хищных птиц для «красной потехи», в этот блок можно включить и терминологию соколиной охоты.

В целом в охотничий язык входило большое количество слов из общеславянского и праславянского фонда. Даже само слово «охота», к примеру, имеет параллели в чешском, словацком «ochota», польском «ochota» — «охота, воля, веселое расположение духа» и происходит от «хотеть, хочут». То же происхождение названия охоты от слов,

связанных с развлечением и радостью, можно увидеть и в других языках: древнеиндийском, латыни, немецком. Языковеды склонны видеть две причины подобных ассоциаций: с одной стороны — боязнь отпугнуть удачу, раскрыв истинные причины, скажем, своего ухода из поселения; с другой — следы переосмысления значения охоты в обществе, связанные с выходом на передний план земледелия и скотоводства. Более популярное в славянских языках именование охоты — «лов» традиционно связывается со словами «ловить» и имеет параллели, к примеру, в болгарском «лов», «охота, добыча».

Часть своей лексики наш охотничий язык избрал из различных диалектов русского языка. Такие слова в одних случаях стали общепопулярными (нестомчивый — от диалектного «стома», в русском литературном — истома), а в других употреблялись как местные аналоги. Еще Сабанеев приводит следующие названия для глухаря: «Глухарь — глухой тетерев; самец — моховик, моховой тетерев (севернее), мошник; глушьень (Осташковск.), чухарь (Арханг. обл.); самка — глухарка, глушица; копало (Олонецк.), кополуха (из-за особой любви к купанию в песке) (Пермск. и Сибирск.)». Еще часть слов русского охотничьего языка образовалась по законам словообразования: с помощью метафорического переноса «серьга» (большой нарост под горлом у самцов лося); румяна, в румянах — окрас, при котором края пежин красноватого цвета (черно-пегий в румянах и т. п.), образования с помощью аффиксов (гончатник, загонщик) и т. д. Особого внимания заслуживает и богатая фразеология, понимаемая и любимая истинными русскими охотниками: «гнать в пята», «насадить на логово», «валиться к рогу», «метать гончих», «чистить шпоры», «сойти со слуха» и т. д.

Но нужно обратить внимание и на совершенно особый факт: в нашей стране (в отличие от большинства европейских стран) до сих пор можно наблюдать ставшую уже очень редкой на всем земном шаре картину: сохранились

охота

и охотничье хозяйство 3 2008

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовая коллектив редакции журнала,
Союз обществ охотников и рыболовов РФ.
• Основан в октябре 1955 г.

особые этносы, для которых охота является основным способом существования. Охотничьи языки в них, соответственно, находятся в стадии активного и общеплеменного использования, без перехода на стадию профессионально-обособления. При контактах с подобными этносами русскоязычным населением активно заимствовалась часть их охотничьей терминологии (яркие и многочисленные примеры можно найти в книге А. А. Черкасова «Записки охотника Восточной Сибири»), что способствовало обогащению охотничьего языка и развитию его территориальных вариантов.

Такой богатый лексический пласт русского языка не мог не оставить свой след в письменных памятниках. Традиционно считается, что начало славной традиции художественной литературы положил С.Т. Аксаков своими «Записками ружейного охотника Оренбургской губернии». За ним последовала целая плеяда выдающихся русских поэтов и писателей, не только любивших и знавших русскую охотничью культуру и русский охотничий язык, но и сумевших с его помощью создать неповторимые произведения литературного искусства: Л.Н. Толстой, Н.Н. Толстой («Плостун»; «Заметки об охоте»); И.С. Тургенев («Записки охотника»), Н.А. Некрасов («Псовая охота»), А.П. Чехов, И.А. Бунин («Ловчий», «Антоновские яблоки»), Ф.А. Арсеньев, М.М. Пришвин, И.С. Соколов-Микитов, В.В. Бианки и т.д.

Не уступают им по силе яркости и обрзанности слова книги охотников-профессионалов А.А. Черкасова, Е.З. Дрянского, Н.П. Кишенского. Пожалуй ни один профессиональный язык не обладает литературным наследием, представляющим такую художественную и историческую ценность. Вспомним хотя бы работу Н.И. Кутепова «Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси» — величайший труд по истории охоты и жизни великокняжеского, царского и императорского дворов, «Охотничий календарь» и другие произведения Л.П. Сабанеева, «Записки псовой охотника» П. Мачеварианова.

После революции 17-го года был нанесен невосполнимый урон русскому охотничьему языку и началась его быстрая регрессия. В пламени Гражданской и Второй мировой войны исчезли не только носители языка, но и бесценные письменные свидетельства (как, например, «Толковый словарь псовой охоты» В.С. Мамонтова).

Планировалась и основательная реформа охотничьей терминологии: ее авторы хотели исключить из лексикона охотников и охотоведов большую часть традиционной терминологии, как отражающей «кастовый язык помещичье-феодалов охот» и непонятной для молодых охотников. Однако группа защитников отечественной терминологии обратилась в Институт языкознания Академии наук СССР с просьбой установить целесообразность этой реформы. И здесь нельзя не оценить помощь крупнейших языковедов С. И. Ожегова и

А.А. Реформатского, которые не только подтвердили невозможность и губительность подобной реформы, но и подчеркнули ценность и обоснованность русской охотничьей терминологии в том виде, в каком она существовала на данный момент. Вот что пишут они в своем «Заключении по поводу предполагаемой реформы охотничьей терминологии»: «...охотничья терминология является обычной профессиональной терминологией.... Она складывалась веками и в подавляющей своей массе... является продуктом народного творчества с использованием общенародного словарного фонда или народно-диалектных слов. Названия пород, окрасов... точно и метко отражают явления действительности. И поэтому замена их может быть произведена только в том случае, если будет доказано, что старые названия не точны и искажают действительность... Устаревшей, сложившейся веками и проверенной на опыте терминологии много достоинств... А если так, то усвоение ее молодыми охотниками послужит только на пользу охотничьему делу». И так, право на существование русского охотничьего языка было официально подтверждено, но и сегодня, много десятилетий спустя, ситуация не сильно изменилась: существующие издания «Словарь охотника» Н.Ф. Реймерса, «Словарь охотника» В.Г. Холостова, «Словарь охотника-природолюбца» И.А. Касаткина, «Толковый словарь охотничьих терминов» В.А. Паутова, а также небольшие словари, создаваемые охотниками-энтузиастами, в лучшем случае являются толковыми словарями, не представляющими полного профессионального лексикографического описания охотничьего языка. Трудно поверить, но на данный момент отсутствует даже его комплексное научное описание. С большим трудом удалось обнаружить несколько общих статей и диссертаций, посвященных охотничьей лексике западно-полесских говоров, языков малых народностей и работ по охотничьей лексике романа Л. Н. Толстого «Война и мир». И все. Зато исследований блатного жаргона хоть отбавляй.

Беда состоит в том, что мы в лучших традициях нашей культурной близорукости охотно разрушаем до основания,

но неохотно собираем и сохраняем уже имеющиеся сокровища. Взять хотя бы Европу — там охотничьи языки возведены в ранг национально-культурного достояния. Правильное употребление охотничьих терминов — неотъемлемая часть культуры охоты, обязательная для изучения каждым, кто хочет стать охотником. Вот как, к примеру, выглядит учебник «охотничьего минимума» в Австрии: это многостраничное издание, где не только приводятся сведения о биологии дичи, экологических и природоохранных составляющих охоты, но и для каждого вида дичи или своеобразной охотничьей реалии отдельно приведен список специальных охотничьих слов и выражений. А теперь сравните это с нашей тонюсенькой книжечкой, где и в помине нет охотничьего языка. Поэтому не стоит удивляться тому, что новоиспеченный охотник не имеет о нем никакого представления, а главное, и не может его получить.

По той же причине неудивительно попустительство издателей охотничьей литературы, позволяющих выходить в свет «произведениям», оскорбляющим наше языковое наследие. И их появление не прекратилось и не прекратится до тех пор, пока не начнется возрождение нашей охотничьей культуры, не появится возможность доступного ознакомления с ней для каждого охотника, пока не будут созданы грамотные профессиональные словари и не появятся книги, где каждый желающий сможет узнать хотя бы основные сведения о русском охотничьем языке. Конечно, многие понятия русской охоты устарели: никто не спросит: «Сколько у вас смычков в напуску?» — потому что большее одного смычка мало кто содержит. Со времени комплектных охот изменилось и употребление некоторых слов. Но исчезновение предметов или действий, которые они обозначают, вовсе не значит, что можно безалаберно отказать от них. Совсем наоборот, наша задача собрать и сберечь хотя бы то, что сохранилось до наших дней, вернуть русской охоте неотъемлемую составляющую ее духовности — русский охотничий язык, иначе языком следующего поколения охотников станет мат с примесью английского сленга.

Не забывать о главном

За последние 15—20 лет о необходимости принять Федеральный закон «Об охоте и охотничьем хозяйстве» говорилось и писалось так много, что удивить охотников чем-то новым очень сложно. Вариантов закона подготовлено множество. За это время успели принять: Гражданский кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ, Земельный кодекс РФ, Лесной кодекс РФ, Водный кодекс РФ, многочисленные изменения и дополнения в ФЗ «О животном мире», законы «Об охоте и охотничьем хозяйстве» в целом ряде субъектов Российской Федерации и много других нормативных правовых актов. Большинство принятых актов никак нельзя отнести к способствующим развитию охоты и охотничьего хозяйства. Чего стоит, например, Лесной кодекс РФ, по существу, поставивший охотничьи хозяйства на грань выживания.

Охотничьи хозяйства, созданные обществами охотников, хоть и считаются хозяйствующими субъектами, но по природе своей они — общественно-производственные хозяйства. Деятельность общественных организаций, в том числе и обществ охотников, регулируется Федеральным законом «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. Говорю это, чтобы подчеркнуть, что главное в вопросах охоты — это работа обществ охотников, а затем уже охотничьи хозяйства. Кажется, в последнее время произошел некоторый разрыв между обществами охотников и охотничьими хозяйствами. В результате стала сокращаться численность членов в обществах охотников, ослаблена работа с ними. Противоречит самой сути деятельности обществ охотников такое положение, когда неизмеримо растут вступительные и членские взносы, цены на путевки для членов об-

ществ, и создаются благоприятные условия для вступления в общество лиц, далеких от охоты и проблем рационального использования животного мира. В ожидании закона «Об охоте и охотничьем хозяйстве» федеральными органами исполнительной власти не принято ни одного нормативного правового акта, направленного на улучшение работы многомиллионного коллектива охотников России. В то же время в регионах сделано немало по ограничению их возможностей. У многих охотколлективов, например, изъяли наиболее благоприятные для ведения охотничьего хозяйства охотугодья. А ведь по этому вопросу ранее был принят ряд нормативных правовых актов Правительством РФ, запрещающих такое свободное перераспределение охотугодий: постановление от 26 июля 1993 г. № 728 «О

любительской и спортивной охоте в Российской Федерации», распоряжение от 15 февраля 1994 г. № 199-р, распоряжение от 23 октября 1995 г. № 1454-р и др.

К обществам охотников нельзя относиться как к простому увлечению объединенных в коллективы людей. Общества охотников — это часть гражданского общества страны. Право граждан на объединение закреплено в Конституции РФ (ст.30). В Федеральном законе «Об общественных объединениях» ясно записано, что государство обеспечивает соблюдение прав и законных интересов общественных объединений, оказывает поддержку их деятельности, законодательно регулирует предоставление им налоговых и иных льгот и преимущества. К сожалению, государством эта норма не исполняется или почти не исполняется.

В настоящее время деятельность обществ охотников по вопросам охоты и ведения охотничьего хозяйства контролируется структурными подразделениями Министерства сельского хозяйства РФ. Взаимоотношения с этими подразделениями в ряде регионов страны далеко не просты. Имеется много примеров, когда к обществам охотников предъявляют требования, не основанные на законе. Ведутся долготлетние судебные тяжбы, хотя, как того и требует закон, государственные органы должны содействовать деятельности общественных организаций, в том числе и обществ охотников. Это в их деятельности должно быть главным.

**Н.АСТАФЬЕВ, почетный работник
Прокуратуры Российской
Федерации, старший советник
юстиции, депутат Государственной
думы 1 и 2 созывов**

Дорогие читатели, друзья!
подписка на журнал
«Охота и охотничье хозяйство»
продолжается!
Наш подписной индекс **70673** по каталогу **Роспечати**

Вниманию наших авторов!

Налоговой инспекции требуются от редакция сведения об авторах: фамилия, имя, отчество; день, месяц и год рождения; номер паспорта, когда и кем выдан; домашний адрес с почтовым индексом; ИНН; номер страхового пенсионного свидетельства.

Просим присылать перечисленные сведения вместе с материалами, предлагаемыми для публикации. Присланные рукописи не рецензируются и обратно по почте не возвращаются. Ксерокопии паспорта и страхового пенсионного свидетельства присылать не нужно.

Необычный Март 2007 года

Два снимка сделаны с одного места в одни и те же числа марта, но в разные годы. На одном обычные в это время снега, на другом — аномальный март 2007 года. В середине месяца уже летали бабочки, горела сухая трава, и по ночам от этих пожаров как будто занимались зори в разных сторонах неба.

Стояла теплая солнечная погода. Казалось бы, валом должна лететь перелетная птица. Но она не спешила. Скворцы — и те не торопились занимать скворечники. Почти не видно чибисов, которые появляются при первых проталинах. Очень редко пролетали стайки гусей. Лес молчал без дроздов, хотя даже в ельниках ни пятнышка снега.

Похоже, птицы больше ориентируются не на погоду, а на долготу светового дня. Или есть у них свой долгосрочный прогноз. Но появились вальдшнепы. В марте была тяга.

Днем температура поднималась до семнадцати градусов. По вечерам комары-голкунцы танцевали в лучах заходящего солнца...

А в апреле жесткие холода, дожди со снегом, заморозки... В лесу стали встречаться брошенные гнезда обманутой погодой вальдшнепов.

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ. Фото автора

Экология возрождения природы

В. ДЁЖКИН, доктор биологических наук, профессор, консультант МНЭПУ
В. СНАКИН, доктор биологических наук, профессор,
Институт фундаментальных проблем биологии РАН
Л. ПОПОВА, кандидат биологических наук, доцент,
Музей земледелия, МГУ

Разведение диких животных. В сравнении с общим числом существующих животных одомашнено сегодня очень мало (около 20 видов млекопитающих из 4500 и только дюжина птиц из 10 000). Некоторые из этих животных были одомашнены в прошлом. Установлено, что большинство домашних животных могут вернуться в дикую природу как дикие виды, демонстрируя, что одомашнивание — это не постоянное состояние. Но и многие дикие виды еще могут быть одомашнены. Вольерное животноводство получает в последние десятилетия все более широкое распространение.

В 20—30-х гг. XX в. в Северной Америке были проведены многочисленные опыты по полувольному разведению канадского бобра и ондатры, оказавшиеся не совсем удачными. В Венесуэле правительство разрешает вести регламентируемый промысел капибар и кайманов на больших ранчо.

Разведение оленей возникло на Дальнем Востоке приблизительно 3 000 лет назад; в Китае, вероятно, в 14—12 столетия до н.э. с целью производства мяса, бархата и мускуса. Сейчас Китай является рекордсменом по вольерному оленеводству: полумиллионное стадо пятнистых и благородных оленей и вапити. В Новой Зеландии более чем на 4000 фермах содержится около двух миллионов оленей, или половина всей мировой популяции, что приносит стране 200 млн. новозеландских долларов ежегодно.

В Европе существует более 10 000 ферм по разведению оленей — преимущественно европейских благородных оленей и ланей. Наиболее крупные популяции присутствуют в Германии (103 600 голов), Ирландии (61 000), Франции (58 000), Австрии (39 600), Великобритании (36 000), Дании (31 600 оленей). В США на фермах имеется 250 000 ланей, благородных европейских оленей, аксисов, белохвостых оленей, вапити, пятнистых оленей; в Канаде — 99 000 вапити, ланей, белохвостых оленей; на Тайване — 36 006 животных, в том числе замбар; Корея обладает популяцией из 200 000 пятнистых и европейских благородных оленей и вапити. Следует также отметить Австралию, имеющую 200 000 благородных европейских оленей, оленей-руза и ланей. Общая мировая популяция разводимых в вольерах оленей составляет 4 825 260 особей. Ее можно оценить расчетно почти в 24,0 млрд. канадских долл. (Chardonnet a.o., 2002).

Северные олени в России, Скандинавии и в штате Аляска составляют приблизительно 63 % общего количества разводимых оленей. Одомашненная популяция северных оленей может достигать 3,5 млн. голов. Полувольное оленеводство до сих пор является основной экономики многих малых северных народов, продукция его оценивается миллионами долларов США.

Разведение дичи практикуется во многих странах. В Южной Африке 5 061 дичеферм, ранчо занимают территорию в 10,4 млн. га, 9 000 ранчо разводят дичь, и функционируют 4 000 объединенных смешанных ранчо по разведению и дичи, и домашних животных. Их суммарная площадь более 16 млн. га, или 13,6 % территории страны. Доход, получаемый от ранчо диких животных, распределяется следующим образом: 80 % от охоты, 10 % от экотуризма и 10 % от продаж живых животных. Разведение диких позвоночных в Латинской Америке, которые дают мясо и кожу, может быть объединено с разведением крупного рогатого скота в областях традиционного скотоводства — регион Чако в Парагвае или Пантанал в Бразилии.

Дикая природа становится важной частью туристической индустрии. Эта категория туризма ориентирована на знакомство с дикой природой и широко распространена на разных континентах. Дикие животные являются важнейшим объектом наблюдения, с ними связаны главные доходы в США, где насчитывается 35246 тыс. любителей-рыболовов, 13975 тыс. любителей-охотников и 62868 тыс. наблюдателей за дикими животными в естественных местообитаниях. Общие затраты на природоохранный рекреацию составляют 87,6 млрд. долл. в год, налоги в штатные и федеральный бюджеты — около 10 млрд. долл. (Statistical Abstract, 1998).

В Кении туристическая индустрия принесла в 1994 г. доход в 484 млн. долларов США — 35 % от всего дохода в иностранной валюте. В ЮАР 90 % из 1 052 000 туристов, зарегистрировавшихся в стране в 1995 г., приехали, чтобы посетить национальные парки и принесли при этом доход в размере 13 млн. рендов. В Танзании туризм в дикой природе приносит общий доход примерно в 5,70. млн. долларов США в год. В бывшем Заире число посетителей охраняемых территорий увеличилось с 5 000 в 1972 г. до 25 000 в 1990 г.; третья часть из них посетила национальный парк Вирунга, который богат удивительными ландшафтами и сохраняет в изобилии дикую живую природу.

Национальный Парк Галапагосские острова в Эквадоре — одно из наиболее популярных мест для наблюдения за дикой природой. Общий доход, принесенный туризмом, составил здесь 32,6 млн. долл. в 1990 г. и 35 млн. в 1992 г. Число посетителей в 1997 г. достигло 62 800 человек. Неотропические леса и их обитатели — дикие животные также становятся популярными объектами международного туризма. В 1992 г. 610 093 туриста посетили Коста-ФнКу, потратив при этом 42,1 млн. долларов.

В Европе дикие животные не являются главным привлекательным объектом для посетителей национальных парков, в них навдываются преимущественно из-за красоты природных пейзажей. Однако во Франции среди факторов, которые привлекают посетителей, пункт «наблюдать за дикими животными на воле» находился на пятом месте, позади следующих: «рассматривать пейзаж», «расслабляться в естественной среде», «дышать свежим воздухом» и «заниматься спортом». Национальный парк Аbruццо в Италии привлекает ежегодно 2 млн. посетителей благодаря разнообразному животному миру и присутствию таких эндемичных видов, как бурый медведь, абруцкая серна, подвиды волка и дикого коша. Аналогичная ситуация присутствует в национальном парке Беловежа в Польше, который является пристанищем последних свободно живущих бизонов и значительных популяций крупных хищников, таких как волки и рыси (Chardonnet a.o., 2000).

В России (бывшем СССР) известно о 16 питомниках для разведения редких и исчезающих форм млекопитающих: зубра, горала, армянского муфлона, кабарги, джейрана, винторогого козла, бухарского оленя, выхухоли и др. Функционировало 24 питомника по разведению редких форм птиц: глухаря, красной казарки, различных видов журавлей, джека, турача, кеклика, фазана, каспийского ула, различных соколов и сов (Флинт, 2000). К сожалению, большая часть этих питомников прекратила свое существование.

Содержание диких животных в вольерах имеет большое значение для восстановительного природопользования. Оно способствует надежной охране генфонда редких и исчезающих форм животных, а в некоторых случаях поднимает их численность до эксплуатационного уровня; позволяет частично заменять традиционные сельскохозяйственные виды дикими или полудикими, лучше приспособленными к местным экологическим условиям; дает в руки чело-

Окончание. Начало см. в № 1 и № 2

века управление популяциями хозяйственно ценных видов животных, тем самым реализуя принцип «охрана через разумную эксплуатацию»; выравливает баланс между первым и вторым уровнями трофической пирамиды, позволяя избегать перевыпас; значительно увеличивает ассортимент продукции животноводства; соответствует интересам коренного населения, обеспечивая его рабочими местами и потребительской продукцией.

Лабораторные животные — резерв организменного биоразнообразия. В вивариях и лабораториях мира содержатся сотни миллионов подопытных животных — мышей, крыс, кроликов, хомячков, кошек, собак, обезьян и др. Их используют для разработки и испытания вакцин и сывороток, апробации химических лекарств, при проведении различных опытов, в процессе обучения и т. д. Почти все лабораторные животные относятся к числу массовых, исчезновение им не угрожает, однако необходимо строго соблюдать принципы гуманного отношения к ним, не подвергать животных мучительным экспериментам. Главным результатом работы с подопытными животными является прогресс медицины и ветеринарии, улучшение здоровья населения.

Выполнение и задачи Конвенции СИТЕС. С давних времен дикие растения и животные, а также их ценные для

человека части были объектами международного обмена и торговли. Мы знаем, какой ущерб бесконтрольность, стихийность этих процессов нанесли в прошлом растительному и, особенно, животному миру некоторых регионов и континентов.

И в наши дни оборот капиталов в сфере контрабанды «живого товара» составляет миллиарды долларов США и находится на втором месте после доходов от торговли наркотиками. Вполне естественны попытки всемирного сообщества найти противоядие против этого явления, угрожающего множеству редких видов и подвидов диких животных и растений. Поэтому 3 марта 1973 г. в Вашингтоне была подписана Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС). Советский Союз стал участником Вашингтонской конвенции в 1976 г. Россия заявила о продолжении выполнения обязательств СССР 1 января 1992 г. Участники Конвенции руководствуются тремя Приложениями СИТЕС, которые уточняются каждые три года.

Конвенция СИТЕС охватывает около 40 тыс. животных и растений и их дериватов и требует участия в процессе квалифицированных зоологов, ботаников, ветеринаров, работников таможенных служб. Объектами браконьерской добычи ради незаконного экспорта явля-

ются слоны и носороги (Африка), птицы (преимущественно Латинская Америка), в том числе ловчие (азиатские страны СНГ), рептилии (некоторые страны Африки и Латинской Америки).

Очагом браконьерской добычи и торговли редкими видами млекопитающих в России является Дальний Восток, где охотниками из Китая и Кореи преследуются тигр, дальневосточный леопард, белогрудый медведь и другие ценные виды животных. По последним данным СМИ, в Приморском крае на берегу оз. Ханка задержаны два гражданина КНР, которые пытались перевезти через границу шкуру и скелет тигра и 480 медвежьих лап (следовательно, браконьеры добыли и скупили 120 белогрудых медведей!) («РОГ» № 36 от 5-11.09.07).

Необходимо устроение законодательства за нарушение Конвенции СИТЕС, укрепление природоохранных инспекций, комплектование таможенных служб грамотными специалистами, организация хорошо оснащенных пунктов передержки конфискованных животных.

Потенциальные масштабы и диапазон вторичного использования природных ресурсов огромны: от изготовления сухарей из не выброшенного черствого хлеба до демонтажа океанского корабля или воздушного лайнера, с аккуратным извлечением еще пригодных приборов и разрезкой корпуса на пос-

Полувольное оленеводство является основой экономики многих малых народов Севера

Фото А. Дигилевича

ледующую переплавку. Сгрудившиеся в военных портах флотилии отслуживших свой век и не утилизированных атомных подводных лодок, равно как и исчезновение в подъездах наших домов ведер для сборки пищевых отходов — признаки огромных изъятий в философии, практике и экономике природопользования государства.

Известно, что использование бумажной макулатуры позволяет при производстве одной тонны бумаги и картона экономить 4,5 кубометра древесины, 200 кубометров воды, в 2 раза снижает затраты электроэнергии. В 2-3 раза снижается себестоимость продукции. Остаются на корню 15-16 взрослых деревьев. Пластмасса теснит человека и сильно загрязняет окружающую среду. В мире утилизируется лишь незначительная часть из ежегодно выпускаемых 80 млн. тонн пластмасс. Между тем, из 1 т отходов полиэтилена получают 860 кг новых изделий, на чем экономится 5 т нефти (Панин и др., 2001). Подобных примеров известно очень много.

Следует глубоко оценить имеющееся и в будущем (возможное) влияние оптимизации вторичного природопользования на снижение потребления природных (главным образом биологических) ресурсов, энергии, окружающую среду, на биосферу в целом; рассмотреть влияние экономного расходования природных ресурсов на экологическое мировоззрение, экологическое восприятие человечества; оценить «взнос», который «обезвреживание» общества потребления сделает в претворение в жизнь постулата о нравственной переориентации общества академика Н.Н. Моисеева. Успешное решение проблем вторичного природопользования уже в настоящее время играет в некоторых странах существенную природосберегающую и природовосстановительную роль, а в перспективе может иметь революционное эколого-эстетическое значение в масштабах мира.

Экологическое образование в системе восстановительного природопользования. Действующие стандарты и методические документы по экологии и природопользованию не полностью и не вполне адекватно отражают содержание и потенциал экологии природовозрождения, его теоретические основы. Имеющиеся материалы не систематизированы, рассеяны по различным учебным и методическим источникам. Целесообразно их объединение и разработка стандартов восстановительного природопользования и модернизация учебных программ по экологии в школах и вузах различного профиля.

Управление восстановительным природопользованием. Для оптимизации природопользования, в том числе и восстановительного, необходима глубокая реформа биологического природопользования, находящегося в очень неблагоприятном состоянии. В правительстве следует создать блок по охране, рациональной эксплуатации и восстановлению природных биологических ресурсов (Дёжкин и Сафонов,

2004). Деятельность лесного, рыбного, охотничьего хозяйств, эксплуатирующих возобновляемые ресурсы биосферы, ресурсы растительного и животного мира, может и должна быть подчинена общим принципам экологического управления, аккумулированным наукой о биологическом природопользовании (Дёжкин, 1997; Дёжкин и Попова, 2005 и др.). Они могут найти место в единой структуре, предположительно — в **Министерстве биологического природопользования**, действующем на единых принципах. Здесь же может найти достойное равноправное место Федеральный орган по руководству заповедным делом. В регионах должны быть созданы комплексные управленческие структуры по регулированию лесного, рыбного, охотничьего хозяйства и охране биологических ресурсов. С учетом предложений, выдвигаемых в данной статье, Биологический блок в Правительстве РФ может быть дополнен структурами, обеспечивающими экономическую заинтересованность страны в экологическом природовозрождении, в перераспределении экономических потоков, в экосовместимости главных компонентов восстановительного природопользования. Национальные действия могут быть дополнены международными, направленными на сохранение и восстановление общих участков биосферы и ее важных компонентов.

Все перечисленные выше мероприятия будут способствовать восстановлению права человека на благоприятную окружающую среду на нашей планете (Высторобец, 2007).

Экология природовозрождения: начало (предпосылки) построения компонентов реальной ноосферы. Идея В.Вернадского о создании ноосферы, сферы человеческого мудрого и дальновидного разума, нашла горячий отклик и множество приверженцев во всемирном сообществе. Углубленная разработка этой идеи и увеличение числа ее приверженцев не сопровождаются, однако, коренными благоприятными изменениями природы Земли и технологий эксплуатации природных ресурсов биосферы. Увеличивается роковой разрыв между благими намерениями и их осуществлением, грозящий исчезновением человечества. Выдающийся мыслитель XX в., академик Никита Моисеев таким образом охарактеризовал альтернативу, с которой столкнулось современное человечество: или нравственная переориентация всего общества, либо полное исчезновение современной биосферы и человечества. Строгие природоохранные законы, внедрение ресурсозащитных и ресурсосберегающих технологий полезны и необходимы, однако они лишь могут отдалить крах биосферы, а не предотвратить его. Под нравственной ориентацией академик понимал органическое изменение взглядов мирового сообщества на живую природу и взаимодействие с ней, которое в конечном итоге должно привести к постепенному отмиранию общества потребления, к удов-

летворению потребностей человека за счет минимума природных ресурсов. Это — не призыв к аскетизму, а довод в пользу оптимизации производства и потребления, которая учитывает реальные потребности человека и биосферы и осуждает всякие излишества в удовлетворении мнимых «потребностей».

Готово ли мировое сообщество и, в частности, российское, к таким радикальным шагам? Думается, ответ может быть только отрицательным. Необязательное потребление, в том числе и в России, быстро растёт, требуя все новых и новых природных, энергетических и прочих ресурсов. Это, кстати, и ответ на вопрос о скорой реальности ноосферы.

Готовя данную статью, мы хотели обратить внимание на возможности, которые открывает перед нами Экология природовозрождения. За последний исторический период человек, действуя разрозненно и стихийно, смог сохранить и восстановить некоторые фрагменты биосферы, виды растений и животных, изменить их распределение по поверхности планеты (не всегда, впрочем, разумно), увеличить биологическую продуктивность и производительность части земельных угодий, организовать противодействие отдельным видам антропогенных воздействий и т.д. Продемонстрированы принципиальные положительные возможности восстановительного природопользования в масштабах отдельных регионов и стран. Люди не беззащитны перед всемогущим антропогенным фактором, у них имеются методы и механизмы сопротивления и — в ряде случаев — изменения негативных процессов.

Главный вывод очевиден: следует провести глубокий и всесторонний анализ достижений Экологии возрождения природы — вначале в отдельных странах, а впоследствии — на отдельных континентах, разработать философию и методологию восстановительного природопользования, отобрать наиболее эффективные и перспективные методы, уделяя существенное внимание экономическим и социальным аспектам проблемы, создать серию региональных и национальных программ и структур для их реализации. Эта огромная работа может быть выполнена только совместными согласованными усилиями многих стран.

Смогут ли предлагаемые действия заменить ноосферную концепцию и теорию нравственной переориентации человечества? Конечно, нет. Однако они позволяют выиграть время, необходимое для постепенного «перевоспитания» человечества и отказа от зловещих реалий общества потребления. Они также придадут уверенности экологам и специалистам в небесполезности попыток реально защищать гибнущую биосферу. А это немало... Мы предвидим упреки в адрес авторов в экологическом идеализме. Но разве лучше — сидеть, сложа руки, ожидая неминуемого торжества глобального экологического кризиса?

– Итоги фотоконкурса «Охота и природа, 2007» –

*Завершился очередной фотоконкурс «Охота и природа 2007»,
на который поступило 298 цветных и черно-белых фотографий от 35 авторов.*

*Жюри фотоконкурса, рассмотрев представленные на конкурс работы,
постановило:*

Первой премией (5000 р.)

наградить: С. Тишкевича за серию фотоочерков «Тигровая балка», «Голубеобразные», «Кулики», «Заповедник Рамит», «В царстве маралов» и др.

Второй премией (2000 р.)

**наградить: А. Назарова за фотоочерк «Тетеревиный ток», «Гуси, Гуси, га-га-га», «Утро в лесу», «Сойка» и др.,
К. Гриниха за фотоочерк «Кулики на торфяниках», Е. Айседулину за фотоочерк «В саду, где гуляют амурские тигры».**

Третьей премией (1000 р.)

**наградить: Н. Вехова за фотоочерк «Тропаревский лес», Л. Мамонова за фотоочерк «По арсеньевским местам»,
Н. Мальцева за серию фотографий о природе и охоте в Красноярском крае, А. Колобова за серию фотографий о
природе и животном мире Карелии.**

**Редакция журнала выражает глубокую благодарность всем участникам фотоконкурса. Ваши фотографии - и
получившие, и не получившие премии - могут быть использованы в качестве иллюстраций к очеркам и статьям,
публикуемым в журнале.**

Грядущие чемпионы

Фото Н. Беспаловой

Фотоконкурс «Охота и природа, 2007»

Об условиях фотоконкурса 2008 года см. журнал № 1, 2008 г.

Советы бывалых охотников

Дмитрий ЖИТЕНЕВ. Рисунки и фото автора

Дом в тайге

Как бы ни хороши были палатка или балаган, но крыша над головой, четыре бревенчатые стены да печка дают таёжнику полный комфорт. Так что изба-зимовейка или, на худой конец, землянка с печкой позволяют промысловику полноценно, не тратя лишних сил, осваивать свой промысловый участок.

Землянка — это, конечно, примитив. В ней темно и довольно сыро, нормальную печку не поставишь. Это, скорее, пристанище для временщика. Тем не менее и она может спасти охотника от непогоды, если грамотно устроена — на сухом склоне южной экспозиции, достаточно заглублена, имеет непромокаемый накат-крышу. Такие землянки я видел в иркутской тайге и даже ночевал в них (фото 1).

Настоящий хозяин промыслового участка для постоянного жилья непременно построит себе солидное зимовье. Найдёт для этого весёлое место около реки или озера, поставит избушку так, чтобы и самому было приятно, и «дурному человеку» не очень заметно.

По тому, где и как поставлена избушка, можно сразу определить характер хозяина. Мне приходилось ночевать в настоящих домах, сложенных из брёвен такой толщины, которые поднять под силу разве что богатырям. Есть избушки, в которой двое поместятся с трудом, а распрямиться полностью и не думай. Видел и такие, что сделаны чуть ли не из жердей, а через потолок, как говорится, звёзды считать можно. Одним словом, что ни избушка, то характер. Каждая похожа на своего хозяина.

Вообще у кочевых народностей таёжной зоны нашей страны никогда не было стационарных, капитальных жилищ. Даже на постоянных местах жительства, на стойбищах, больше, чем просторный чум, семья не ставила. Только, видимо, с проникновением русских на восток, с распределением между ними и местным населением земельных наделов и промысловых участков и те и другие стали обустраиваться капитально, на долгие годы. Надо было как-то закрепиться на земле, адом, пусть это и простое зимовье, говорил чужакам, что место сие занято. Шалаш или балаган как бы и не символ собственности, а вот изба или бревенчатое зимовье — совсем другое дело.

Строят же что избу в деревне, что избушку в тайге в принципе одинаково. Например, лес для строительства надо готовить поздней осенью, на убывающей луне да ещё в первой половине дня.

Готовя место под избушку, вырубает высокие деревья, чтобы случайный ветерол не уронил стволы на неё. Часть пойдёт на сруб, часть на дрова.

Фото 2. Избушка с навесом

Стены таёжного зимовья ставят на мох. Его берут либо на болоте (сфагнум), либо в сырых местах на бору, на больших кочках (кукушкин лён). Кукушкин лён не так мягок, как сфагнум, но вполне годится почти без сушки.

Рубят сруб (на Верхней Печоре говорят — сруб) в чашку, «в обло», то есть с выступающими концами брёвен (рис. 1). Перед укладкой в венцы брёвна обязательно окоривают.

Потолочный настил и пол ладят из колотья — расколотых надвое брёвен. Расколеть пополам вдоль не очень толстое бревно, обязательно прямослойное, можно с помощью нескольких клиньев. Вбивать их надо не с торца, а с боковой стороны, и деревянной колотушкой, иначе клинья моментально размочалются. Плоские части затем тщательно протёсывают. Можно также использовать и протёсанные с одной стороны достаточно толстые жерди, плотно подогнав их друг к другу. Из них же делают и нары — место для сна.

Мне встречались избушки с земляным полом. Однако жить в них можно только летом. Зимой, особенно на Севере, такой пол промерзает, и зимовье натопить трудновато — много надо дров.

Вообще на строительство стен брали бревёшки толщиной сантиметров, примерно, 20. Более толстые просто трудно закатывать на последние венцы, если работают всего двое. Обычный размер избушек, как говорят, в чистоте — 2,5 на 3,5 м. Для двоих в ней места вполне хватает. Углы будущего сруба, первого венца, чтобы долго не сгнили, ставят на смолистые чурки, выпиленные из коллевой части ствола. Их иногда называют «кремниной» за выдающуюся твёрдость. Колоть такие не только замучаешься, но и топор повредишь. Пространство между первым венцом и землёй заставляют также отпиленными по размеру чурками, но не обязательно «кремниной» (рис. 2).

Потолок в избушке конопатят мхом,

устилают полосами берёсты (скальём) и засыпают сухой землёй. Завалинку не делают, и вот почему. Засыпанный землёй нижний венец быстро сгниёт, и придётся подводить новый. Летом никакая завалинка не нужна — пусть избушка лучше проветривается. От гнуса надо спасаться в пологе, который и ставят на нарах. Зимой же завалинку делают из снега — она от морозов защитит не хуже земляной. Нагребут вал до третьего венца, ухлопают, уплотнят — и ночуй без забот.

Крышу кроют (во многих местах и до сего времени) драницами, тонкими досками, наколотыми из хвойных стволов, как правило — ели. Нарезанные по длине будущий досок брёвна должны быть прямослойными. Такие драницы чуть ли не лучший «кровельный» материал для таёжной избушки. Выколотые по естественным слоям (делается это специальным инструментом — одним топором тут не обойдёшься) плахи или доски совершенно не пропускают дождя или талой воды, а продольные их неровности направляют влагу только вдоль, не давая ей растекаться в стороны. Кроют крышу такими досками-драницами обязательно внахлёст, перекрытая их кромки не менее чем на треть ширины доски.

Конечно, можно крыть крышу и рубероидом, но всё-таки это не таёжный материал. К сожалению, это наблюдается сегодня сплошь и рядом. Более того, сами избушки строят из бруса, полученного на лесопилке. Слов нет, строить из «индустриализированного» материала гораздо быстрее, но избушка будет не так долговечна. Однако кого это сейчас интересует, если нарушены связи поколений, а сын охотника-промысловика не наследует дело своего отца и деда!

Но вернёмся к избушке. Крышу, я скажу уже, кроют драницей, колотём (во всяком случае — это традиционный материал), но обычных стропил нет. Вместо них — три бревна, как бы продол-

Фото 1. Охотничья землянка

жающих верх сруба, фронтоны (см. рис. 2). На них кладут продольные брёвнышки (толстые жерди) — два-четыре подпирают настил, а одно — коньковое. На него и укладывают концами дранцы. Скат крыши очень пологий. Щель, промежуток между досками, закрывает череповое бревно, охлупень. Снизу в нём выбран продольный жёлоб. Но с ним возни много, и проще завести доски одной стороны крыши подальше. Более длинные кладут с наветренной или северной стороны.

Как правило, концы верхнего венца, выходящие на сторону двери, делают длинными, и таким образом настил крыши образует навес. К нему же ставят те же дранцы стенкой так, чтобы образовалось подобие сени. Там можно держать кое-какие вещи, лыжи, капканы. Собаки будут ночевать, и снег не завалит входную дверь.

Когда поставлены стены и крыша, приступают к отделке избушки изнутри. Брёвна сруба иногда отсывают при помощи топора со специально изогнутым топорщиком, но в большинстве случаев внутренние стены избушки так и оставляют скруглёнными. К слову сказать, для того, чтобы сладить избушку, вообще-то надо совсем немного инструментов. Топор, поперечная пила, долото да струг. Всё это промысловик может свободно унести в тайгу на себе.

Не так просто сделать входную дверь. Ведь от неё будет зависеть, насколько тёплой будет избушка. Доски на дверь раскалывают потолок раза в два-три, чем на крышу, аккуратно подогнав их друг к другу. Плахи сплывают трапециевидными в сечении прожилками, ставя их немного наискосок.

Внутреннее устройство избушки просто и рационально: печка, нары, лавки, столик и для просушки одежды — вешала, жерди. В подавляющем большинстве избушек, которые я видел, расположение этих частей абсолютно одинаково. Сразу слева от двери, которая открывается обязательно наружу, —

печка, за ней, в левом углу — нары, в стене справа у входа — окошко и перед ним столик, вдоль этой же стены и у соседней — скамьи. Вероятно, такое обустройство «нутра» избушки наиболее рационально и выработано поколениями охотников-промысловиков.

Теперь — о главном, о самом главном, о том, без чего избушка не станет настоящим зимовьем, и что спасает охотника в долгие морозные ночи. Печка!

Начиналось, конечно, с самого примитивного. На Верхней Печоре в начале 70-х годов я ещё застал избушку с печкой-каменкой и ночевал в ней неоднократно. Это настоящая банька по чёрному, но жить и там можно. Сегодня многие и не знают, вероятно, как она устроена, печка-каменка (рис. 3). Это гряда камней, уложенных в углу избушки на мелком гравии или песке, который в свою очередь, насыпан в короб из толстых плах. Камни уложены как бы сводом, под которым и разводят огонь. В стене над каменкой делается отверстие, волоковое оконце, в которое выходит дым — настоящая курная изба. Когда камни накалились, а дрова прогорели полностью, остатки углей выгребают и выбрасывают за дверь, волоковое оконце затыкают специальной чуркой, а дверь закрывают. За несколько ночей просмолишься, словно настоящий углежог. В хорошо проконопаченной избушке не заботиться о дровах всю ночь.

Обычно же избушка оборудуется простой печкой, сделанной из кровельного неоцинкованного железа, черной жести. Размеры, как говорится, по месту. Для большой избушки — побольше, а для маленькой — поменьше. Такая печка, набитая сухими дровами, нагревает избушку до 30-35-градусной жары буквально за 10-15 минут, какой бы ни был мороз снаружи. Делают печки и из толстого металла, сварными. Они тяжелее, но служат дольше, чем жестяные. Единственный недостаток железных печек в том, что они не держат тепла как каменка или кирпичная. Но те и разогреваются только через несколько часов, и тепло бывает только к утру, когда пора уходить на маршрут. Однако охотники придумали способ, как «заставить» жестяную печку обогревать избушку практически всю ночь. На нагоревшие угли набрасывают сырые берёзовые дрова, рубленые жердочки. Они тлеют всю ночь и греют вполне сносно. Хорошо накидать и сырых лиственничных чурок.

Для сохранения тепла надо сделать задвижку на трубе. Чтобы в трубу не насыпался снег во время отсутствия «жилцов», мы придумали вот что. К концу длинной жерди прибили ненужную кастрюлю вверх дном и, уходя из избушки, просто надевали её на трубу.

Лучшая же печка для таёжного зимовья, на мой взгляд, — разборная из чугуна литая. Такие печки появились ещё в 60-х годах, но были редки тогда и по тем временам считались роскошью. Весит она изрядно, иногда пуда два-три в зависимости от размера, но для

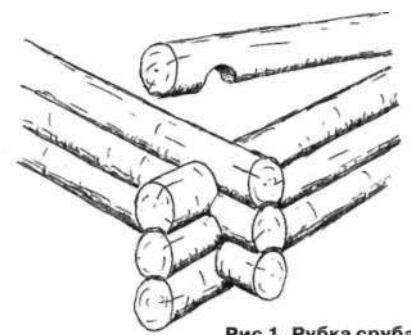

Рис 1. Рубка сруба «в обло»

Рис 2. фронтон из брёвен и чурки-фундамент

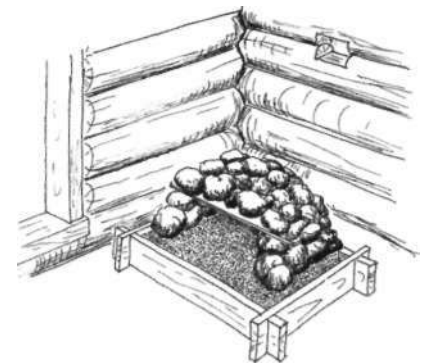

Рис. 3. Печка-каменка

транспортировки очень удобна, поскольку разбирается на плоские детали, и уложить её, например, на понягу, волокушу или на выюк не составляет проблем.

До сего времени на огромных просторах России коротаю долгие зимние ночи в таёжных зимовейках немногочисленные уже охотники-промысловики. В таких же, в каких жили их деды и прадеды. И не надо им роскошных апартаментов со всеми удобствами не на дворе, потому что жизнь таёжная для них всё равно, что для моряка море, а для лётчика небо. Сколько труда надобно положить, чтобы построить и обустроить такую зимовейку, знает только тот, кто её строил. Поэтому так больно бывает мне узнавать, что где-то какой-то негодяй спалил приют уставшего промысловика, оставил его без крова, лишил средства к существованию — ведь и я когда-то строил свою избушку.

Остроконечных елей ресницы над голубыми глазами озер

Фото Т. Баженова

Карелия

М. Калинин

*В разных краях оставляем мы сердца частицу,
В памяти бережно, бережно, бережно встречи
храня.
Вот и теперь мы никак не могли не влюбиться.
Как не любить несравненные эти края!*

Полевой сезон 1953 г. начался для меня необычно рано. На этот раз объектом нашей лесоустроительной экспедиции был Ухтинский лесхоз в Карелии. Скорый поезд Ленинград—Мурманск доставил нас на станцию Кемь. Дальше, до поселка Ухта, позже переименованного в Калевалу, надо было ехать на автобусе еще 200 км. Живописная дорога проходила вдоль реки Кемь, весьма полноводной, с быстрым течением, из-за чего ее использовали для лесосплава. Ухта-Калевала расположена на берегу огромного триединого озера Куйто. Точнее, это три соединяющихся озера: Верхнее, Среднее и Нижнее

Куйто. На берегу стояла сосна, под которой, по преданию, Элиас Ленрот в середине XIX столетия записывал карельские народные сказания - руны. Так увидели свет «вековечный певец-заклинатель» Вейнемейнен, искусный кузнец Ильмаринен, веселый храбрец Лемминкяйнен, хозяйка северной страны Похвёлы — злая старуха Лоухи. Припомнилось, как на охоте народный художник Валентин Иванович Курдов рассказывал, что его иллюстрации к русскому изданию «Калевалы» получили в Финляндии премию. В 1953 году «сосна Ленрота» представляла собой огромное засохшее дерево, вскоре рухнувшее под напором свирепых северных ветров. Но никакие ветры и штормы не принизят художественное очарование «Калевалы» — великого творения карело-финского эпоса. Магическое виде-

ние чарующих образов Калевалы постоянно сопровождало меня в Карелии.

В центре Ухты располагалась чайная, по-местному «теетуппа», в которой столвались все командированные. Первый же визит в «теетуппу» поразил меня. Все меню состояло из глухаря. Суп из глухаря, лапша с глухарем, жареный глухарь с картошкой, отварной глухарь с рисом. Это дало повод острякам приписать: судак «по-польски» из глухаря. «Глухарина» диета продолжалась не только весной, но и летом. Еще в студенческие годы глухарь стал моей «синей птицей» — символом счастья. Бережная охота на токах под Ленинградом приносила ни с чем не сравнимые ощущения, дарила великое счастье.

Конечно, я постарался познакомиться с местными поставщиками глухарей и попросил их сводить меня на тока.

Ближайшие к Ухте тока меня разочаровали. После «гремящих» лисинских токов они не поразили меня изобилием птицы. По многим признакам было видно, что они сильно подвыбиты. По-настоящему хорошие глухаринные тока я еще успел застать в ту весну на своем таксаторском участке, к северу от Ухты. Там встречались бескрайние тока, когда можно было километрами идти от одного токующего петуха к другому.

Перед отбытием на непосредственное место работы необходимо было набрать рабочих. Первое же знакомство с ними поразило меня ничуть не меньше, чем «глухаринное меню». Они не стали спрашивать об условиях работы, об оплате и питании. Был задан только один вопрос: «Чай будет?» — «Я сам не могу без чая», — и мы стали друзьями. Они подтвердили это прекрасной работой, а я заботой и хорошей оплатой их нелегкого труда.

Карелия не отличается обилием дорог. Испокон веков путями сообщения были реки и озера, а главным транспортным средством - лодка, по-карельски «вене». Из Ухты вели две дороги. Одна на запад, в Войницу, на финскую границу. Другая на север - на Кестеньгу, Лоухи. Вот по этой дороге я и попал на место работы.

Вот иду я в лес дремучий

*По дороге Тапиолы,¹
Мимо Тапио жилища.
Мой поклон, вам, горы, веси,
Вам, леса прекрасных елей,
Вам, осиновые рощи.*

Руна 14

Лагерь мы разбили на берегу ручья неподалеку от небольшого озера, по-карельски «ламбины». Поставили большую шатровую палатку. Рабочие карелы, привычные к лесу, устроили оригинальный стол. На низкий сруб из двух толстых бревен посередине положили две расколотые плахи - столешницу. Получился вместительный и удобный стол. Рядом сложили печку-каменку. На удочку быстро натаскали окуней и плотвы, чая я закупил несколько килограммов. Жить можно!

Мой большой таксаторский участок состоял в основном из сосняков различных типов: отборов-беломошников до сосняков на скалах. Леса перемежались многочисленными озерами (по-фински - «ярви»), озерцами (по-карельски - «ламби») и большими моховыми болотами. В лесах держались глухари, рябчики и в меньшем количестве тетерева. На озерах и речках - утки, а на болотах — белые куропатки и северные олени. Одного оленя мне удалось подстрелить, но в те годы их было мало. Только глубокие тропы через болота, по которым эти копытные переходили с одной сельги (возвышенной гряды) на другую, указывали на их исконное присутствие в этих местах. Позже мне при-

Мусти облаивает ястреба-подранка

Фото М. Калинина

ходилось видеть и охотиться на северных оленей в Лапландии, на юге Мурманской области, в Архангельской области, и я на личном опыте ощутил разницу в размерах домашних и диких северных оленей, особенно лесной популяции. «Дикий» массивнее и крупнее на вид. В пятидесятые годы по Калевальскому району проходила южная граница их ареала. В последующие годы олени стали чаще встречаться в лесах средней и южной Карелии.

О Пааво Яковлеве, старшине моих молодых, человеку удивительной судьбы, следует сказать особо. Молодым парнем он был призван в армию и как прекрасный лыжник, к тому же знавший финский язык (у северных карелов язык почти финский), был включен в одну из наших диверсионных групп, действовавших в глубоком тылу финнов. Несколько раз в составе группы он ходил на задания, чуть ли не к Ботническому заливу: они взрывали мосты, нарушали связь, сеяли панику. Все они были одеты в финскую военную форму и имели финское оружие. Выполнив задание, уходили через всю Финляндию на свою территорию. После нескольких ночевков в лесу на морозе решили оста-

новиться на одиноком хуторе. Старик финн принял их радушно, накормил, напоил, обогрел. Пааво, перебиваясь обронил «портяки» (по-фински «ратти»). Старик услышал — «ах вот вы кто — краснопузая сволочь!» Они были разоблачены, нужно было срочно уходить. Добрая душа Пааво пожалел старика: его связали и опустили в погреб. В тот раз им удалось уйти, но во время следующего рейда они попали в засаду. Отстреливались до последнего патрона, пробовали прорваться, не удалось. Большинство погибло, Пааво раненым попал в плен. Поправившись, бежал в Швецию, затем во Францию примкнул к французским отрядам сопротивления — маки. С ними перебравшись в Северную Африку, где и закончил войну. Воистину неисповедимы военные судьбы и пути-дороги. Вместе с Пааво пришла к нам и его жена Айно. Она работала у нас поварихой. Это была добрая, чистоплотная женщина, хорошо готовившая и создавшая в нашей мужской компании теплую, дружескую атмосферу.

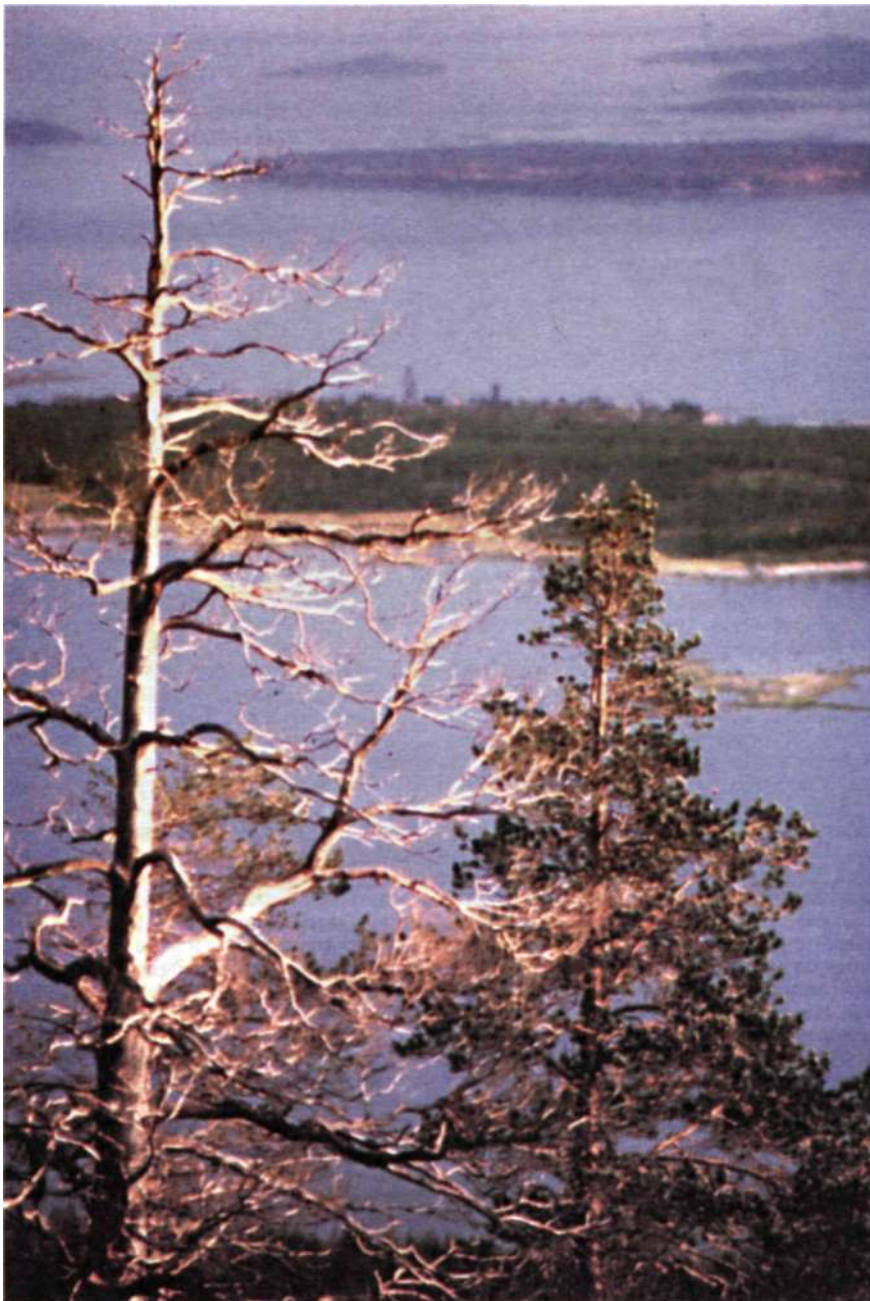
Был у нас еще мальчишка Федор. Ребята прозвали его Куллерво (сирота с трагической судьбой). Я подобрал его,

Кряквы, чирки, свияжки становились моей легкой добычей

Фото М. Калинина

¹ Тапиола - страна Тапио, лесного царя; лес.

Карелия — страна озер

Фото Т. Баженова

беспризорного, на железнодорожной станции, решил подкормить и дать хоть немного подзаработать. Он выполнял на таборе мелкие работы - был, как говорится, на подхвате. В «Калевале» о Куллерво сказано:

*Поведешь себя пристойно,
Будешь жить как подобает.*

*По заслугам ты получишь:
Поясок себе на тело
Или по уху удары.*

Руна 31

Мы Федора-Куллерво не обижали, но на него ополчилась щука. Однажды он с мосточков чистил рыбу на ручье.

Вдруг раздался крик и мы увидели нашего Куллерво барахтающегося в воде. Огромная щука, вынырнув из глубины, схватила плотвицу, которую он чистил. Его рука оказалась исцарапанной щучьими зубами. Я поставил рыбный капкан и поймал злодейку. Она оказалась не такой уж огромной, около пяти килограммов.

Во время войны значительная часть Калевальского района была занята финнами. Сохранились многорядовые проволочные заграждения, обширные минные поля с трубчатыми (путки мины) и прыгающими минами, которые прежде чем взорваться подсакивали вверх и только потом взрывались, осы-

пая осколками все вокруг. На минных полях, всегда богатых ягодниками, чаще всего и встречались выводки боровой дичи. Бог миловал, хотя ходил по минам, как сказочный Ильмаринен «прошел змеиной пашней, взбороздил поля ехидны, поднял землю со змеями...» (Руна 19). С любопытством осматривал финские позиции. Блиндажи и землянки, аккуратно обшитые досками, размещались на обратных склонах высот, по берегам озер, там, где ни прямым попаданием, ни осколками их не возьмешь. Около землянок горы консервных банок и бутылок со всего света: португальские сардины, шведская тушенка, ямайский ром, даже африканские ананасы. Ребята принесли большой портрет шведского короля Густава, и он долго красовался у нас на таборе. У финнов даже был сделан трамплин для прыжков на лыжах, а на озере купальня с вышкой для прыжков в воду. Сквозь прозрачную воду озера были видны лежащие на дне лодки и катера. С большим трудом нам удалось достать одну. Это оказалась не лодка, а волокуша для транспортировки раненых по снегу. Она прекрасно сохранилась, и мы, слегка подконопатив ее, успешно использовали на рыбалке и утиной охоте.

Частенько, во время моих рабочих визитов в Ухту, мы с начальником партии отправлялись на утиную охоту. Я сядился на весла, и мы плыли на запад, на озеро Верхнее Куйто, где имелись большие площади, покрытые различной водной растительностью, и было порядочно уток различных пород. По дороге навещали ихтиолога из Петрозаводска, который жил в одинокой избушке на озерном мысу. Это был приятный мужчина и хороший специалист, пострадавший широко распространенной болезнью. Рядом с избушкой громоздилась куча водочных бутылок, а на двери красовался незаконченный силуэт семги — предмета исследования ихтиолога. Силуэт был метрового размера и составлен из алюминиевых пробок от водочных бутылок. Исследователь твердо заявил, что пока не дорисует «наддверное» изображение, свое затворничество не прервет.

Утки были непуганые, вылетали близко, да и стрелял я неплохо — к тому времени у меня был уже первый разряд по стрельбе. Кряквы, чирки, свияжки становились моей легкой добычей. Крохалей, гагар и гоголей я не стрелял. В мелководной лахтине я вынужден был выйти из лодки. Шел осторожно передвигая ноги по илистому дну. Вдруг из-под самых ног выскользнуло что-то и, оставив дорожку взбаламученного ила, понеслось к середине заводи. Я мгновенно выстрелил навскидку и не промахнулся. Это оказался двухкилограммовый налим. Позже мне приходилось стрелять и налимов, и щук, но этот был первым, поэтому и запомнился.

Около берега, под сенью разлапистой сосны, на ветвях которой прочно держалось гнездо какой-то большой птицы, лежал огромный валун. На камне я нашел крупные «орехи» лося-быка.

Мы представили картину, схожую с одним из символов родного Ленинграда, — «Медным всадником», только вместо Петра на вздыбленном коне, сохатого с огромными рогами. Несомненно, это было впечатляющее зрелище.

Кончились недолгие летние денечки. Все чаще ночные заморозки сковывали лужи и покрывали льдом заводы. Я заканчивал работу на своем участке, все дальше уходя от обжитых мест. Выводки уже не держали стойку и Бой оставался на таборе. Теперь нас кормила Мусти. Эта некрупная лаечка была ярко выраженной «птичницей», чему я способствовал как мог. Когда она облаивала белок, я жестко пресекал ее работу. К счастью белок в этих перестойных сосняках было мало. Зато порядочно глухарей. Не зря удалец Лемминкяйнен собрал перья чернышей

*Между пальцами потер их -
Глухарей возникло стадо,
Стая рябчиков явилась.*

Руна 26

Мусти их исправно подлаивала. Беспечные копалухи подпускали на верный выстрел. К черноперым петухам подходить нужно было осторожно, но и им доставалось от моего надежного Габриэля². В один из дней я подстрелил 13 глухарей. Первых двух нес в рюкзаке, остальных пришлось развешивать на просеке. На обратном пути заметил россомаху, которая пыталась достать висевшую птицу. Мой выстрел прервал ее попытки. Посланные мной рабочие собрали глухарей и россомаху и принесли их в табор. К сожалению, шкуру мне сохранить не удалось. Читатель! Не вини меня за жадность и неумеренность отстрела. В таборе меня ждали шесть голодных мужчин, женщина и две собаки, а из продуктов, кроме серых макарон низшего сорта и чая, ничего не было. Олени и лоси мне не попадались, даже рыба перестала ловиться.

*... горбатый окунь робок,
в омут осень уходит.*

Руна 3

От голодовки спасали Мусти, старый, верный Габриэль и глухари.

Я заканчивал работу на своем участке и тут коварная старуха Лоухи, хозяйка северной страны мрака Похьёлы, преподнесла трагическую встречу. Я шел по северной граничной просеке Ухтинского лесхоза. Мое внимание было поглощено оценкой окружающих сосновых древостоев. Это был сосняк скального типа. Он был способен поразить любого лесоведа-таксатора. При высоте 10-12 м он был 17 класса возраста, то есть 320-340-летний. Такую древесину, невероятно крепкую, тяжелую и водостойкую, называют кондовой. Сделав записи я поднял голову и обомлел. Я стоял на краю отвесного обрыва. Пришлось отойти назад и обойти скалу. Вот тут-то меня и ждал траги-

ческий сюрприз злой старухи Лоухи. Под скалой были останки финского солдата — человеческий скелет с обрывками кое-где сохранившейся формы. На пальце простенькое металлическое колечко, возможно самодельное. В ранце, рассыпавшегося в прах от моего прикосновения, находился плоский армейский кошелек-манерка с выгравированным именем Рааво Кивимяки, по-русски Павел Каменногорский. Вот значит какое имя было у безвестно погибшего. В таборе я рассказал о находке. Один из рабочих — Рейно Теппери, ингерманландец из-под Ленинграда, оказавшийся на оккупированной территории и проживший всю войну в Хельсинки, взял себе кольцо, сказав, что оно будет его талисманом. Позже, уже возвратившись в Ленинград, я много раз пытался сообщить финнам о месте гибели солдата Суоми. Ведь еще Антуан де Сент-Экзюпери, словно предчувствуя свою собственную гибель, считал, что самое печальное — безвестная гибель бойца. Все мои попытки кончались неудачно. Видимо письма «не доходили». Такое было время.

Осенью меня направили заканчивать работу заболевшего таксатора в Панозерское лесничество. Таксатор базировался в крохотной карельской деревнюшке Валонвара. Добраться туда можно было либо на лодке, либо пешком. С рюкзаком на спине и неразлучным Габриэлем в руках я пошел пешком. Преодолев десяток километров, я заметил на сосновой сельге вспорхнувшую копалуху. Я стал подходить ближе, ежесекундно готовый к выстрелу. Глухарка вела себя странно, то взлетая, то падая на землю. Она попалась в петлю, поставленную на обильном брусничнике. Я бережно вынул птицу из пут и посадил в рюкзак. Деревнюшка, а скорее даже хутор Валонвара, оказалась близко, и скоро я уже разговаривал с хозяевами избы, где проживал наш сотрудник. Встретили они меня очень неприветливо. Оказалось, наш таксатор беспробудно пил и не только не платил за постой, но еще и занимал у хозяев деньги, без отдачи. Я расплатился за него и спросил, кто ставит петли; я принес ему дичину. Это произвело на честных карелов сильное впечатление.

На ноябрьские праздники, по случаю окончания полевого сезона, мы с начальником последний раз сплавали на Верхнее Куйто, но уток уже не было. Ночью ударил сильный мороз и озеро замерзло. Мы с большим трудом пробились к берегу, перевернули лодку и оставили ее до весны. Возвращались пешком, но нам повезло, попутная машина с погранзаставы в Войнице привезла нас в Ухту. Когда я слушаю чарующую музыку «Туонельского лебедя» Яна Сибелиуса, в памяти всплывают леса и болота сказочной страны Калевалы, а на его озерной глади - гордый силуэт лебедя.

*Долго будет Карелия сниться,
Будут сниться с этих пор
Остроконечные глази ресницы
Над голубыми глазами озер.*

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Пажетнов В.С. **Мои друзья медведи.** / 2-е изд., испр. и доп. — М: Знак, 2006. — 232с, ил.

Десятки маленьких медвежат ежегодно попадают в руки людей. У них, как правило, одна судьба — зоопарк, цирк (это в лучшем случае) или гибель от пули, когда они становятся опасными для человека. Можно ли их спасти? Оказывается, можно. О первом опыте выращивания бурых медвежат, которые могут потом вернуться в дикую природу, рассказывается в книге.

Вестник внутренней информации Всероссийского общества охраны природы. Вестник внутренней информации Всероссийского общества охраны природы №2(119) 2007 год под общей редакцией Савченко В. А. — М., 2007. — 126 с.

Выпускаемый с 1964 г. Бюллетень внутренней информации ВООП, начиная со II квартала 2007 года решением президиума ЦС ВООП переименован в «Вестник внутренней информации Всероссийского общества охраны природы». «Вестник» будет издаваться ежеквартально. В нем будут наиболее важные события Центрального совета и организаций Общества. Данный выпуск содержит аналитическую информацию об итогах работы ВООП в 2006 году, приводятся сведения об активистах, награжденных президиумом ЦС ВООП, а также о важнейших инициативах Общества, включая создание Общественного комитета экологического контроля «Сочи 2014», участие ЦС ВООП в конференциях и международном сотрудничестве.

Тарасов В. **Дандин и другие...** Рассказы о сибирской охоте. — Красноярск: Сибирские промыслы, 2007 — 104 с.

«Безусловно, у природы, тайги есть средства, укрепляющие человека физически и духовно. Это, прежде всего, таинство общения, когда он один, наедине с природой. Такие обстоятельства располагают человека к самой непосредственной искренности», — считает автор книги, опытный охотник и охотовед Валерий Федорович Тарасов. Его рассказы не из разряда охотничьих баек, что могут скрасить отдых, хотя легко удерживают внимание читателя, они не инструкция для начинающих охотников, хотя им будет чему поучиться, они о том, как природа, не церемонясь с человеком, заставляет его честно оценивать свои и чужие поступки.

² Бокфлинт 12 калибра немецкого штучника Габриэля Мозьера, работавшего в г. Брослау (ныне польский Вроцлав).

Сайга

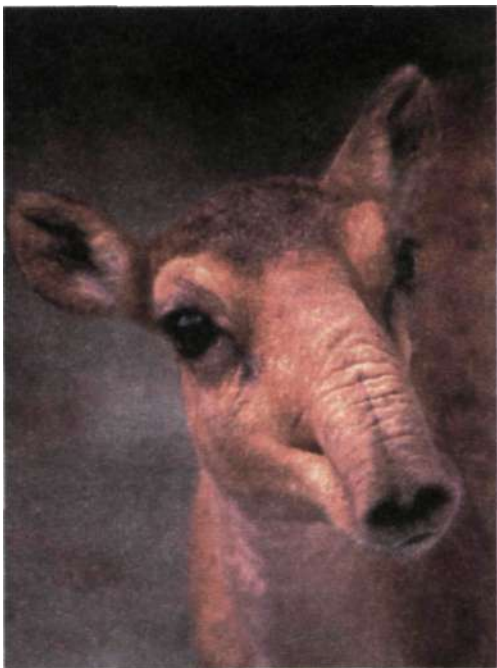
...Широки и привольны Прикаспийские степи на границе Европы и Азии. Восходящее солнце окрашивает в розовое небосвод, море степных трав и стада каких-то странных, легких и горбоносых животных. Это сайгаки — древний вид степных евразийских антилоп. Сайга, сайгак — представитель племени парнокопытных и полорогих. У него вздутая горбатая морда с подвижным хоботком, ребристые рожки не меняются всю жизнь

Сайгаки осваивали степи и полупустыни огромными стадами, уходя от буранов, гололедов, преодолевая тысячи километров в поисках влаги и сочных трав.

Приход весны стада сайги встречаются на зимовках в Южном Прикаспии.

Я стою под порывами колючего ветра, смотрю им вслед, вижу, как в ночи исчезают последние из скипальцев и молю Бога, что бы никакой беды не встретилось на их пути. Будьте здоровы и счастливы, легконогие дети степей. Желаю дожить вам до ясных весенних дней.

Охотники Шатковского района возле «Дома отдыха». Апрель 2002 года

дом примерно на 300 м севернее вдоль улицы Советской, на которой теперь уже в отчем доме он и проживал. В его хозяйстве имелись корова, лошадь, свинья, кролики, да разная птица.

Приезжать в Шатки стало значительно проще, т.к. из Москвы, минуя нудную пересадку в Арзамасе, прямой поезд шел через Шатки в Первомайское или Арзамас-16, где располагался ядерный центр СССР, который долго не могли рассекретить заморские «друзья» Союза. На месте новой дороги была ранее однополосная узкоколейка, где бегала «кукушка». В старом фильме, который снимался именно здесь — матерый бандит Жиган (артист Жаров) убил вора, а теперь передовика стройки Мустафу. В моё узкоколеечное время еще ходила в народе песенка: «Мустафа дорогу строил, Мустафа ее любил, Мустафа дорогу строил, а Жиган его убил!»

Все хорошо, но только спать почти не приходится, чтобы не проехать нужную станцию — проводники могут забыть разбудить, т.к. этот поезд останавлива-

У ШАТКОВСКИХ ОХОТНИКОВ

В. ГРЕКОВ, кандидат биологических наук

Виктор Ланцов и Владимир Кармишин - «Михайловский Кулибин» осматривают ружье

С возрастом мне все больше хотелось побывать там, где в лихолетье войны прошли юношеские годы. И вот в 1998 г. я, наконец, собрался в Волжско-Камский край, а точнее в Нижегородскую область (ранее Горьковскую), в райцентр Шатки, в отстоящую от него на добрый десяток километров деревеньку Михайловку — родину предков по материнской линии. Захотелось проведать друзей детства и отрочества, выживших в борьбе с неумолимым временем и оставшихся в Шатках и Михайловке. Другие разбрелись по белу све-

ту и, по слухам, в разных местах добились заметных успехов, даже в Одессе на железнодорожной станции ходил в начальниках мало знакомый мне михалчанин.

Само собой разумеется, что в Шатках я намеревался остановиться у Виктора Прохоровича Маркина, с которым мы долго жили в одном деревянном доме и хаживали на вальдшнепиную тягу. Витя стал ветеринаром, но пришлось вплоть до пенсии работать председателем райсовета. Во время реконструкции центра он «перенес» упомянутый

ется в кромешной тьме (4 часа утра). Правда, к его прибытию подвалило на машинах много «извозчиков», которые мыкались, ища пассажиров в разные села. Подходили и ко мне: «Куда тебе дед?» «На Советскую 27» — отвечал я. И тут же следовало ехидное: «Сам добежишь!» Разумеется, пара километров охотнику ничто, но вот тяжелые подарки — обязательные всем родственникам и знакомым Волжско-Камья — словно пудовые гири к ногам сказочных скороходов. И так, мелкими перебежками с продолжительным отдыхом или с частями груза на предел видимости. Ко всем бедам — во тьме ночной я забрел на мемориал — кладбище знатных жителей в центре Шатков. На противоположной стороне выхода не оказалось и пришлось возвращаться. При этом, совершенно случайно оказался у памятника девочке Тане, которую после прорыва блокады Ленинграда, крайне истощенную привезли в Шатки, но процесс зашел слишком далеко и выходить её не удалось.

Измотанный донельзя, я присел на пенек ветельника (белая ива), примерно у нужного дома и стал ждать пробуждения хозяев. Когда окончательно рассвело — оказалось, что не ошибся. Радостная встреча. Упреки — почему не разбудил! А если бы разбудил не тех? Витя выглядел очень худым. Оказывається, была операция по случаю прободной язвы желудка, и теперь он весьма плох. Но поутру мой друг запряг лошадь в повозку на резиновом ходу и поехали косить траву для коровы и кроликов. При этом я заслужил комплимент, что еще не разучился крестьянским премудростям.

По возвращении узнал, что ждет меня председатель общества районных охотников Николай Федорович Сизов — младший брат моего сверстника Ивана Сизова, что жили во время войны рядом. Николай Федорович хотел меня видеть, не только как почти одногодка, но еще и как «писателя», да и не мудрено, поскольку много знатных людей родила Шатковщина, а вот с писателями не повезло! Да к тому же в журнале «Охота и охотничье хозяйство» появилась весьма кстати моя статья «Ну заяц, погоди», во многом посвященная шатковским охотникам и особенно деду Шерстобитову по прозвищу Микадо. Поэтому, на худой конец, и я сойду за «свадебного генерала». Созвонились. Председатель с отчетом срочно уезжает в Нижний, но по возвращении найдет меня в Михайловке, куда в этот же день я отправился с товарищем детства — Кармишиным Владимиром Васильевичем на его не совсем исправной «Ниве». Приходилось останавливаться почти у каждой лужи и охлаждать двигатель. Погрузил, поседела его изреженная теперь шевелюра, но, в общем, все тот же, да к тому же прогремел в книжнице заезжего писателя как Михайловский Кулибин, что очень понравилось Кармишину, и он часто при знакомстве представлялся под этим псевдонимом. Кстати, в нержавеющей исполнении хитроумная складная сувенирная столовая ложка с миниатюрным ножиком — от него, тоже с выбитой надписью: «Грекову от Кулибина, 2001, Авторыбохотсервис!» Кроме того, к 70-летию подарен мне сувенирный автоматический нож с хитринками в открытии, а в ручке ножа — две обжимки 16 и 12 калибров и закрутка для 12 калибра, на обратной стороне которой заглавная буква моей фамилии. В то время он ещё не удостоился псевдонима, посему на накладках экстракторов выбито лишь «Ружохотсервис» и «Диана».

Затем пошли встречи, раздача подарков, вскоре приехал в Михайловку сам Сизов с группой высокопоставленных охотников. Мы прекрасно «пообщались», как водится на Руси сфотографировались на память, но самое главное — я познакомился со старшим егерем Ланцовым Виктором Михайловичем, завзятым охотником, фанатом леса и настоящим мастером своего дела. Он часто говаривал: «Без леса и птичек — жить незачем!» Мы обменялись адресами и договорились, что в следующий приезд он меня встретит и покажет все лучшие уголья. Оказывается, там, где вблизи Михайловки я в юности собирал в лесу грибы да ягоды, имеются глухаринные тока и отличная тяга вальдшнепов.

Итак, к открытию весенней охоты в 2000 г. Виктор Михайлович встретил меня поутру на Ижачке с коляской и теперь я остановился у него на юго-восточной оконечности Шаткое. Все десять дней мы были в разъездах. Иногда возвращались ночевать домой, но большей частью спали в палатке вблизи места охоты. При этом неоднократно остано-

вливались на весьма обжитом шатковскими охотниками месте — у впадения речушки Астры в более крупную речку Тешу, где образовалась настоящая дельта, большей частью заросшая осокой, которую мы прежде игнорировали и посещали лишь ее южную сторону, покрытую кустами верболоза, известную у охотников как Сорокино болото. Наверное потому, что там чаще удавалось поднимать уток. Возле этого болота в далёком-далёке я ночевал со школьным товарищем Шуркой Горюновым, а также и с пожилыми охотниками и, оказывается, до сих пор живо это болото! Однажды там над нами, вероятно привлеченная костром, пролетела дура-крякуха. На втором кругу мы были готовы и одновременно выстрелили: птица камнем рухнула наземь. Василий Михайлович Фокин — мой первый учитель, погладил перо птицы, подбросил оценивающе на ладони и задумчиво сказал: «Летело, почитай, полтыщи дробинок, а попало лишь 5-6 — поди знай чьи». Бросили жребий. Трофеей достался мне — самому неопытному, но впервые везучему при дележе.

В дельте Астры водились отменные караси-лапти и щуки, но нам их не удалось поймать. Впрочем, привыкший к более вкусной рыбе, уху из карасей и, тем более, из щук, пахнущих каким-то специфическим запахом, честно говорю, не уважаю.

Следующая поездка состоялась на запад, где в районе с. Понистаявка находилось самое крупное скопление тетеревов. Остановились у Сергея Штиглетова — человека с высшим техническим образованием, но застрявшим в несусветной глуши. Возле его дома большая поляна, с противоположной стороны которой — остатки церкви с березовым самосевом на теперь плоской крыше. А возле церкви — склеп известнейшего архитектора России — Василия Николаевича Баженова, его жены — Ольги Александровны и сына — Александра Васильевича, почившего 08.11.1908 г. Удивительно, но в студенчестве я, наезжая из МПМИ в Москву, иногда приходил в гости к Баженовым! До чего Мир тесен! Склеп пустой, и никто не знает, где теперь мощи прославившего Понистаявку ее знаменитого уроженца. Велика ты, Россия, талантами, но прославились россияне как Иваны, не помнящие родства!

Вечером оказалось, что у Штиглетова погибает ценная ягдтерьера от диареи, сопровождавшейся высокой температурой. Есть антибиотик, но нет растворителя и негде взять, а промедление — смерти подобно. Я, в какой-то степени почти медик — действующий старший научный сотрудник Института вирусологии, попросил вскипятить и затем остудить воду. Тем временем скормил ей две таблетки сульфина, сделал ей два укола: вечером и утром. В общем, спас не только мать, но и ее потомство.

Наутро проспали и насладились лишь урчианием тетеревов на многочисленных диффузных токах, разбросанных на по-

лях между березовыми колками. «Ишь ты, как семафорят — с удовольствием замечает Ланцов, — сейчас к ним не подойти». Однако решили стронуть один точек из 10 петухов, тем более что перед ним было несколько копешек сена, в которых можно было удобно укрыться. Вероятно, заподозрив неладное, парочка куриц улетела в ближайший березовый колок, указав, куда могут ретироваться кавалеры. Учтывая это, я замаскировался в крайней копешке, Семен — друг Ланцова, вблизи меня и далее Штиглетов. Когда Михалыч стронул птицу, они, как и предполагалось, налетели на стрелков, и мне удалось добыть из МЦ-21-12 Ланцова трех петухов, Семен из своего ижевского помповика промазал, а Штиглетов срезал еще одного. При этом, после выстрела из его ружья вместо нормальной пыжи вылетело полгазеты. Оказалось, что Сережа — большой мастак по тетеревам, а вот его ТОЗ-34 все скручено проволочками, столы от дула почти наполовину распаяны, и тем не менее, он умудряется в год добывать до 70 польшей. У него мешки самодельных, искусно сработанных чучел, которые он прячет с шестами на местах охоты. Сережа с добычей отправился домой готовить завтрак, а мы пошли обследовать эти замечательные места, чем-то напоминающие западносибирские колки. По пути попало ещё 3 тока, каждый не более десятка петухов. Подходили к ним так близко, что слышалось, кроме мощного урчания, даже чухфыканье, но решили их не пугать — на сегодня хватит! Дошли до пруда, заросшего по мелякам розогом и камышом, подняли крякаша, который, испуганно шамкая, подался прочь. Затем по длинному склону спустились к речушке, заросшей кустарниковой вербой, и по пути к мосткам подняли крякуху и трех селезней. Уставшие, но довольные всем, мы вернулись к Штиглетову, где нас ждал прекрасный стол из тетеревов, жаренных с картошкой и заправленных яичницей.

Много тетеревов я взял на своём веку по чернотропу с подхода в средней России, зимой — из лунок в Западной Сибири, но вот классически, из шалаша да на току — ни одного! Поэтому Сергей Штиглетов повел УАЗик Виктора Михайловича на взгорок, где пару лет назад мы расположили небольшой точек, но теперь остановились в березовом колке, где в овражке хранились шесты и 2 мешка отменных чучел собственного изготовления. Часть чучел на шестах Сергей прислонил к березкам, столько же расставил на тычках в прошлогодней траве. Захватив остальные чучела, все сели в машину и вскоре стоповые огоньки исчезли в предрассветных сумерках. Шалаш находился под березкой и удивил своей простотой, даже ямки для ног не выкопано. Залез я в этот шалаш, сел, прислонившись спиной к березке, и стал ждать. Светало всё больше, но «токовик» явно проспал и не собрал прочих участников весенней потехи. Сомнения вкрадывались в душу все больше и больше. Вылез из шалаша

поразмять затекшие ноги и осмотреть, так сказать, «токовище» и понял, что Штиглетов решил подшутить, приняв меня за городского лопуха — «профессора»: во-первых, впритык к деревьям тетерева не токуют, во-вторых, нет ни помета, ни перьев косачей и в третьих чучела на деревьях расставляют по осени! Поразмялся и, не найдя на этом «току» никаких признаков пребывания тетеревов, вновь устроился под березкой, но вот... кто-то летит низом! Оказался молодой тетереватник. Он завис, словно пустельга, над чучелами и, попорхав немного, сел возле одного из них, затем на всякий-який клюнул его и, разочаровавшись в обнаруженном, взгромоздился на березу рядом с очередным чучелом, которое, видимо, с досады, тоже клюнул и, потеряв интерес ко всей этой бутафории, нахохлился, распушился, и не солоно хлебавши пригнулся на солнышке. Возвратились, наконец, пустопорожние. При сем я провел Штиглетова по выдаваемому им околберёзовому «току», пристыдил, что втирает очки охотоведу наивысшей квалификации. Сергей опешил и пообещал, что на следующий раз обязательно посадит в настоящий шалаш. На этом и расстались.

А следующего раза не дождался: ибо вскоре прикатил из Нижнего коренной шатковчанин — прапорщик Василий Скоробогатов, говорят адъютант самого генерала, весельчак, шумный балагур, чем-то напоминающий Гоголевского Ноздрева. И захотел Василий пострелять косачей. Залил бак бензина в УАЗик Ланцова, сел за руль, любезно предоставленный Михалычем, и покатали в Понитаевку к Штиглетову. И вот таким «макаром» в 2 часа ночи нагрянули нежданные гости к местному «тетереватнику».

На сей раз посадил меня Серега в настоящий скрад, как раз посреди тока не менее чем в 25-30 петухов. Представляло собой сие убежище уж слишком узкую яму, где ни развернуться, ни сесть как положено, ни ружьё просунуть в «бойницу», не зацепив стволами бруствер, в который натыкан ворох местного бурьяна. Близ шалаша Сергей посадил на тычки несколько черных чучел, и все укатили строить другие шалаши, но выкопать их уже времени не было. Ещё потемну прилетел токовик и стал сзывать на потеху бойцов — петухов. Они не заставили себя ждать — шумно нагрянули, да и тетерки пожаловали, но вот беда: не вижу я птиц — ибо далеко расселись и на все мои ухищрения никак не реагировали. И что я только не вытворял, и урчал, и чуфыкал, подражая заморышу, и хлопал себя по ватнику, имитируя полувзлёт отменного драчуна соперника — однако никто не собирался приближаться к моему укрытию. Подраассвело, и тут я обнаружил, что в шалаше довольно много черного пера косачей. Получается, что не такие они дурни, чтобы приближаться к добротн обстрелянному шалашу. А все же, вдруг какой-либо глупец молодой повернётся, надо на всякий-який прове-

рить — не зачерпнул ли супеси в этой ужасной тесноте стволами отменного резкого боя ТОЗ-34: пока не ощиплешь птицу — до тех пор не узнаешь — куда попал! Не погубить бы это очень удачное ружьецо Ланцова. И точно — в нижнем стволе у самых длинных, словно у франкота, чоков четыре симметричные точки! Вот так штука, молодец, что посмотрел — похвалил я себя, — надо стрелять только из верхнего ствола, но закрыть ружье не удалось и причины в полутьме не разобрать. Со стороны коллег раздался выстрел, и полетели надо мной тетерева и, несмотря на все ухищрения, они никак не хотели присаживаться к чучелам у шалаша. Но нет, один профан сел-таки! Вытянув вверх шею, он несколько минут боязливо озираясь, наконец, успокоился, чуфыкнул, принял позу: разлирил хвосты, пригнув голову, двинулся на ближайшее чучело. Не обнаружив ответной реакции, поостыл, и абсолютно мирно приблизился к «сопернику», затем клюнул его, вероятно пытаясь растормошить, и полетел прочь, развесив на подъеме ноги. «Хоть ты и улетел, но считай, что я тебя добыл», — подумал я. В общем, какая-никакая, но классическая охота «состоялась». Не то что один, а тысячи косачей не стоят одного редкостного по бою этого, хотя и в рядовом исполнении, ружья. Не посмотри я, безусловно, стрелял бы с 15-20 м обязательно из нижнего ствола, а тогда...

Послышался голоса, и впереди донельзя рассерженный Виктор Михайлович. Он уверял, что тетерева токовали вокруг шалаша, а я их не видел. Начался придирчивый осмотр ружья, и выявилось: буквально песчинка попала между выбрасывателем и казенником, да и не мудрено в такой тесной яме, а в чоке нижнего ствола застрял полиэтиленовый пых без доньшка после вчерашнего «пуделя» по гусям. В общем, всё хорошо, что хорошо кончается и

Владимир Сергеевич Греков с трофеями коллективной охоты. Шатки, 2000 год

береженого Бог бережет! Хорошо, что проверил и увидел остатки пыха. Такое у меня впервые, а у сына аналогичный случай произошел на лисьей охоте: по поданному фоксиками зверю, некачественный «выстрел» у него буквально пшикнул, но тогда его подстраховал я. Получается, что на охоте не помешает почаще заглядывать в стволы, особенно после неполноценного выстрела.

Более широкое знакомство с Шатковским районом показало, что он вовсе не

Опять застрял

зжат необъятными лесами, а занимает всего лишь лесостепное положение, но с отдельными значительными лесными массивами и колками.

Самым удачным из шатковских «сафари» оказался весенний приезд 2002 г. Меня встречал Ланцов на восстановленном УАЗе, теперь не старший егерь, а председатель районного общества охотников и рыболовов. Н.Ф. Сизов, бесменно проработав 18,5 лет, ушел на пенсию по состоянию здоровья, а Виктор Михайлович во цвете лет оказался на своем месте. Он рассказал, что угодыя общества составляют 104 тыс. га, воспроизводственный участок — 45 тыс. га. Ежегодно отстреливают 2—3 лося, причем обычно одно животное погибает в ДТП. Кабанов немного — поэтому охоту на них открывают раз в 5 лет. Дома он поведал, что за селом Калапино, расположенном в 4—5 километрах от Михайловки, выше по речушке Нарзимке, у стгнувшего села Иваново организован «Дом отдыха Шатковских охотников». Сначала там обосновался фермер с царской фамилией — Романов. Дела у фермера не заладились — он отступился и сдал в аренду единственный в округе свой вместительный деревянный дом. Теперь на открытие весенней охоты Виктор Михайлович мог приглашать коллег из соседних районов, которые обычно разъезжались по домам после первой вечерки и утрянки, добыв, как правило, пару вальдшнепов натяге.

Асфальт кончался в с. Калапино, а там еще не менее 5 км по грязи, ухабам, рывтинам, да промоинам. И никто не помышлял об улучшении дороги, так лучше сохраняются глухариные токи. Осенью и зимой в районе дома отдыха отменная охота по беляку с гончими. Завелись кабаны, устроены вышки и осуществляется подкормка, близлежащее поле засеивается горохом, куда повадились так же и глухари. В рейдах по району я заметил на полях необранную хрущевскую кукурузу, и раз уж она принялась, то вместо гороха для кабанов она лучше. С поспеванием этой культуры украинские кабаны переселяются в ее посева.

Весной завозили в «Дом отдыха» баллон с газом, чтобы перед выходом на охоту по быстрому выпить чашечку кофе. Была там и русская печь с плитой и, как положено в настоящем русском доме, подтопка, а в просторном холле десяток пружинных кроватей с матрасами, бельем и шерстяными одеялами. Кстати, самое теплое место за подтопкой на все приезды было забронировано за мной. Добычу чаще готовили на костре, тем более, что вблизи дома сооружены столы и скамьи. В один заезд можно было принять 10—12 человек по царски, а если потесниться, той более.

В прошлом, да и теперь, чтобы добыть березовый сок ранят дерево, прорубая в коре V-образные скосы. Человек уходит, а дерево еще долго «кровоточит», к тому же открывается легкий доступ короедам и древооточцам. Но деревья и сами подсказывают, как надо

поступать — если хочешь получить березовый сок. Надо обрезать кончик нижней ветви и опустить ее в горлышко полиэтиленовой бутылки — вот и все дела. И человеку хорошо и дереву, если вред — то практически неощутимый.

В этот сезон я, с неоценимой помощью Виктора Михайловича, наконец добыл мошника на току, да под песню, как и положено на охоте по этой птице. Ланцов решил получить высшее охотоведческое образование в Нижнем Новгороде. Он успешно продолжает заочную учебу на лесном факультете сельхоз Академии.

В очередной приезд (2004 г.) разразился настоящий ливень и я изрядно промок, добираясь с вещами от первого вагона поезда до шатковского вокзала. Пока я размышлял в зале ожидания «Что делать?» появился запыхавшийся Виктор. Оказывается, он никак не мог завестись «Буханку» — 10-местный УАЗик, только что прошедший ремонт. Через несколько минут мы были у него дома на электроподстанции, где он сообщил, что произошло изменение в его жизни: теперь он охотевод при районной администрации, но, уходя из охотобщества, «Дом отдыха», что у бывшего села Иваново, оставил за собой. Весьма приятное событие, т.к. уж очень комфортно жить вблизи глухариных токов и отменной вальдшнепиной тяги, когда никакой дождь не страшен и всегда можно обшудить у хорошо нагретой подтопки.

Как и ранее, в субботу после обеда собрались у «Дома отдыха» настоящие фанаты сбить оскому: постоять на тяге, а по утрам посетить глухариный ток. Открытие оказалось менее удачным, чем в 2002 г, хотя и стреляли немало, но добыли на удивление жирных в этом году трех вальдшнепов, которых сварили на обед, после чего все разъехались по домам. В обязанности Ланцова теперь входила выдача лицензий на охоту, а также борьба с браконьерством и, тем не менее, я был дважды на знакомом глухарином току: один раз с Виктором Михайловичем, а второй — с егерем Сережей. Оба раза петух токовал в нижней трети берез каждый раз на разных деревьях. Сначала по крайку березняка подошел на 25-30 м, но петух улетел. Во второй раз он обосновался посреди поляны в небольшой кучке берез. Подходил к нему очень осторожно, не более двух шагов под точение, и теперь был он за стволами берез и не мог увидеть меня, но мошник слетел на землю примерно в 15-20 м от егеря, выдал две песни и улетел. И следом на вершину березы, на которой токовал хитрован, взгромоздился тетеревиатник. Он хищно блистал желтыми глазами, оглядывая неуловимого пока певца. До сих пор жалею, что не освободил ток от этого, правда, охраняемого законом, злодея, который весь ток порушил; сохранился всего один хитрый петух, который пел теперь на березах и почти у земли.

Фото автора

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Климов В. В. **Настоящая живая Африка.** Альбом. /Изд. подгот. Н. В. Литваком, — М.: Колос, 2007 — 192 с.

Альбом составлен биологом и путешественником Василием Климовым, удачно сочетающим научную работу (международный специалист по редким видам животных, автор 5 книг и более 400 научных и популярных статей о жизни животных, участник международных конгрессов в Лейпциге, Галле, Кельне, Москве, Киеве, Улан-Баторе и др.) с любовью к фотографии (член Союза журналистов и фотохудожников России). Путешествуя по миру, он пишет рассказы и повести о природе живого — от насекомых и хамелеонов до слонов, зебр и носорогов, не расставаясь при этом с фотокамерой. Издание предназначено для широкого круга читателей.

Пискунов А. **Книга охотника.** — Мн.: Книжный Дом, 2005. — 640 с, ил.

В этой оригинальной книге аккумулирован практический и теоретический опыт наблюдательного человека, увлекающегося охотой и дикой природой. Он поддерживает мнение, что чудеса начинаются за околицей, где всегда можно добыть трофей. Это может быть почти невесомый бекас и могучий кабан с великолепными клыками, а то и просто маленькая тайна из жизни камышицы, рассмотренная в бинокль. Размышления о сущности охоты и ее достоинствах, сведения о потенциальной добыче, орудия охоты, собаках, трофеях, секреты походной жизни собраны здесь для всех охотников. Для широкого круга читателей.

Кружков Н. А. **Иркутский питомник восточносибирской лайки.** Очерки истории. — Иркутск: ООО «ПЦ РИЭЛ», 2007. — 116с.

Книга знакомит читателя с историей создания и деятельностью Иркутского питомника восточносибирских лаек. В ней рассказывается о чистопородном разведении по племенным линиям и семействам, о проведении полевых испытаний и выставок лаек, а также о результатах этой работы. Автор - биолог-охотовед, занимается лайками с 1965 года, эксперт Всероссийской категории по породам и испытаниям лаек. Книга будет полезна для охотоведов, охотников, кинологов и всех любителей восточносибирских лаек.

Охота на волка

А. КРУГЛОВ

Волк — животное очень загадочное. Большинство сельских жителей, на территории проживания которых обитают волки, за всю свою жизнь даже их и не видели. Когда охотники добывают волка, то посмотреть сбегается чуть ни вся деревня. Какая-то магическая сила притягивает людей увидеть это творение природы, а каждая такая охота долго обсуждается среди населения, порой обрастая самыми невероятными фантазиями. Люди, как правило, боясь этого зверя. У охотников он считается самым желанным трофеем и, если охотник добыл или постоянно добывает волков, то такой человек в охотничьей среде считается большим мастером своего дела и пользуется определённым уважением. Охотник с малым опытом добывает этого зверя крайне редко. В основном, добыча волка осуществляется целенаправленно, со знанием дела, с приложением больших физических усилий, ума и материальных затрат. Но, несмотря на эти трудности, есть охотники, предпочитающие охоту на волка всем другим.

Более 15-ти лет я увлечён этим зверем. Очень его уважаю, восхищаюсь его умом, высокоорганизованным стайным образом жизни, его выносливостью. Полученных впечатлений столько, что можно писать бесконечные рассказы. Всегда, общаясь с молодыми охотниками, высказываю свою точку зрения — если при охоте на волка из ста факторов, сопутствующих удачной охоте, проигнорирован хотя бы один, можно не сомневаться, волк обязательно его «вычислит» и воспользуется этой ошибкой — уйдёт. Я уважаю этого зверя и, тем не менее, охочусь на него. Причина, скорее всего, кроется в том, что чем сложнее зверь, тем более эмоционально противостояние и, кроме того, играет роль понимание необходимости регулирования его численности. Когда вдоволь насмотришься в лесу на десятки зарезанных лосей, на то, с какой жестокостью проходят волчьи охоты и, представляя, что чувствует обложенный волками зверь, когда у живого, загнанного животного вырываются куски плоти, и он понимает свою обречённость — жалости не стаёт. Много раз приходилось видеть площадки таких сражений и в каждом случае проявлялось желание узнать и представить весь ход событий. Ещё заметил такую деталь, сам процесс охоты настолько захватывает, что, порой, кажется, физические нагрузки не входят за гранями человеческих возможностей. К концу дня нет никаких сил, лишь бы добраться до ночлега, а то и вовсе дремать у костра в лесу в одиночку зимой. Но приходит утро, и какая-то

сила заставляет всё начинать снова. Иногда думаешь — вот он — финал, совсем немного и результат будет налицо. Хотя надо признать, что надежда на это оправдывается далеко не так часто, как хотелось бы. Всегда очень интересно увидеть того, с кем так долго приходится состязаться в выносливости, уме и опыте. Но если результат достигнут, то после осмотра зверя, изучения его размеров, возраста, внутреннего содержания желудка, мускулатуры, возможных ранее полученных ранений и характера своего попадания, наступая какой-то эмоциональный спад. Добытый зверь перестаёт представлять интерес. Волк — зверь уникальный. Иногда приходится вступать в дискуссии с владельцами бойцовых собак и некоторые из них убеждены, что такие собаки способны справиться с волком. Насчёт этого у меня большие сомнения. Ни одна собака не сравнится в выносливости с волком, в правильности и точности хватки. Это природный профессионал-убийца. Я сам проводил преследование волка на снегоходе «Буран», в одном случае пришлось преодолеть за пять дней 605 километров и ни разу на этом расстоянии не удалось его даже увидеть, хотя преследование длилось по 10-12 часов в сутки по пересечённой местности и лесным массивам. На таком расстоянии можно уничтожить много бродячих собак. Многолетние наблюдения и опыт охоты на волков меня убеждают в том, что равных материю волку — самцу собак нет. У волка всё идеально. За многие годы преследования его человеком, у него настолько выработались инстинкты самосохра-

нения, что совершив ошибку один раз, если она ему не стоила жизни, во второй раз он её не совершит никогда и самое главное, неким образом он передаёт информацию своим сородичам по стае и другие волки также начинают предостерегаться. Не буду больше читателя утомлять своими рассуждениями и расскажу конкретную охотничью историю. С полной уверенностью могу поручиться, что у каждого охотника имеется свой уникальный случай.

Странный волк

Февраль, утро, на улице лёгкая метель. Планировал встать пораньше, завести снегоход «Буран». Приближается конец охотничьего сезона, надо объехать путик, проверить капканы на лис, посмотреть переходы. Но вставать не хочется. Наохотился уже вдоволь — можно полежать, понежиться в тёплой постели. Как следует выспаться. Слышу, в ограде дома гудит снегоход, а я вроде никого не ждал. Выхожу — приехал знакомый охотник, и рассказал, что видел волчьи следы. Быстро собрали бригаду из трёх человек, поехали на место, где недалеко от деревни, в большом поле был замечен свежий волчий след. Много раз я в этом месте проезжал, охотился на лис и зайцев, но чтобы здесь волк прошёл — за последние десять лет не было даже и намёку. Стали тропить след, обнаружили помёт — какой-то странный, как будто силосом питался. След обычный — без дефектов. Протянув вдоль большого соснового массива, след ушёл в густой, с подrostом и логами, сосновый бор. Объехали по просекам лес — зверь в окла-

де. Просчитали возможные места хода, выставили стрелков на номера и отправили загонщика. Лес большой, но места возможного перехода волка перекрыли. Загонщик начал стрелять, а волка нет. Один снегоход делает контрольный объезд обложенного участка, но волк не вышел. Загонщик в окладе выстрелил 14 раз. Обычно после первого выстрела зверь в панике идёт прямым ходом в другое надёжное место. Вторая половина дня, загонщик вышел из леса. Волк ведёт себя не «по правилам». Начали по лесу нарезать снегоходом следы, как пограничники — контрольно-следовую полосу, чтобы выявить последнее место нахождения зверя. Последам волка определили, что он выходил на номер со снегоходом, но по какой-то причине развернулся обратно. Начал крутиться по массиву, всё время меняя направление хода, и загонщик не успевал его направить на номера. Таково на волчьих охотах мне ни разу наблюдать не приходилось. Резервный снегоход периодически проверял границы оклада, на случай выхода волка из обложенного участка. Вокруг леса большие поля и в случае прорыва зверя на поле его можно легко перехватить. В первый день охоты волк так и не пересёк контрольно-следовую полосу не смотря на то, что по его следу целый день ходил загонщик, стрелял, кричал. Стемнело, решили вернуться домой. На утро состав бригады изменился. Остался один снегоход и два загонщика. Объехали контрольно-следовую полосу — зверь оставался в окладе. Странно, мог за ночь уйти в другое место. Снова загонщик пошёл тропить след. Всё стало повторяться, как накануне.

Зверь ходит кругами, не выгоняется. Я решил тропить его на снегоходе. Волк снова зашёл в угол леса в мелкие и густые лесопосадки. Пробивая снегоходом ходы в лесопосадках, начал крутить его на небольшом пяткачке. По следам видно, что зверь бегаёт по моим следам, сзади меня и где-то совсем близко. На номера не идёт. Не понятно! Стало вечереть, перенесли охоту на следующий день. Утром выставил сплошную линию из загонщиков, погнали зверя в другой конец леса. Стрелков на номера не выставили. Выдавили его из одного участка, пересёк контрольно-следовую полосу и пошёл на клин леса. По времени я просчитал, что он должен выйти из леса на поле, но не перейти его. Беру одного загонщика на буксир и начинаю обрезать след зигзагами на клин леса. Обрезал клин и на просеке выставил стрелка — перекрыть обратный ход зверя. Объехал остаток леса и выехал на поле, волк на махах с поля бежит обратно в лес, чуть ли не на меня. Поехал на перерез, догоняю. Расстояние между нами метров тридцать. Я остановился и успел один раз выстрелить — волк исчез в кустах. Ну, подумал, промазал. Кричу стрелку на номере: «Идёт!» — должен стрелять, а там тишина. Доехал до следа, спрыгнул со снегохода, по пояс в снегу отправился по следу. Пробегал немного и увидел, что след повернул от меня и от стрелка обратно в поле. Неужели он нас обошёл? Быстро выбираюсь к снегоходу, завожу его и обрезаю в сторону хода — выхода на поле нет, странно? Подходит стрелок с номера и снова пешком пошли по следу. В месте сворота волка в сторону поля стояла вся в снегу густая ёлочка.

Смотрю, волк лежит под ней, дошёл до него, проверил — не шевелится. Взял его за заднюю лапу и потащил к снегоходу. Тяжёлый, хоть до снегохода и близко, но я устал его тащить. Оставил зверя на буранище (снегоходный след). Всё, теперь можно и отдохнуть, сидим, пьём чай, обсуждаем последние события — смотрю на волка, шея мощная, сравнил её со стволом старой липы. Присмотрелись — какая-то полоса вокруг тела у задних ног. Осмотрел её — оказалась грубая, ржавая проволока диаметром 4 мм. Обручем перетянула туловище. Держалась на маленьком заусенице. Чуть надавили, она растянулась и отпала. На спине проволока вросла в шкуру, а в области паха воспалённая полоса. Шерсть на задних ногах и на животе скаталась, а весь пах казался как голый. Волк оказался матёрым самцом, мужское хозяйство, естественно, от проволоки воспалилось, было видно, что долго ему не прожить. Проволока на петлю не походила. Когда сняли шкуру, она разделилась на две части. Потом, при выделке, сшивали шкуру, и получилось отличное чучело. Проволоку показал охотоведу района Перчаткину Ю.А. Все очень удивились такому факту, никто с подобным случаем не сталкивался. Гадали — где волк её «собрал» и вспомнили, как примерно за два месяца до этого, вечером по дороге ехал водитель на автомашине и увидел, как перед ним, со свалки дорожки пересёк волк. Волк шёл, низко наклонив голову, медленно, как-то неестественно, спотыкался. На другой день бригада волчатников поехала проверять информацию. Снега на полях было мало. Целый день на снегоходе распутывали следы, к вечеру определили место, где волк залёг, но загон сделать не успели. Наследующий день, утром продолжили охоту. Ночью зверь вышел из леса и пошёл в другой массив. Шёл через поля, которые были изъезжены тракторами — местный колхоз вытаскивал волоком стога с сеном. По этим волокам волк и передвигался. Следов практически было не видно, иногда направление хода зверя определяли по еле видимым царапинам от когтей. Началась метель, и на развилках дорог след потеряли. Пришлось охоту сворачивать. Через месяц снова сообщили, что в одной из деревень, в новогоднюю ночь волк-одиночка напал на собак. Сообщение пришло через несколько дней после факта, поэтому искать зверя было уже поздно. Федеральная автодорога, много просёлочных дорог, метели не позволили определить местонахождение зверя. Наш волк был добыт недалеко от этой деревни, скорее всего это был тот волк, который шёл со свалки, а на свалке он запутался в проволоке и, в дальнейшем, вёл себя очень странно. Расстояние по прямой, где его видели в первый раз, до места, где его добыли, составляло примерно 15 км. Вот такая охотничья история.

Фото В. Болотова, В. Животченко. А. Дигилевича

По следам бурого МЕДВЕДЯ

С. ПИЗЮК. Фото автора и М. Маслова

Жизнь медведей и других животных интересовала меня еще со школьных лет и поэтому мой выбор пал на Приморскую сельскохозяйственную академию, где на базе Института лесного хозяйства была открыта специализация «Охотоведение». Учебу в институте мы с друзьями удачно сочетали с полевыми разъездами по Уссурийской тайге. Уделяя большее внимание гималайскому медведю, я не упускал возможности понаблюдать и за бурым. За годы учебы удалось узнать многое из жизни этих удивительных животных, неизменным спутником в моих походах всегда был фотоаппарат.

Особенно много информации и удачных снимков удается получить при троплении зверей по первому осеннему снегу и весной, когда они оставляют много следов около своих убежищ. В зависимости от погоды, кормовых условий года, физиологического состояния животных и других факторов сроки ухода и выхода из берлог часто сильно растянуты, что позволяет вести наблюдения длительный период.

Большинство гималайских медведей устраивается на зиму в дуплах крупных деревьев (липа, тополь, кедр и др.). Бурый медведь предпочитает залегать в грунтовых берлогах, которые обычно устраивает в высокогорной елово-пихтовой тайге. При выпадении снегов многие бурые медведи совершают переходы к традиционным местам зимовки и идут к ним десятки километров. В

отдельных районах Сихотэ-Алиня такие переходы принимают характер массового явления. Однако не все медведи уходят зимовать в труднодоступные горные районы, некоторые из них залегают в берлоги под пологом кедрово-широколиственных лесов вблизи мест осенней кормежки, если их никто не тревожит. В таких местах медведи могут жить подолгу и использовать удобное убежище на протяжении многих лет.

В Уссурийском заповеднике, расположенном в юго-западной части Сихотэ-Алиня, звери, в том числе и медведи, чувствуют себя в безопасности. Мы — студенты-охотоведы, постоянно выезжали в заповедник, где под руководством научных сотрудников и инспекторов проводили учеты численности копытных, тигра и других животных. Михаил Маслов — опытный полевик, с увлечением изучает биологию пятнистого оленя и интересуется медведями. В конце марта 2006 года, когда на южных склонах гор появились проталины, я снова приехал в заповедник, и несколько дней мы с Михаилом прожили в отдаленной избушке в надежде отыскать следы вышедших из берлог медведей.

Мы обследовали район расположения многих известных нам древесных берлог гималайцев, но следов косяков не обнаружили. Мишки еще спали и не торопились покидать берлоги, хотя их «друзья» барсуки уже выходили из нор и проводили разведку в поисках

скудного весеннего корма. Появление следов барсуков совпало с выходом из берлог медведей, и мы не теряли надежды встретить их следы.

Прочесывая вершины ключей, в одном из них уже под вечер мы наконец-то обнаружили довольно свежие следы крупного бурого медведя, вернее два совершенно одинаковых следа, идущих в одном направлении недалеко друг от друга. Осматриваем их следы и берем основные промеры. На отпечатках задних лап хорошо просматривается поперечная складка, которой нету гималайского медведя, длина задней ступни составляет 30 см, сомнений нет — их оставил один и тот же зверь, по всем данным самец. Решаем пройти по следам «в пяту» насколько позволит время, и уже потом составить план на следующий день. Оба следа тянутся рядом, изредка налегают друг на друга. Медведь роется под кедром, откапывает пустые шишки, семена которых уже съели грызуны. Через некоторое время находим дерево-маркер — хищник дважды подходил к реликтовому тису и на высоте 2,5—3 метров оставил царапины от зубов и когтей. На дереве также хорошо заметны старые следы маркировки. Поднимаемся на водораздел, переваливаем в другой распадок и вскоре замечаем еще один более свежий след этого же медведя. Он поднялся из этого распадка, вышел на свои следы и по ним побрел в интересующем нас направлении. Прикидываем, что не зря

медведь прошел дважды одним маршрутом и вполне вероятно, где-то здесь провел зиму. Оставляя следы и уже в густых сумерках возвращаемся в избушку. Недалеко от того места, где мы впервые увидели следы нашего медведя, прошлой весной такой же самец долго жил у трупа пятнистого оленя-шильника, пока полностью не съел его. Причина гибели оленя осталась неизвестной — вполне вероятно, что медведь нашел его уже павшим. Тогда топтыгин здесь сытно пировал и отдыхал в уютном «гнезде» из ветвей пихты, которое соорудил в удобном месте. Прошел год, и вот на том же месте мы снова наблюдаем присутствие крупного бурого медведя. И, вполне вероятно, что это наш старый объект наблюдения. На следующий день планируем идти по следам в противоположную сторону, зная теперь, что рано или поздно замкнем кольцо.

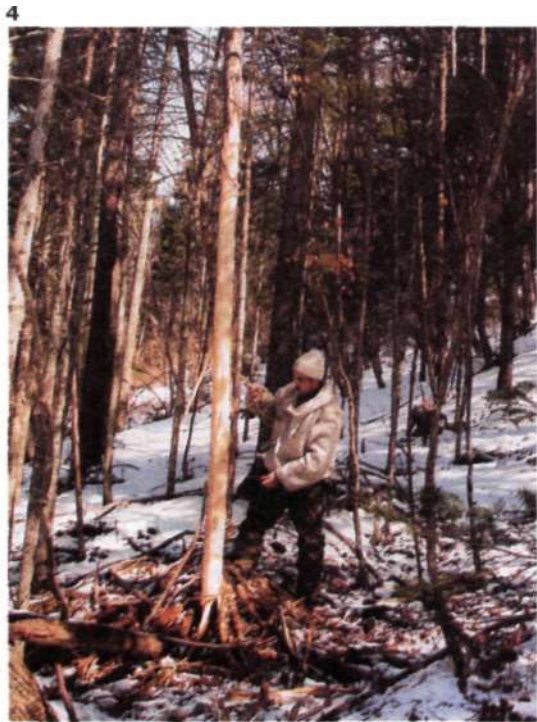
Утром наспех завтракаем, собираем рюкзаки и через полтора часа стоим на припорошенных ночью следах. Оба следа хищника тянутся в сторону горельника. В местах, где они расходятся, расходимся и мы. Через некоторое время медведь как по компасу выводит нас к своему (теперь уже точно своему!) прошлогоднему месту трапезы на туше оленя. Здесь он немного потоптался, очевидно, вспоминая сладостное время, и даже выкопал из лесной подстилки старую, обглоданную кость. Сломанные засохшие пихты и кость наводят на раздумья. Что это — память, или нечто большее? Далее медведь следует вдоль склона, пересекает обширные проталины, подходит к жилым норам барсуков, вяло копает мерзлую землю, но быстро теряет к ним интерес. Поднимается на водораздел и здесь долго катается по

снегу, ломая кусты, а затем делает две уютные пихтовые постели. Два следа — два «гнезда». Более того, всего в десяти метрах от них находим старое, прошлогоднее «гнездо». Есть о чем задуматься. Затем следы приводят нас к небольшому ильму горному, с него содрана кора, на стволе видны царапины, следы зубов и прилипшая шерсть медведя. Очевидно, он поедал камбий этого дерева. И вот наконец-то топтыгин снова поднимается на перевал и на махах спускается в ключ, из которого выходили его следы. Не оставляет без внимания поваленные деревья, идет по ним к проталинам. На одной из них видны клочья шерсти и куски шкуры заезавшегося барсука, а через несколько десятков метров находим его останки.

И вот мы вновь вышли на старые выходные следы хищника, район поиска сокращается. Уменьшаем свой ход. Осторожно подходим к участкам леса, где медведем буквально все перетоптано. Издалека в завале леса показывается крупная липа, а рядом с ней ясень и ель, сильно ободранные медведем. Следы тянутся туда. Решаем обойти по кругу подозрительное место и посчитать входные и выходные следы. Между делом отмечаем припорошенное «гнездо» под двумя елями и поваленным кедром. Огибаем две трети круга и видим выходной след, уходящий на южный склон. Похоже, что медведь ушел во время снегопада. Замыкаем круг, и смело подходим к амурской липе. Так оно и есть — берлога! Мишка вырыл огромную нору в корнях этого дерева, имеющего большое прикорневое дупло. Его он расширил зубами до нужных размеров и натаскал туда подстилки, состоящей из ветвей ели, которые откусил, забравшись по стволу на четыре метра,

а также жимолости, чубушника и коры с крупной лианы актинидии. Гнездовая камера имела размеры 160 x 125 см и кверху постепенно сужалась, при необходимости медведь мог легко подняться на задние лапы — липа выгнута до самого верха. Внутри берлоги было довольно просторно и уютно, приятно пахло хвоей и смолой. Убежище было старое и использовалось животным не один год. Рядом с ним лежала традиционная «пробка». Делаем подробное описание берлоги и местности, фотографируем и анализируем по следам поведение медведя. Судя по всему, косялапый после выхода из берлоги провел в ее окрестностях 2—3 дня, много валялся на снегу, лазил на деревья на высоту 5—6 метров, сделал два «гнезда», в которых отдыхал в дневное время, а вечером с понижением температуры воздуха вновь забирался в берлогу. Окончательно проснувшись, мишка дважды прошелся по памятным местам в соседнем ключе. Не найдя ничего интересного вернулся к своей теплой квартире, еще раз в ней переночевал и под снег ушел на открывшийся южный склон. Мы же приоткрыли тайну жизни большого зверя, пожелали ему благополучно дожить до следующей зимовки и отправились в обратный путь с надеждой снова отыскать его следы следующей весной и быть может увидеть самого хозяина этого леса.

1. Так оно и есть — берлога была вырыта под амурской липой
2. В просторной берлоге было уютно и сухо
3. Здесь медведь поработал от души
4. С этого небольшого ильма медведь содрал всю кору
5. На одной из проталин мы нашли остатки съеденного медведем барсука

Термины псовой охоты в произведениях русских писателей XIX века от Г. Державина до И. Бунина

Валерий БЕДЕЛЬ

Охотничьи термины, в частности термины псовой охоты, нередко использовали в своих произведениях крупнейшие писатели-классики XIX века. Достаточно назвать такие имена как Державин, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Аксаков, Гоголь, Салтыков-Щедрин, Л. Толстой, Фет, Чехов, Бунин и др. Они прекрасно разбирались в значениях охотничьих терминов, включали их в текст вполне осознанно и не прибегали к сомнительным синонимам, чтобы при описании охотничьих сцен «не рисковать подвергнуться, — как пишет Е. Дрианский, — нареканию у специалистов дела и заслужить справедливый от нихупрёк в непонимании предмета». Статьи, составители современных примечаний к их сочинениям очень часто демонстрируют как раз полное «непонимание предмета», комментируя охотничьи термины.

А.С. Пушкин в известном всем школьной скамьи стихотворении «Осень» (1833) пишет:

*Октябрь уж наступил; уж роща
отряжает
Последние листы с нагих своих
ветвей.
Дохнул осенний хлад — дорога
промерзает.
Журча еще бежит за мельницей
ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой
поспешает
В отъезжие поля с охотою своей;
И страждут озими от бешеной
забавы,
И будит лай собак уснувшие
дубравы.*

Здесь всё кристально ясно и понятно, за исключением слов «сосед мой поспешает/В отъезжие поля с охотою своей». Считается, что в комментариях эти слова не нуждаются: сосед Александра Сергеевича едет на охоту. На кого он будет охотиться и как, остаётся неизвестным. Однако если задуматься, то окажется, что смысл, вложенный в эти слова Пушкиным, и их содержание гораздо более глубоки. Во-первых, что такое «отъезжие поля»? Это вовсе не некое отдалённое пространство, лишенное кустарниковой и древесной растительности, куда надо ехать. Слова поля, полевание означало в XIX веке и ранее процесс охоты, т.е. добычи диких зверей или птиц. Даже сегодня можно услышать фразу «С полем!», которой встречают удачливого охотника, воз-

вращающегося с охоты. Таким образом, отъезжие поля, отъезжие полевания — это охота вдали от дома, причём ни на кого бы то ни было, а только на волков, лисиц и зайцев с борзыми и гончими.

*... 6 последних числа сентября
(Презренной прозой говоря)
В деревне скучно: грязь, ненастье,
Осенний ветер, мелкий снег
Да вой волков. Но то-то счастье
Охотнику! Не зная нег,
В отъезжем поле он гарцует,
Везде находит свой ночлег,
Бранится, мокнет и пирует
Опустошительный набег. —
А. С. Пушкин. Граф Нулин.*

Во-вторых, что означает в данном случае слово **охота**? Это слово употреблено здесь Пушкиным не в значении добывания дичи, а совсем в другом смысле, иначе фраза «сосед мой поспешает /В отъезжие поля с охотою своей» становится непонятной. Действительно, как это: на охоту «с охотою своей»? Слово охота означает здесь определённый комплект собак, лошадей, транспортных средств, собственно охотников, теньчиков, окладчиков, а также обслуживающего персонала, необходимый для проведения отъезжих полей. Именно в таком смысле употреблял слово охота и Л.Н. Толстой в «Воине и мире»: «Весь этот день охота была дома; было морозно и колко». Конечно, не дома же собирался охотиться граф Ростов! Таким образом, А.С. сказал нам, что его сосед отправился большим обозом куда-то далеко и, видимо, надолго, чтобы травить с собаками волков, лисиц и зайцев.

Комплектная охота, в зависимости от состоятельности владельца, могла быть разных размеров. Большая комплектная охота под управлением ловчего содержала стаю гончих из 40 собак и 12 свор борзых (36 собак). В XIX в. в России существовало около 40 больших комплектных псовых охот. Две из них, принадлежащих костромскому помещику Зюину и ярославскому — Кашперову, были увековечены Н.А. Некрасовым в «Коробейниках»:

*Попадались им собашники:
Псы носились по кустам,
А охотник покрикивал,
В роги звонкие трубил,
Чтобы серый зайка спрыгивал,
В чисто поле выходил.
Останоятся с ребятами:
— Чьи такие господа?
«Кашпирята с Зюенятами...
Заяц! вон гляди туда!»*

Содержание комплектных охот обходилось их владельцам очень дорого — в тысячи и тысячи рублей. Поэтому о соседе А. С. можно сказать, что он был очень обеспеченный человек. Вот, оказывается, как можно прокомментировать короткую фразу Пушкина. Надо отметить также, что в этом стихотворении Пушкин дал краткую, но очень выразительную картину и самой псовой охоты:

*И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.*

Здесь описаны оба этапа псовой охоты: и работа гончих в лесу, и травля зверя борзыми на озимых посевах, которые «страждут» (страдают) от скачущих зверей, собак и верховых охотников.

Псовых охотников... было достаточно... и от охоты этого рода очень часто страдали озими. — М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина.

Статьи, А.С. и сам был не прочь поохотиться с собаками. Вот отрывок из его стихотворения «Зима» (1829):

*Пороша. Мы встаём и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете
дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами;
Глядим на бледный снег прилежными глазами;
Кружимся, рыскаем и поздней уж порой,
Двух зайцев протравив, являемся домой.*

*

В приведённом отрывке есть слово **арапник**. Оно тоже нуждается в определённых комментариях, ведь это не кнут, не бич, не хлыст. Так что же это такое?

Арапник — орудие борзятников и выжлятников на псовой охоте, используемое, в основном, для отпугивания борзых от пойманного зверя (чтобы они его не разорвали) и для наказания провинившихся собак.

Доезжание... беспрестанно хлопали арапниками, чтобы привести молодых псов к повиновению. — Н.С. Лесков. Зверь.

Арапник (по П. Губину) состоял из негибкого кнутовища длиной около 0,4 м с рукояткой, на конце которой крепилась ремённая подцепка для надевания на руку, более гибкого витого ремённого столбунца длиной около 0,7 м, соединённого с кнутовищем петлей, затем постепенно утончающегося ремня длиной около 0,5 м, соединённо-

го со столбунцом тоже петлёй, и волосяного хвостца длиной до 0,2 м. В рукоятку кнутовища вдевалась металлическая гирька или шарик весом около 200 г для удара по голове зверя (в основном лисицы) при его приёме. Надо отметить, что правильное пользование арапником требовало тренировки: его трехзвенная конструкция не так-то проста в обращении.

Происходит это слово от польск. *harapnik*, который, в свою очередь, от немецк. *herab!* — «долой, прочь!».*

В произведениях классиков XIX века часто встречается слово ату и его производные.

— А-ту — его! — слышался в это время протяжный крик одного из остановившихся борзятников. Он стоял на полубугре жнивья, подняв арапник, и ещё раз повторил протяжно: — А-ту — его! (Звук ЭТОТ и поднятый арапник означали то, что он видит перед собой лежащего зайца) — Л.Н. Толстой. Война и мир.

Каково происхождение этого слова? Здесь есть два мнения. Согласно первому, это слово русское, образованное от междометия *а!* и наречия *ту!* (усеченного туг), т.е. «Вот он!» Слово применялось в двух случаях. 1. Это сигнал борзятника, увидевшего зайца на лёжке,

другим участникам псовой охоты (что видно из приведенного выше примера из «Войны и мира»). 2. Команда борзым на травлю зайца. Другие считают это слово заимствованным. В частности, «Словарь современного русского литературного языка» (1991) отмечает, что это слово происходит от франц. *a tout*. Эта точка зрения, скорее всего, неверна. Во-первых, французские слова типа *губо, пиль, иси, шерш* и т.п. стали проникать в русский охотничий язык лишь в конце XVIII-начале XIX в. и применялись только на охотах с легавыми собаками, псовая же охота со своим языком существовала гораздо раньше этого периода. Во-вторых, выражение *a tout* (*toute, tous, toutes*) в переводе означает *весь, всё, всех, всякий* и привязать его к лежащему на лёжке зайцу можно только искусственно. Кроме того, слово ату в псовых охотах произносилось всегда протяжно А-ту.. (в напечатанных текстах всегда с дефисом между а и ту) с ударением как на а, так и на у, а не кратко и слитно, как *four* во французском языке.

— Заяц! Вон гляди туда!
Вспохолился борзители:
— Ай! А-ту его! А-ту!
Ну, собачки, ну, губители!
Подхватили налету...
— Н.А. Некрасов. Коробейники.
— Ату его! — подхватили другие...

Цепка не обращал внимания на крик, атуканье и рёв бурсаков. — Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы.

Славная была травля, как подле старого Гельке атукнул и Налёт ловил изза всех, да ещё по колоти. — Л.Н. Толстой. История вчерашнего дня.*

Вот странное слово — **брудастый**.

Дядя... различал между ними [собаками] *крапчатых, тёмно-багряных... черно-пегих, чёрных в подпалинах, брудастых...* — А.П. Чехов. На охоте.

Ноздрёв: *Ну, так купи собак. Я тебе продам такую пару, просто мороз по коже продирает! брудастая, с усами, шерсть стоит вверх, как щетина.* — Н.В. Гоголь. Мёртвые души. **Брудастая** борзая (возможно, от польск. *brzydki*, т.е. отвратительный, безобразный, или от зап.-слав. *бруд* — грязь. Есть и другое предположение: немецк. *backenbart* — борода на щеке, далее русск. *бурды* — борода по щекам, далее *бурдастый* («с бурдами») — с бородой по щекам, далее, с перестановкой звуков, *брудастый* — с обросшей мордой) — ловчая собака с длинной, грубой, жесткой шерстью на голове и корпусе. Подобные собаки ввозились в Прибалтику, в Польшу и в Россию в XVI — XVII вв. и, возможно, участвовали в пороодообразовании русских псовых борзых.

Художник А. Степанов

*

Интересно выражение **варом варить**. Варом варит закипевшая стая, Внемлет помещик, восторженно тая.

В мощной груди занимается дух, Дивной гармонией нежится слух. — Н.А. Некрасов. Псовая охота.

Звуки постепенно становились сильнее и непрерывнее и, наконец, слились в один звонкий, заливаемый гул. Остров был голосистый, и гончие варили варом. — Л.Н. Толстой. Детство. Что значит это выражение? «Варом варят — гончие дружно и ретиво голоса и гонят» (В. Даль). Так говорят, когда стая гончих гонит зверя азартно, щедро отдавая голоса. Но почему так говорят, откуда взялось это выражение? Оно происходит от ст.-слав. *варь* — куча, толпа, а также кипящая вода, жар («обварить руку»), и ст.-слав, или заимствованного из литовского *варити (varyti)* — гнать, т.е. буквально: «жарко гнать».

Два похожих слова: **воззриться** и **ввозрить**.

Воззриться (о борзой) — пометить утекающего зверя.

Две собаки подозрившего охотника, бывшие ближе всех, первые воззрились и заложились за зайцем; но ещё далеко не подвинулись к нему, как из-за них вылетела илагинская краснолегая Ерза. — Л.Н. Толстой. Война и мир.

Ввозрить борзых — уметь показать собакам поднявшегося и утекающего зверя.

*

Загадочно происхождение слова **выжлец**. Во всех породах собак самцов называют кобелями, а самок — суками. А вот у гончих только выжлецами и выжловками.

— *Николенька, какая прелестная собака Трунила! Он узнал меня, — сказала Наташа про свою любимую гончую собаку. — «Трунила, во-первых, не собака, а выжлец», — подумал Николай.* — Л.Н. Толстой. Война и мир.

Чем это можно объяснить? Дело, видимо, в том, что гончие — древнейшие охотничьи собаки как во всём мире, так и в России. Когда ещё не существовало никаких других пород собак, уже были гончие псы. И вот, видимо, с тех давних пор их в славянском мире называли **выжлецами**. Этимологический ряд строится, возможно, в следующей последовательности: ст.-слав. *выти* — выть, далее звукоподраж. *выга, выжа* — собака вообще (ср. польск. *wuga* — старая собака), далее общеслав. *выжьль* — охотничья собака вообще, затем у западных славян и их соседей — только «духовая» собака для охоты с ловчими птицами, а позже там же птичья собака со стойкой (ср. польск. *wyzet* — легавая собака, словен. *vizel* — то же, венг. *vizsla* — то же, болг. *выжел* — то же). На Руси, где охоты с легавыми не было, долго сохранялось ст.-слав. значение

слова **выжьль** — охотничий пёс (независимо от пола), трансформировавшегося с течением времени в русск. *выжлец, выжлок* или (в былинах) *выжлык*.

И девка пришед к Бове в темницу, да за тою же девкою пришли два выжлеца и сели у темницы под окошком. — Повесть о Бове-королевиче (XVI в.).

В этом отрывке речь идёт, несомненно, об охотничьих псах, а не о кобелях-гончих.

С появлением других пород собак слово **выжлец** сохранилось только для гончих, причём существовало это слово и в форме **выжлица** — гончая собака (опять-таки обобщённо). См. у Державина:

*В опушке заяц быстроногий,
Как коллик поседев, лежит;
Ловецки раздают роги,
И выжлиц лай и гул гремит.* — Г.Р. Державин. Осень во время осады Очакова.

Современное значение слова **выжлец**, т.е. именно гончая-самец, сложилось не ранее XVII в., когда у нас в стране стали появляться другие породы собак, а слово **выжловка** — ещё позже.

Связано со словом **выжлец** слово **выжлятник**, но происходит оно не напрямую от него. **Выжлятник** — это помощник-доезжачего (руководителя стаи гончих) в комплектных охотах. В царских псовых охотах должность **выжлятника** учреждена в 1663 г.

Выжлятник подогнал отрыскавших гончих; охотники с борзыми подозвали своих и стали садиться. — Л.Н. Толстой. Детство.

Тот, кто знает обязанности выжлятника, то поймет, конечно, что доля его незавидная. Целый день с утра идо ночи мечется этот несчастный человек, сидя на своей лошади, и минуты нет у него свободной. — И.А. Салов. Охотничий двор.

Так вот, в качестве собирательного названия гончих на псарне, а также щенков гончих, использовался ласкательный термин **выжлята**.

Дворецкий молча и без шума подоготовил псарню свою, с выжлятами и хортами, с псарями и доезжачими. — В.И. Даль. Приёмыш.

Именно от этого собирательного названия («выжлята») и было произведено слово **выжлятник**, т.е. человек, ухаживающий за гончими на псарне и управляющий ими на охоте.

*А там в лесу выжлятники
Ревели, сорви-головы,
Варили-варом гончие.
Чу! Подзывает рог!...
Чу! Стая воет! Сгрудилась!
Никак по зверю красному
Погнали?.. У-лю-лю!* —

Н.А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо.

Говоря о гончих, нельзя не остановиться на слове **дбруц**. Этим словом обозначалась команда собакам приступить к еде.

Андриан поднял рог, приложил его к губам, надулся, дал позыв три раза, подсвистнул, провёл мешалкой по корыту, постучал ею по краям и вдруг крикнул:

— Дбруц, собаченьки, дбруц, дорогие! И стая со всех ног уткнулась в корыто. — И.А. Салов. Охотничий двор.

Феопен снова взбуровил овсянку лопаткой, стукнул о край и крикнул: «Дбруц!» Собаки живо кинулись к корыту и принялись лакать. — Е.Э. Дрянский. Записки мелкотравчатого. Скорее всего, слово **дбруц** происходит от польск. *dobrudzu* — к корыту.

И ещё одно слово, опять-таки связанное с гончими, — **доезжачий**. Это ответственный за стаю гончих в комплектной псовой охоте. Руководил кормлением, содержанием, воспитанием, нагонкой и

Борзятник на лазу. Д. Кившенко, 1890 г.

составлением гончих. Определял место наброса гончих в остров и направленные их поклазы.

Бестужева приблизилась наконец к разбитому в поле шатру, у которого давно гудел звонкий рог доезжачего, сзывая участников охоты. — М.Н. Волконский. Князь Никита Феодорович.

— А в разных должностях состоял: сперва в казачках находился, фалетором [форейтором] был, садовником, а то и доезжачим. — И. С. Тургенев. Льгов.

Раз вечером два доезжачих,
Два старых седых старика,
Сошлись совершенно случайно,
Сошлись удверей кабака. —
Н.А. Вербицкий. Два доезжачих.

Откуда взялось это слово? Здесь надо вспомнить, что в прошлом любая охота называлась полвaniem, а псовая к тому же ездой. Так и говорили: езда по волку, езда по русакам, по лисицам. Согласно В.Далю, доезжать — «доследовать зверя с гончими». От слова доезжать и происходит слово доезжачий.*

Залив, голос с заливом — сильный, двоящийся голос гончей, переходящий без перерывов с низких тонов на высокие и наоборот. У В. Далья: «Гончие заливаются — гонят слитным лаем».

Стая присоединилась к первым трём собакам, и слышно было, как заревели с заливом голоса гончих, с тем особенным подвыванием, которое служит признаком гона по волку. — Л.Н. Толстой. Война и мир.

У участников псовых охот была определённая форма одежды. Основа её — так называемый казакин. Это суконный с подкладкой кафтан до колен, сшитый в талию, с оборками сзади, двубортный, на крючках, со стоячим воротником. У борзятников казакины должны были быть темными, скрытными; у выжлятников — яркими.

Часу в десятом мы подошли к острову и застали там двух человек. Один из них был псовый охотник в зелёном казакине. Он сидел на крепкой лошади, имея на спине двух невзрачных борзых. — Е. Э. Дрянский. Амазонка.

Казакин алого цвета, сукна яркого, как огонь, опоясался узорчатым поясом. — Н.В. Гоголь. Тарас Бульба.

В то время, о котором я говорю, крепостное право только что кончилось; помещики еще не успели разориться и жили еще на барскую ногу. У многих были превосходные охоты, и они вывозили эти охоты — как тогда говорили, на Лубянку — не столько для продажи, сколько напоказ. Любопытно было смотреть на этих ловчих, доезжачих, выжлятников и прочих чинов охоты. В казакинах, подпоясанные ремнями, с арапниками в руках, они напоминали какую-то «понизовую вольницу», с широким разгулом, с беспредельной удалью, где жизнь, как и копейка, ставилась ребром. — П.И. Богатырев. Московская старина.

Происходит это слово от франц. *casaque* — плащ.

Продолжение следует.

Охотничье собаководство — не развлечение

О. ЛУЦКИЙ, эксперт-кинолог по гончим,
Курганская область

Не в силах оставаться равнодушным к проблемам охотничьего собаководства — высылаю вам текст, который является откликом на статью В. Мальцева, опубликованную в вашем журнале (№ 7 за 2007 г.) — Надеюсь, что мое мнение как-то будет услышано, а его поддерживают многие знакомые эксперты.

Прочтя статью В. Мальцева, хочу выказаться в поддержку доводов в отношении складывающейся ситуации в охотничьем собаководстве России.

Трудно не согласиться с утверждением автора, что в Росохотрыболовсоюз была достаточно стройная система племенной работы с породами охотничьих собак. Будучи ещё в 70-х годах участником заседания центральной кинологической секции от Курганской области и общаясь с ведущими кинологами, я имел возможность убедиться в вышесказанном и реально оценить состояние проводимой работы. Мне приходилось в то время постоянно оформлять документацию на классных собак для записи во ВРКОС (Всероссийскую родословную книгу охотничьих собак), а работавшие тогда в Росохотрыболовсоюз кураторы по породам анализировали происхождение той или иной собаки и, бывало, возвращали свидетельства с поправками. Даже были случаи когда подвзвращались коррекции присужденные собакам полевые дипломы и приходилось в письменном виде аргументировать правильность расценок по элементам работы.

Беседуя как-то с бывшим тогда председателем кинологической секции при Росохотрыболовсоюзе экспертом Всеобщей категории В.В. Григорьевым, я был немало удивлён его информированностью о состоянии племенной работы с породами лаек в регионах страны. Я называл ему кличку мне известной собаки, а он за считанные секунды находил в своей картотеке все данные об этой лайке.

С нашей, с периферии, помощью систематически велась запись охотничьих собак во ВРКОС. Выпускались племенные книги, куда включались и дополнительные сведения на классных собак. Мы имели возможность этими томами пользоваться на местах. Сейчас об этом только можно мечтать. Организовывались курсы по подготовке экспертов с практическими занятиями, работала отлаженная система присвоения категорий и т.д.

Прав автор статьи, утверждая, что цели и задачи РФСС, РФДСУ и охотничьего собаководства совсем разные. Просто не можем мы успешно развиваться без специализации собак как охотничьих, не может быть квалифицированных врачей по всем болезням. Сказанное относится и к предполагаемому присвоению категории эксперта по всем породам.

Про себя знаю, что могу оценить экспертер не только гончих, которых мне дано право судить. Но для меня выше мнение специализированного авторитета, знающего породу несравненно глубже, чем я. Для этого надо иметь немалый опыт и широкие знания линий, семейств и т. д.

Не по Российским охотничьим понятиям судить о породе только по внешнему виду, как практикуется за рубежом. Это лишено здравого смысла и логики. Правильность сложения необходимо оценивать в сочетании с рабочими статьями собаки, ее происхождением и полевыми достоинствами.

И тем более нельзя серьёзное дело превращать в простое развлечение, как шоу-игры, шоу-концерты и прочие попсовые шоу в угоду возбужденной публике. Да и бизнес как-то не совсем вяжется с охотничьим собаководством, в котором многие работают не за деньги. Нам известно не понаслышке, как неконтролируемый бизнес в лесном хозяйстве приводит к разбазариванию природных богатств под предлогом ландшафтных рубок. Я вот уже 40 лет занимаюсь экспертизой на межобластных, областных, районных выставках, испытаниях и состязаниях и имею достаточный опыт в племенной работе с гончими, поэтому считаю для себя унижительным проходить переквалификацию в РКФ.

Централизованная перерегистрация охотничьих собак в РКФ без доверия к региональным центрам и имеющимся родословным, о чем пишет автор, и соответствующие в связи с этим поборы, нередко с малоимущих, но достойных владельцев, просто нереальна. В обществах охотников и так уже введена плата за оформление свидетельств на охотничьих собак.

Предполагаемые нововведения, по моему мнению, будут мало осуществимы, и эти меры только повредят тем, кто вкладывает душу и свои знания в развитие охотничьего собаководства, а главное — полностью ликвидируют само собаководство, как отрасль.

Что я приобрел «в лице» МР-153

И. СМЕРНОВ

Полтора года назад я стал владельцем МР-153. Торопился успеть приобрести к весеннему сезону. Если начальники от охоты угадают (не раньше-не позже) с открытием охоты, то появится возможность поохотиться на гусей. Вот всеми нами уважаемый Игорь Иванович Алехин категорически против весенней охоты на гусей. А у нас другой охоты на них в средней полосе Европейской части России нет: осенью они транзитом летят к нему. Ехать за ними в плавни его Азовские, или дельты Волги, или на север могут позволить себе единицы. «Деньги есть — на Канары, денег нет — в Килемары» (это моя поговорка, Килемары — центр одноименного района в нашей Республике Марий Эл на 90 % покрытого лесами, болотами и озерами). Куда же нам? Остается второе. Только охоту в 2006 году не открыли. Всех — от мала до велика — напугали «птичьим» гриппом. Создали бригады по «разгону» дичи от населенных пунктов, провели контрольные отстрелы — гриппа не нашли. Ну и «Слава КПСС!», как говорится. Только мы остались не только без гусиной охоты, но и без вальдшнепиной тяги, считай, без весны.

Долго колебался между МЦ-21-12, ТОЗ-87 и МР-153. Неоднократное прочтение статьи И. И. Алехина, других авторов, бесед со знакомыми охотниками привели к твердой уверенности в надежности МР-153. Вопрос: «Нужна ли самозарядка?» — определяется пристрастием охотника. Мне, как гончатнику, она нужна. Когда беляк (или лиса) под паратами гончими буквально летит, мелькает в зарастающих вырубках, особенно часто бывает нужен третий выстрел, или когда надо добрать подранка. О ее преимуществах на гусиных и утиных охотах кто только не писал. А вот об опыте охоты с ними на крупного зверя, особенно на медведя, публикаций практически нет. Из-за предубежденно-

сти и фактически подтвержденной ненадежности единственно доступной в недалеком прошлом самозарядки — МЦ 21-12 предпочтение отдавалось двустволкам. По моим сведениям в последние годы у нас проведены успешные охоты на берлогах с самозарядными гладкоствольными «Береттами» и «Бенеллиами». А что МР-153? Та же «Беретта», еще надо спросить, кто, что у кого срисовал.

Пройдя через все установленные порядки и беспорядки, в апреле 2006 года я стал владельцем МР-153. Ружье рядового исполнения. Длина ствола 710 мм, в комплекте три пули 0,25, 0,75 и 1,00 мм, ложа ореховая. В магазинах цена ружей этой модели зависит от материала ложи, длины ствола, отделки и от хозяев магазинов. Купил в придачу ему ремень с противоскользкой створкой — удобство в ношении ружья с таким балансом несомненно.

В начале эксплуатации на трубке магазина напротив газоотводных отверстий появлялись трудноудаляемые, осязаемые на ощупь, пятна. Скорее всего это происходило от пригорания выбрасываемой при выстреле консервирующей смазки, оставшейся в каналах этих отверстий (как туда добраться?) и смазки газоотводного механизма (в период приработки завод рекомендует этот узел смазывать). Настойчивым трудом с помощью ветоши и масла удалось их ликвидировать, но, присмотревшись к вычищенной трубке магазина, две потемневшие точки диаметром около 2,5 мм можно все-таки заметить. Однако это в практическом плане ничем не грозит. Больше беспокоит качество воронения ствола — беда всех отечественных ружей, оно от коррозии практически не защищает. Давным-давно взял за правило — в рюкзаке всегда должна быть пропитанная ружейным маслом фланелевая тряпочка. Тем более при многодневных выездах. Для этого при-

способил пенал от женской губной помады (куда же без женщин-то, а в лесу и такая безделушка напомнит об их существовании на свете). Этого «добра» по размеру и расцветке навалом в каждой нормальной семье, а на охоте стволы, шарниры можно протереть, даже не запачкав руки. В последнем номере нашего журнала за прошлый год была статья В. Гурова с многообещающим названием «Ижевское МР-153: на стенде и на охоте». Надо сказать, что от заготовка до содержания — дистанция огромного размера, тем не менее буду делать ссылку на него, т. к. других объемных статей об этом ружье не было. Автор пишет, что его друг «по уши» влюблен в свое МР-153, а далее — долго охотились, сделали около 400 выстрелов и ружье не чистили. Любовь и ласка, чистка и смазка — вроде неразделимые понятия. Странная любовь у некоторых людей, ей-богу. Оружие надо чистить и так, как рекомендует завод-изготовитель. И в статью надо было включить раздел инструкции именно об этом, а не об устройстве ружья и работе механизма перезарядки (тем более умозаключения автора с другом вышли неверные — отмечу ниже). Я не представляю, как можно выехать (выйти) на следующую охоту с нечищеным, несмазанным ружьем.

Сейчас много стало «охотников», которых должность или капитал, одним словом — положение, обязывают. С испокон веков так повелось, тут уж ничего не попишешь. В период сужения сдерживающего воздействия норм морали и норм права таких «охотников», иногда не имеющих элементарного представления о сущности охоты, обычно становится больше. Стал я год назад по неволе случайным слушателем рассказа о «подвигах» такого крутого «охотника», с «пудовой» золотой цепью на шее и таким же крестом на груди. С бравым видом рассказывал он о том, как они в одном из субъектов России (не в нашей республике) на двух снегоходах за два дня «охоты» отстреляли 48 русаков и около 20 лис! Куда, зачем, с какой нужды всё это?! Так же «валят» они гусей и уток без меры. Ну и ходи ты там после них, сокрушаясь, что дичи нет! Мои собаки приучены приходить на выстрел. И теперь каждый раз душа замирает от неприятных мыслей — вернуться ли они оттуда, где эти «товарищи» проводят «основательную» проверку боя своих ружей только им известными методами.

Я несколько раз вчитывался в указанную статью, и никак не смог понять — какую «основательную проверку» боя ружья провели уважаемый В. Ф. Гуров со своим другом, используя дульные насадки с одинаковыми сужениями, но разной длины, с помощью 16-дольной мишени? Правильно, кучность. И она не может разниться при использовании качественной партии патронов, можно даже удивляться тому, что они нашли однопроцентное отличие. Удивляет-то больше другое, как они сумели с помощью этого расчерченного листа бумаги до метра определить скорость полета дробового снаряда (резкость боя)? Тут уж нужен другой инструментарий, а в практическом плане можно обойтись «дедовскими инструментами» — сосновыми досками. Цифры по начальной скорости в статье приведены, предполагаю, с этикеток чачек патронов. Далее, если проверялась кучность боя ружья с патронами разных предприятий-изготовителей, то непременно следовало сказать о сборке патронов, хотя бы элементарно. Без этого результаты трудносоставимы в принципе, а выводы пахивают элементом недобросовестной конкуренции и охавиванием (модным нынче) родного, российского.

Если говорить о резкости и кучности боя ружья, то эти показатели необходимо рассматривать, как принято у военных, как ТТХ оружейного комплекса, т.е. «оружие-боеприпас». Если стволы, да и само ружье в целом, изготовлены в соответствии с российскими ГОСТами и требованиями ТУ, то мы будем иметь ружье, отвечающее им (не о браке речь), а не «Голланд-Голланд». Сомневающимся рекомендую заглянуть в ГОСТ своего ружья (указан в паспорте) по допуску несовпадения (отклонения) центра осыпи дробового снаряда от точки прицеливания для наших двухствольных ружей, или диаметру канала ствола, и только потом предьявлять какие-либо претензии к нему. МР-153 с

полочками, применяя разные патроны, позволяет в больших пределах менять параметры выстрела. Я не великий специалист по оружейному делу, но, насколько удалось выяснить, с конкретным экземпляром МР-153 мне, какжись, повезло. Пострелял из него разными патронами практически всех российских заводов (первый десяток, виноват перед заводом, а не сотню — полуманумами) — ни одного отказа. «Спорт-Активами» не стрелял — не по карману (они для таких «рядовых охотников», как В.Ф. Гуров со товарищи). Правда, наши ижевские «Техкримы» и многие другие ни в чем, кроме цены (практически в 2 раза), этим «французам» не уступают. Что касается резкости боя самого ружья, могу сказать следующее. Проведенная «дедовским методом» проверка показала, что она у него не хуже, чем у 25-летнего испытанного и надежного ИЖ-27, с зеркально чистыми и без всякого шата стволами. А на практике следующее: пару лис метров с 35-и тройкой положил на месте: первый раз был «Феттер-полуманум», второй — стандартный от «Селены» с 32 г дроби. Правда, температура была около нуля (год был такой — две весны, две зимы). О зайцах и речи нет, только не промахнись (бывает часто, к сожалению, не мастер спорта по стендовой стрельбе).

К чему же придаться? Согласившись с В.Ф. Гуровым, надо сказать, что над ложей, особенно над шейкой приклада, стоит потрудиться. Изучить на сколько снизятся прочностные ее характеристики при подгонке «заподлицо» с торцом ствольной коробки. Прочность, баланс и дизайн — три показателя — со знаком плюс наверняка можно совместить. Что касается цевья, то у МР-153 оно выглядит несколько поленообразно (пластиковое, по-моему, выглядит элегантнее). Относительные же размеры его не больше, чем у «Беретты», да и выглядит у той цевье тоже не менее громоздко и «брюхато». У них одинаковый тип меха-

низма перезаряжания, и цевье не может быть таким же изящным, как у «Бенелли» или у «Браунинг-Голд», у которых свои принципиально отличные механизмы автоматики. То же самое, в связи с этим, считаю нужным сказать В. Гурову и по части наличия-отсутствия удерживателя.

Разрядить полностью заряженное МР-153 можно максимум за 15 секунд, и никаких тебе переворачивания ружья, как у «Бенелли». На большинстве охот магазин незачем набивать полностью. При смене обстановки всегда есть возможность быстро перейти на другие номера дроби. Поменять патрон в стволе и поставить патроны (1 или 2) в магазин при определенной сноровке времени уходит не больше, чем перезарядить двустволку. Есть только один минус — лязганье затвором, плюс — патрон с нужной дробью в стволе и два, как минимум, в магазине.

Ни от одного владельца МР-153 я не слышал отрицательных оценок о его надежности. Доступное (по сравнению с иномарками) по цене, надежное в эксплуатации, оно стало популярной и даже, можно сказать, престижной отечественной самозарядкой, не уступающей по своим техническим характеристикам лучшим мировым образцам. Возможно, владельцы улучшенных МР-153 будут наслаждаться не только его техническим совершенством, но и более изящным обликом. А я и без этого очень доволен своим выбором.

P.S. Предложение уважаемой редакции: подготовьте и напечатайте в нашем журнале для нас — дилетантов подробную статью об основных системах самозарядных ружей с описанием принципов работы их механизмов. Ведь и нам, рядовым охотникам, не хочется отстать от технического прогресса, и чтобы, разобравшись, перестали мы на восточный манер гнутья-клянутья перед всего лишь завораживающими названиями «забугорных» штук.

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчёт шкурки и хвосты беличьи, колонковые. Оплату поставленного Вами сырья, расходов по пересылке гарантируем в кратчайшие сроки.

610004 г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23
тел. (8332) 62-94-27, факс 69-03-22
E-mail: chief@brush.kirov.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Комбинированное оружие на охоте

Алексей БЛЮМ

Наверное, сколько времени существуют охотники, столько жива и мечта об универсальном оружии, т. е. таком, которое было бы пригодно для любых охот. Воплотить эту мечту в жизнь оружейники попробовали сначала изобретением нарезного чока, а затем предложением использовать комбинированное оружие, которое хотя и нельзя назвать универсальным, но то, что сфера его применения заметно расширялась, бесспорно. Комбинированным оружием называют такое, у которого стволы представлены в комбинации: нарезной-гладкий и реже — нарезной-нарезной с разными калибрами. Его универсальность можно рассматривать с двух основных позиций, хотя принципиально они и близки. Первая — это оружие, которое по необходимости служит, то для охоты только с гладкими стволами, то только с нарезным; второе — для тех охот, где объекты очень разнообразны и может возникнуть необходимость использования либо одного, либо другого ствола в процессе одной охоты. Вариант первый — это охоты в организованных хозяйствах на определенную дичь с соблюдением установленных правил. В этом случае комбинированное ружье просто заменяет два образца: дробовик и винтовку, но т.к. охота ведется только на определенную дичь, то можно, по существу, имея два ружья, воспользоваться любым из них в зависимости от условий охоты. Особую ценность комбинированное ружье имеет при самостоятельных охотах во время отпуска, в экспедициях и пр., когда на протяжении одного охотничьего похода можно охотиться на различных животных.

Комбинированные ружья разделяются по количеству и расположению стволов. Наиболее известные тройники (трехстволки) и двойники. Еще есть и четырехстволки, но они все-таки относятся к экзотическим образцам.

Классическая трехстволка — это два верхних ствола, гладкие, обычно 12, 16 или 20 калибра и нижний нарезной. Есть и другие варианты. Комбинированные двустволки имеют, как правило, стволы нарезной и гладкий, а располагаться они могут в разных плоскостях, вертикальной — такое ружье носит название «бокбюксфлинт» и горизонтальной, тогда это «бкжсфлинт». Если используется для нарезного ствола достаточно мощный патрон, то нарезным обычно делают нижний, а у горизонтально расположенных — нарезной левый ствол. Гораздо реже встречается оружие, у которого оба ствола нарезные, но разного калибра, хотя и они имеют свою область применения.

Классический тройник

Комбинированные ружья очень популярны особенно в Европе, чему способствует, кроме всего прочего, то, что они несут в себе традиции классического охотничьего оружия. Для охотника-любителя, который регулярно, хотя бы 3—4 раза в год, выезжает на загонные охоты на лося и кабана и имеет возможность в августе отсидеть несколько дней на лабазе, в ожидании медведя или кабана, трехствольное ружье с двумя дробовыми стволами и нарезным хорошим калибра, безусловно, лучшее оружие. К сожалению, оно мало распространено в нашей стране. Отсутствие таких моделей собственного производства и выброс на рынки различных карабинов, в основном переделанных из боевых образцов, относительно дешевых заставили наших охотников пополнять свой охотничий арсенал именами. Хотя каждому понятно, что, пользуясь этим оружием всего несколько раз в году, научиться уверенно поражать цель из таких малопривычных систем практически невозможно именно из-за отсутствия практики. Для охотника, который хотел бы научиться хорошо владеть своим оружием, комбинированные системы как раз то, что нужно. Специально ради практики в преддверии зверовых охот можно выезжать с трехстволкой и на утиньи, и на другие охоты по птице, тем более что качество боя такого оружия мало в чем уступает классическим дробовым образцам. Его

можно заряжать оптимальными для данной охоты патронами. Например, при охоте на лося, будь это загонная или «на реву», нижний ствол заряжают патроном с полуоболочечной пулей и используют его либо для дальнего выстрела, либо в случае, когда видна только небольшая часть убойной зоны зверя и нужно сделать точный выстрел. В верхние же стволы можно вложить патроны с пулями малоспособными к рикошету и стрелять ими, когда зверь находится на небольшом расстоянии (до 60 метров), но в кустарнике, где использование полуоболочечной пули невозможно. То же на кабаньей охоте. Если к отстрелу разрешены животные обеих возрастных групп, то один ствол заряжается патроном с картечью на случай появления кабана-сеголетка на небольшом расстоянии, а второй гладкий и нарезной — пулями для крупного зверя. Кроме того, такое ружье незаменимо при доборе подранка крупного и опасного зверя (медведь, кабан), т.к. более привычно охотнику, и имеет три ствола практически всегда готовые к выстрелу.

В степных и лесостепных районах «комбинашку» можно с успехом применять для охоты на наиболее популярные в тех местах виды: кабанов, косуль, волков, лисиц, зайцев, соответственно подобрав оружие с третьим (а у двойника со вторым) стволом кал. 5,6; 6,0; 6,5; 7,0.

Один из вариантов соединения трех стволов

Комбинация из трех стволов может сослужить хорошую службу не только охотнику-любителю, но и профессионалу. На таежном промысле нет лучше оружия, чем трехстволка с одним дробовым стволом 20-го калибра и двумя нарезными, из которых один кал. 5,6 мм кольцевого воспламенения, а второй, в зависимости от района промысла, 7...9 мм. Дробовой ствол служит для стрельбы в лет по птице и добычи пушных зверей (белка, соболь, куница) в темных лесах, ствол под патрон кольцевого воспламенения тоже используется для отстрела тех же видов, а ствол большого калибра предназначен для добычи крупных животных от косули до медведя. Таежная охота имеет ту особенность, что необходимость использования каждого из этих стволов может возникнуть в любой момент.

Несколько слабее по возможностям двойники — двустволки с одним нарезным и другим гладким стволами. Это оружие по весу мало отличается от обычных двуствольных ружей, но тоже обладает определенной универсальностью. Также как и трехстволка, оно очень хорошо показывает себя на загонных охотах. Я намеренно не акцентирую внимание на калибрах и патронах, потому что их выбор зависит от приоритетных охот владельца. Из него можно делать выстрелы и по дальней, и по близкой цели, оно удобно при самостоятельных охотах, в походах и экспедициях, всегда, когда может представиться возможность охоты на разных животных и в разных условиях. Очень интересно применение двойников на

промысловой охоте. И сейчас в восточных регионах России довольно популярны ружья «Север», у которого в вертикальной плоскости расположены стволы — гладкий 20 кал. и нарезной кал. 5,6 мм под патрон 5,6x39 с переходником для патрона кольцевого воспламенения. До «Севера» наша промышленность выпускала ружье «Белка» тоже с одним гладким и другим нарезным стволами соответственно 32 или 28 кал и 5,6 кольцевого воспламенения. Обе эти модели хорошо зарекомендовали себя при добыче белки, куницы, соболя, рябчика и глухаря. Но есть у них и недостаток — отсутствие ствола большого калибра. Эффективность той или другой модели оружия напрямую зависит от условий охоты. Надо сказать, что такая комбинация стволов, как у «Севера» и «Белки», вполне устраивает охотников за пушниной и в темной, и в светлой тайге. Но если в кедровых и еловых лесах применение дробового выстрела вполне оправдано и даже необходимо, так как по небольшому зверьку, прячущемуся в густых ветвях этих деревьев, сделать прицельный выстрел из винтовки удается далеко не всегда, то в светлых лиственных и сосновых лесах гладким стволом пользуются очень редко, и он практически не нужен, а вот крупнокалиберного нарезного ствола явно не хватает. На моей памяти самым желанным оружием у промысловых охотников Сибири были двойники с нарезными стволами, один из которых кал. 5,6 мм кольцевого воспламенения, а другой — 7,62 или 9 мм. В небольшом количестве их выпускал ЦКИБ в Туле. Преимущества таких двойников особенно высветивались, когда смотришь на штатного (профессионального) охотника в лесу и видишь на его плече «тозовку» (малокалиберную винтовку), а за спиной карабин, и ловишь его завистливый взгляд на своем нарезном «боке».

У комбинированного оружия есть некоторые особенности, которые нужно иметь в виду, эксплуатируя его в условиях охоты. Так как каждый ствол имеет свои баллистические характеристики, прицельные приспособления должны соответствовать каждому стволу в отдельности. Точный выстрел из гладкого ствола обеспечивают прицельная планка и мушка, для стрельбы из нарезного ствола устанавливается подъемный целик, или кольцевой прицел и оптика. Этими прицелами нельзя пользоваться одновременно для стрельбы из гладких и нарезных стволов. У трехстволки и двойника с вертикальным расположением стволов выстрел из гладкого ствола с поднятым целиком ведет к чистому промаху — снаряд пой-

дет выше. Соответственно стрельба из нарезного ствола без поднятого целика (из трехстволки это иногда невозможно) тоже даст промах — пуля уйдет ниже. Оптический прицел работает на тот ствол, по которому он пристрелян.

Комбинированное оружие лучше, чем какое-либо другое способно удовлетворить запросы охотника. Оно практически пригодно для большинства охот. Разумеется, нет смысла приобретать его, если увлекаться только охотой на мелкую дичь, где достаточно просто гладкоствольного ружья, но если интересы охотника шире, то наиболее приемлем именно этот тип оружия. Объективно не рекомендуется охотиться с ружьями, имеющими кроме нарезного гладкие стволы (ствол), только в горах из-за опасности при случайном ударе о камни повредить их тонкие стенки.

Критики такого оружия обычно ставят ему в вину значительный вес и отсутствие магазина. Действительно, утяжеление ствольной группы делало раньше трехстволки несколько тяжелее обычных двуствольных ружей, но с появлением новых порохов и высокопрочных сталей, позволивших без ухудшения боя сделать стволы короче и уменьшить толщину их стенок в патроннике и у патронника, вывело вес комбинированных образцов на средний уровень большинства современных ружей.

Боксбуксфлинт

Комбинированное ружье «Север»-Иж94

«Публикация писем охотничьих литераторов — явление редкое, почти исключительное, но в случае с Анваром Бикмуллиным вполне закономерное, ибо содержание его писем продолжает и органично дополняет им же написанную прозу». Так писал Михаил Булгаков в 2006 г. в № 7, предлагая подборку адресованных ему писем Бикмуллина — об охоте, литературе и жизни.

Был у Анвяра Бикмуллина еще один интересный адресат — Владислав Андреевич Окунь. Кандидат технических наук, полковник в отставке, почти полвека занимается любительской охотой. Читателям известен по книгам: «Мои друзья — охотники», «Охота на зайцев», «Охота на куниц» и «Охота круглый год».

В. А. Окунь — член Союза журналистов России и лауреат премии МГООР им. С. Т. Аксакова. Дружеская откровенная переписка началась после того, как он послал Бикмуллину свою первую книгу, и продолжалась в течение 4-х лет до неожиданной кончины Анвяра Хамзинича.

Анвар Хамзинич Бикмуллин

Анвар Бикмуллин о себе

Из первого письма в 2000 г.

...Вопрос «зачем писать?», по-моему, глуп и вреден, тогда можно спросить — зачем живопись, скульптура, музыка, танцы, зачем тогда человек и мы в том числе.

Святой Нестор-летописец меньше всего думал о своих литературных дарованиях, приступая к созданию «Повести временных лет» и ничего — написал! Скоро уже девятьсот лет этим повестям и их читают. А почему? Потому... писано о событиях коим сам был свидетель. Кому не лень могут стать нынешними Несторами, ведя нехитрые записки... Но никто просто не желает. Из миллионов, может, найдется один-два и лет через 50-100 эти записки будут на вес золота, так как написаны живым свидетелем без прикрас. Неважно, что не отточен слог, зато искренне и непредвзято...

Свое, понимаете, надоедает до оскомины пока переписываешь на чистовик, оглаживаешь, ласкаешь, сдуваешь пушинки, расчесываешь и прилизываешь, правяшь после машинистки, перечитывая в сотый раз. Самое интересное, когда катаешь черновик в первый раз, как рука успевает за мыслями. Вот это сладкий миг!!! Остальное — дело техники... Будем писать о том, что близко сердцу, дорого душе, утешно мыслям и приятно глазу.

Из письма от 07.06.2000 г.

Телевизор, слава богу, перегорел и перестал раздражать своими «нежными ядами». Время трачу в листании книг, журналов, писаниях черновиков и в ред-

ких письмах корреспондентам. Нынче у меня отсыпной день. Провожу более углубленный учет вальдшнепов по заданию С. Ю. Фокина. Уже провел 6 учетов по вечерам с ночлегами в лесу. На велосипеде из леса ехать плохо. При этом — полторы ноги, т.к. до сих пор хожу с клюшкой. По трассе Москва - Самара и того хуже, того и гляди бампером сшибут. Из «оружия» со мной шариковая ручка. Вальдшнепы еще тянут. Обо всем буду писать отчеты и свои мысли-идеи Фокину...

К молчанию читателей, как я понял, нужно привыкнуть и не обольщаться на сей счет, что все скопом кинутся нахваливать того или иного автора и гладить по головке: тю-тю-тю, сю-сю-сю, какой ты умный, какой ты оригинальный и т.д. и т.п. Наоборот, нужно ждать колотушек. Молчат, не ругают — уже хорошо. В общем, я из этих «подгузников» помаленьку выполз сам, поняв, что мало кто и рад тому или иному новичку-автору, хоть пишущая братия, хоть читающая. Ломи свое и не оглядывайся! Пишешь более-менее прилично, печатают нет-нет и уже кто-то черненько завидует.

В общем, Андреич, как ни крути, а хоть и бескровно, но в той или иной степени все мы «гладиаторствуем» на арене литературно-охотничьего «Колизея». Только вместо мечей и трезубцев — перо, бумага и проблеск озарения. Я не рассчитываю на то, что «у редактора наступит дефицит материалов». Материалы есть, но надо выйти с таким, чтобы он заиграл, затмил другие. Потому и писать стал, что серость заела.

Я пишу на дыхании. Могу месяцами ни строчки, ни словечка не выдавать. Вальдшнепы, читать, скучать, вальдшнепов считать, но как накатит, то как из унитаза забитого — прет через края только «отчерпывая».

Раньше я тоже так думал «напечатать, когда-нибудь, если хорошо написано, если в кон попаду». Теперь не то. Писать надо так, чтобы у редактора невольно возникло искушение поставить очередную рукопись в ближайший номер, возможно, даже в ущерб кому-то, что б пульс бился почаще, что б в блаженной истоме был...

До 20-го июня буду вести учеты-наблюдения на вальдшнепиных тягах. Я все еще на больничном, супруга безработная. Что начислят за больничный лист, на то и существуем...

Остановки в литературных делах не обходимы, Андреич! Если не идет, то не пиши. Мы же не классики и не профессионалы. Нужен период накопления, аккумуляции энергии, мыслей, осмысления, изучения недостающих источников. А как попрет, тогда пиши, не лянся.

Из письма от 06.09.2000 г.

Прошное воскресенье, кажись 2 сентября, еле выполз из болота, до того уходился за чирками, что сердце куда-то под горло подкатило. Пришлось немножко полежать у костра и таблетку под язык класть. Но к вечеру снова полезли с племянником Маратом в топи. Ему хоть бы хны, прет как сохатый в свои 20 лет, сшибает чирков, крякуш, нырков красноголовиков, а дядя где-то сзади

хлопает по кочкам. Такие вот дела. Правда, свою долю в общий шулюм я пока настреливаю, но жадности к выстрелу и добыче, сердечного жара при слове «крякаш», здоровья и силы уже поубавилось. Операций перенес всяких, но стараюсь не выпадать из общего строя, иначе не догнать. «Вальдшнепиную подорожную», например, дописывал в последний день перед операцией в урологии, накануне как на стол к хирургам лечь. Камень из левой почки очень рогатый и шипастый удалили прошлым летом...

Со мной сейчас много хуже в литературном отношении. За что ни возьмусь, ничего не идет. Слишком много идей и замыслов и все как хоровод незрелых чирей на шее. Нужно ждать пока хоть один созреет и прорвется гноем, то бишь словесным потоком, а пока лучше охочусь, отгуливаю законный отпуск, по три ночи живем на болотах, ва-рим шулюм и живем на подножном корму, что добудем то и в котел. Не добыли — пей кипятком и мечтай о мясной приправе. Никаких консервов, никаких колбас, тем более, никаких водок и выпивок. Аки схимонахи. Впроголодь даже и легче по камышам лазить, и стреляешь чуточку проворней и прикладистой. Я все смеюсь: дать один патрон и три дня не кормить, сразу приучишься бить только наверняка. А то все спорт, спорт, отдых на природе. Борьба за выживание при самых минимальных средствах, вот какая у меня сейчас охота. Достреливаю старые запасы порохов-патронов, а то скоро сроки годности пройдут. Ну, Вы в курсе всего, статья в «Охоте и охотничьем хозяйстве»¹ очень толковая, я ее всем молодым из своей команды дал и обязал прочитать, а потом «экзаменовал».

У меня в довершение ко всему спаниельку задавили на глазах, кинулась через автостраду за кошкой — и только визг предсмертный под скрип тормозов. Эту осень я бессобачный, а без собаки по перу охотиться «как свадьбу без гармонии сыграть». Сейчас один дома. Доварю шулюм, поем, пойду на почту отправлять Вам письмо, а после полы в бане буду менять, сгнили за 15 лет совсем. Надо как-то «амнистию» заслужить перед супругой, а то она всерьез начинает верить байке: «Было у отца три сына, один умный, другой дурак, а третий вовсе охотник». Ну, а в выходные снова в камыши и осоку на «уткодром».

Из письма от 02.01.01г.

Время осенних высыпок для меня самое поэтическое во всей осени и я как бы ухожу в своеобразный вальдшнепный «запой», пропадаю в лесах. Весной на меня наваливается глухаринный «хмель», «угар». Остальное охотничье время просто тянется между двумя главнейшими и продолжительными «запойми».

На свой страх и риск я пробовал заняться живоотловом вальдшнепов но-

чью с фарой, аккумулятором и сачком. Одного умудрился поймать, жаль только, кольцевать было нечем и я «пометил» его ленточкой от носового платка, завязав на лапке...

Разыскал наконец-то подшивку «Охоты и ох. хоз-ва» за 1966 год!!! Всю. Полностью. Сразу. Вот пофартило. Как 8-ой номер в руки взял, так в том августе 66-го рядом очутился. Вся нынешняя жизнь сном показалась. И дом, и обстановка, и книги, и чучела, и сам, и дети, и внук. Казалось, ущипнуть самого себя, и очнусь от сна, и снова окажусь в родительском доме, и живой отец зайдет со двора. Обласкал, перелистал каждую страничку, пробежал глазом каждую строчку, и снова будто под яблоней грушовой с Саней сидим, я читаю вслух, а он «сеть-обмет» вяжет.

Разыскал и самый первый номер «Ох. и о. х.» за 55-й год и еще некоторые номера за первые годы. На данный момент не хватает за 45 лет всего 22-х номеров журнала. Такое ощущение, что вновь сижу в мионовской избе, перебираю журналы, и вот-вот из соседней комнаты выйдет Василий Степанович. И радостно и грустно как в день Победы 9-го мая, дорогой Андрейч. Праздник, но со слезами на глазах...

Поздравляю с приходом нового года, века и началом третьего тысячелетия. Не каждому поколению выпадает такое и не зря на таких гранях времени колотит и лихорадит человечество.

Будем ждать, Андрейч, новых журналов, книг с Вашими и моими материалами, жить, охотиться, писать письма и желать ближним добра со счастьем.

Из письма от 30.01.01 г.

На весну у меня планов много, но лучше не загадывать. Чаще всего в жизни бывает, что с наскоку больше форта. «Как украл» — говорят в народе. Заранее начинаешь готовиться - знай, что-то стрясется — сломается техника, за-

болеешь, дома что-то стрясется и просто охота не сложится. Другой раз поедешь от «не хрен делать», нехотя, вроде, и на тебе! «И пышки и блины с маслицем». Правда, на одно везение лишь «новички дурачки» рассчитывают, а охотник должен знать свое дело. Это мне друг Саня после гуся первого, добытого дуrom честно влепил в глаза: «Бикмуллин! Везение — удел дураков, а ты должен знать свое дело». По сочинениям у него была двойка с минусами, но в афоризмах он краток, хоть золотом на мраморе выбивай. Он прав мой друг-соперник, мой приятель-конкурент.

Из письма от 21.04.01 г.

... И все же в сложившейся ситуации основной упор и ставка — на литературные труды. Чем горбить у участника по 18 часов и получать гроши, я лучше лишний рассказ напишу. Когда-никогда напечатано и что-то заплатят. Паче того на мне нет живого места неоперированного. С работы приходишь как труп, не до еды, а кипяточку глотнул и в горизонтальное положение, а до пенсии еще 14 лет. Рабочий стаж пошел с 69 года. Работал физически, да и в армии, как некоторые, дурака не валял. 25 лет только в мебельном производстве отворочал. Полежишь с часок, берешь бумагу с пером и уходишь в свое дорожное. Снова молод, здоров, счастлив и душа распахивается, как закрытые на зиму ставни.

7-го апреля был делегатом областной конференции охотников. В своем отчетном докладе Валерий Дмитриевич Гришин (пред. обл. охот. общества) упомянул и меня грешного добрым словом:

— Мы горды тем, что в нашем областном обществе есть Бикмуллин, свой писатель, которого читает вся Россия, чьи очерки и рассказы публикуются в российских изданиях, что есть на земле город Кузнецк и т. д. и т. п. (Причернотак.)

Владислав Андреевич Окунь

¹ В.А. Окунь «Не пользуйтесь старыми патронами», № 8, 2000 г.

Было много дельной критики от ников, от районных председателей охотобществ. Голосовали за недопустимость передачи охотугодий в частные руки, хотя зам. губернатора как раз и ратовал за это. Ну, это чиновники, и им бы что-то и кому-то, но только бы продать. Хоть саму Россию со всеми крестами и погостами, храмами и тюрьмами, лесами и болотами, мечетями и священными камнями на могилах отцов...

Пришел мне журнал на французском языке «Бекас». Все о вальдшнепе и охоте на него, о ружьях (фузия — ружье), баллистике (бал — пуля), охоте (шасс — охота). Больше по фотографиям все понятно. Полиграфия — высший класс. Как и чего на меня вышли, толком не пойму. Сейчас развился русско-французским словарем и самоучителем французского языка. Учю, как Макар Нагульнов в «Поднятой целине», только не английский, а французский. Десятка три слов уже одолел и правила чтения с грехом пополам... Кто знает, Андрейч, может мои вальдшнепиные сюжеты как-нибудь и переведут на европейские языки, но это пока из области нереальных фантазий.

Из письма от 26.11.01 г.

Из всех событий самое утешительное одно. Отдали мне бесплатно 4-х летнего спаниеля Ральфа (диплом по утке, диплом по вальдшнепу). Хозяину-охотнику тяжело прокормить смычок гончих и Ральфа. Притом гончары обижали спаниеля, отнимая корм. Исхудал — кожа да кости. Забрал я его, откармливаю. Рад больше, чем свадьбе сына и всем вместе взятым событиям. Нужно будет вязать Ральфа с какой-нибудь дипломно-родословной сучкой-спаниелькой и оставлять для нашей компании щенка. По утке с вальдшнепом охотимся очень часто, а собачий век очень короток. Пока то да се, пока из щенка что-то получится, глянь, и Ральф состарится.

Рукописей и материалов от меня, похоже, долго не будет. И писать настроения нет, и печатать на машинке некому. Контору сократили, разогнали по цехам работать. Никаких ОТЗ, никаких планово-экономических отделов, никаких машинисток. Директор и главбух. Так что моя «псевдоплодовитость» — мыльный пузырь. Вот допечатают все ранее высланные бумаги, и заглохнет Ваш земляк, как и не было его. Хорошо, если один-двое вспомнят и спросят в редакции: мол, куда такой-то пропал, что не пишет? А остальным будет безразлично.

Про здоровье, хоть и годами не стар, говорить очень и очень не хочется. Одни шрамы от скальпелей и недобрая память о цвете потолков в операционных и реанимациях. 32 года стажа работы, работы физической, тяжелой. Начинал с ремеслухи. Как сдали нас оптом после ГПТУ на завод ""Кузнецмермаш"" — угодил разметчиком на газорезку под открытым небом. С работы придешь, умоешься, полистаешь учебники и в вечерку, учились каждый день, как в

дневной. В выходной — охота. Время летело метеором. Как в цех попал — не мог нарадоваться зимой: в тепле! Не было 18-ти, а работал в паре с матерыми мужиками на самом вредном 5-м пролете, где от дыма электросварки не видно противоположной стены, а ошметки еще полгода в армии отхаркивал черным, даром, что всю жизнь не выкурил ни одной сигареты-папиросы. Водку пил с этим народ и материться научился очень вычурно. Каждый «оттянул» свой срок и «университеты» у всех жизненные были. Ну, и я возле этого народа.

Про армию будете читать в моем объеме «Охотник в армии», если «Ох. просторы» надумают напечатать. В мебельной промышленности уже 26 лет. Раньше рекрут, отслужив 25 годов уходил в запас по той старинной песне: «Отслужил солдат двадцать пять годов, Генерал-аншеф ему отпуск дал...» А мне до «отпуска» еще 13 годов. Пенсия еще в 2014-м, как раз на столетний «юбилей» начала первой мировой войны. Дотянули? Через это и спешил сказать то, о чем дорого было сердцу. Кажется, успел. Остальное — либо скажется, либо нет.

Где он, этот желанный долгожданный «генерал-аншеф» с 2014-м годом? Получай пенсию, охотья, пиши, если есть

желание, в журналы.

Самое сокровенное желание — ничегонеделание. Сходил в лес за ягодой, за грибами, за березовыми вениками для бани, пришел из леса — в почтовом ящике свежий номер «ОП», «Ох и ох» или «ПиО» с «РОГ». Письмо от хорошего знакомого с умной беседой-разговором. Охота в сезон, самовар с чаем, книги. Вот мой идеал жизни.

Но пока каждый день нужно силком тащить себя на работу в цех, работать за гроши, отказывать себе во многом и не сводить концы с концами, думая со страхом: а если завтра в больницу угожу, где брать на лекарства и лечение? Слава Богу, пока еще медицинский полис есть.

Только и тихой потайной душевной радости, что где-то есть редакции и тебя мало-мальски признают и печатают, а то и не разбери поймешь, зачем и к чему вся моя нелепая жизнь и зачем меня родила матушка?

Из письма от 21.12.02г.

Потерял надежду на издание своих избранных. Обещал губернатор пензенский помочь в издании моих книг (перед выборами), но забыл обо мне. Напоминал я ему, кланялся «Ох. просторам» с «Соломенным захолустьем», но тщетно. Одна утеха, — еще печатают мои рассказы в журнале и альманахе, но

Анвар Бикмуллин с сыном Ренатом

и то их там чуть остается. Пишу теперь меньше и скорее. Придешь с работы, где не платят ни хрена, и держащийся на ней ради стажа, будущей пенсии и медицинского полиса, похлебаешь, что бабушка Лариса нальет в чашку, и бегом к соседу работодателю в его столарку. До десяти вечера точишь на токарном станке ножи-проножки для табуреток и столов. Производство еще в начальной стадии, обороты финансовые — одни долги, но должен человек скоро выпутаться и кое-что будет и мне перепадать. Притом работаю я у него после работы не полный рабочий день, а всего лишь пять часов + выходные и праздники. Говорить с ним о серьезных деньгах как-то неудобно. Знает он и про мои писательские «достижения», и про книги от писателей даренные, и про журналы, и пр. Хочу надеяться, что когда-нибудь он меня «не забудет», а пока самое главное — не скатиться до бомжа.

В десять придешь от соседа, перекусишь и на «поле боя писательства». Пиши хоть роман, но помни: к семи утра уже должен быть на работе. Где ткнешься в перекур, там и дремлешь сидя. А вечером опять по тому же кругу, как заяц под гончей. Бабушка мечется по своему кругу. Работает у частника, режет стекло и в будни, и в субботы, и сверхурочно, но еле-еле концы с концами сходятся — «тришкин кафтан», а не жизнь получается. Но все равно, выносил под сердцем «Куница привела» для «Ох. и ох». Гонись резцом стружку от березовой бобышки на токарном станке, а душа вечера ждет с ночью, когда все утихнет и лишь бумага с ручкой при свете ночника остаются моим «вооружением», да мысли.

В один день с Вашей книгой, Андрейч, пришла и дареная книга Ф.Р. Штильмарка «На службе природе и науке». Чуть ранее от СЮ. Фокина справочник энциклопедия «Охота рыбалка», где среди фотоиллюстраций значится и мое скромное ФИО. Про «Большак охотничьей литературы» в «Ох и ох» № 9 за 2002 год Вы, очевидно, знаете. Вышшая честь оказаться среди Великих. Этим-то и греется душа, и находишь в себе силы на противоборство с жизнью.

Из письма от 26.04.03 г.

... А теперь самое для Вас интересное. Как говорил один детский поэт: «Мамы всякие важны, мамы всякие нужны». Это я к Вашим сомнениям насчет «немного писал и охотничьих сюжетов, которые хоть раз были описаны».

Ну, и что того, что были описаны? Что за бред! Чехов путешествовал на сахалинскую каторгу, описал все ужасы, но В.С. Пикуль превозмог и перешагнул через Антона Павловича своим великолепным романом «Каторга». Казалось бы, что можно еще написать после В.К. Арсеньева, Г. Ходжера, В. Санги о нанайцах, удэгейцах, гиляках и нивхах с гольцами, но Мих. Вас. Булгаков не побоялся изобразить нанайскую столицу Троицкое 80-х годов времен Андропова. Вышло сочно, ярко, обличающе и

очень талантливо.

А про что же, спросить, милейший Андрейч, писать? Давайте года на три приторможим все глухаринные рассказы и поученья. Давайте выкинем лосей и кабанов, лис и волков, уток и гусей. Про что же тогда будет говорить ох. литература? Пишите, батенька, как сердце позовет и душа встрепенется. Вот это-то и самое ценное во всех пишущих, когда само прет, как из забившегося унитаза. Успевай только черпать, т.е. писать. А без вдохновения и письма не написать.

Из письма от 18.07.03 г.

Все старики авторы, как один, — молодцы. Их приятно и очень полезно читать. И о людях они напишут так, как никогда не напишет заезжий, «заскочный» репортер из газеты: наскочил, накудахтал и забыл после публикации. Нет, деды-писатели тем и хороши, что обостренно и уточненно чувствуют мир и жизнь, особенно охотники. Авторы бандитских боевиков никогда не почувствуют запаха сена или вянувшей полыни. У них «своя свадьба» — у нас своя. И не свадьба, а литературное зоревание с неторопливым шулом и чаем у охотничьего костра, где не нужно ждать, когда подленько сожгут твою лыжу. Я бы с каждым таким заочным другом не побоялся на ночевке за ружье, рюкзак или патроны; меня бы лишь не опасались как чужака и доверились бы как соплеменнику по охоте...

Жизнь у меня скупая, скудная: одеть обувь путного ничего так и нет, едим с Ларисой Николаевной впроголодь, заболеешь серьезно — ложись, сцеди зубы и умирай молча, так как врачам дать нечего, а помри, — то ни копейки за душой на похороны. Словом и жить страшно и умереть дорого... Но все равно, жду августовского открытия, шулома, стрельбы и рассказов. Там на поле-вании забываешься, а домой придешь — нищета и захудалость. Бог с ними. Зато есть хорошие книги, журналы и, что самое главное, приятель лучших людей России, т.е. писателей и редакторов, а это уже дар Всевышнего...

За «Охотника в армии», скорее всего, в редакцию посыплется возмущения: «мол, подлец, Сов. Армию обгадил. Вообще бы тебя, гада, уморить тому Моржу у тумбы дневального». Но это не так. Это упущение заветов Довлатова, Линькова, Германа, и кто-то должен был посметь о них напомнить.

Матрос баталер А.С. Новиков (Прибой) был рядовым участником цусимского похода и сражения, а посмел раскритиковать все недостатки и упущения. Я же сказал об одном и очень безобидном. Ну, не лежала душа к боксу, хоть в роте (отделении) несколько пар перчаток было и дедам очень потешно было смотреть, как молодежь лупит друг друга по мордам; и в теннис не любил и ни во что не любил (хотя и приходилось), все леса свои родные, книги, ружья каждый миг перед глазами держал.

Куприна вон тоже за «Поединок» не пожаловали, и на дуэль рвались выз-

вать, в отставку ушел. Власть не любит, когда ей указывают на недостатки. Она любит, когда ее славословят.

Из письма от 24.09.03 г.

В субботу и воскресенье думаем поискать вальдшнепов. Сроки подходят. Может, и поднимем одного-двух ради погляда. Осень, Андрейч, в самой золотой поре. Вот когда только в отпуск иди, но я истратил его на весну, брал в апреле. И что дошло наконец-то до моего сознания, — смех и грех, — как самый сезон, хоть весной, хоть осенью, — как за вальдшнепами, глухарями и утками, так извольте, Аняр Хамзинич, лопату в руки и копать жать в огороде. Слава Богу, что не жалел еще никакой дачи, а то бы и вовсе в рабыню Изуру превратился. Да и охотничьи классики позапрошлого XIX века еще тонко подметили: у егеря-охотника и ворота вот-вот упадут, и изба скособочилась, и жрать порой кроме крапивы ничего не растет, но зато вольный народ. И, как правило, все бобыли.

Душа, Владислав Андреевич, настроилась, как виолончель перед главным концертом сезона, на вальдшнепине высыпки.

Из письма от 08.03.04 г.

Я очень загружен сейчас. Тут и встречи с читателями в канун юбилея, и всякие мероприятия в библиотеках и со школьниками. Сейчас готовимся к презентации моего тощенького сборника. Типография весь тираж враз дать не может. Дали первую сотню на презентацию, а после будет брошюровать и добавлять. Весь тираж уже отпечатан и лежит айсбергами бумаги в переплетной у Кириллыча (переплетчик-брошюровщик).

...И волк, и одичавшая собака, и глухарь, и кун, и белка, и рябчик, и вальдшнеп — каждый вид приспособливается к прессу человека. Бог с ними, пусть живут и выживают, тем более что добывать их что-то все меньше и меньше желания остается. Пара патронов в патронник, да пяток в карман — и ходишь весь день без выстрела. Слушаешь гон, дышишь свежим лесным воздухом, смотришь во все глаза на Божий мир. Какие краски! Какие оттенки! И ты — частичка всего этого. Не совсем полезная, желанная и нужная, но причастная земному бытию и трудам Творца. Все остальное химера, суэта и временное явление. Будешь весной натяге, вскинь взгляд на Кич-полдуз (звезда вечерняя, татарск.), или на луну апрельскую над черным лесом, когда идешь к токовищу глухаринному (Земли ровесница!), и вникни в эти рассуждения.

Из письма от 24.05.04 г.

...Оперил наконец-то свой книжный экслибрис. Рад радешенек, хоть нищий почти, но с «гербом». «Без штанов, но с печатью». Старинная книга с застежками, горящая оплывшая свеча, гусиное перышко для письма и читающий книгу вальдшнеп. Считаю, вся моя потаенная суть.

Глоток воли

Вадим ЧЕРНЫШЕВ

Сейчас Илье Петровичу Никишину с Покрова прошлого года пошёл девятый десяток. Вся жизнь, несмотря на незаметно подобранный пенсионный возраст и небольшую хромоту, к которой он привык и не замечал её, он работал.

Теперь, когда Илья Петрович остался не удел, у него появилось время оглядеть прожитое. В юности ему досталось поучаствовать в Великой Отечественной. Не успел он кончить десятилетку, как его призвали, послали на курсы взводных командиров — младший комсостав в который раз был выбит, но если раньше сразу направляли на передовую, то теперь, когда на фронте стало полегче, выкроилось время, чтобы подучить. Война перекадилась туда, откуда началась. Так же, как её огненный вал губил людей и взламывал вековые стволы чужой для захватчиков жизни России, теперь война разрушала — но куда с меньшей кровью и потерями для них — уютные гнезда бюргеров, которые предпочитали драпать на запад, где союзники открыли, наконец-то, второй фронт.

С востока война надвигалась быстрее. После короткого боя полк, где служил Илья, занял небольшой чистенький полукурортный городок Пруссии. Взвод Илья расположился на территории какого-то поместья. Устраиваясь на ночлег, бойцы разбрелись по большому двухэтажному особняку, разглядывали обстановку, портреты предков, дорогие красивые сервизы в буфетной. Убежавший хозяин был охотником: стены кабинета были украшены рогами оленей и косуль, оскаленными, с гнутыми жёлтыми клыками, мордами кабанов, на шкафах стояли чучелами фазанов и хищных птиц. Илья рассматривал дорогие ружья из коллекции немца, горько сожалел, что не мог прихватить хотя бы одно: куда его деть?

— Взводный, пойдём, что покажу! — подошёл к Илье сержант Юрий Гуцин. — Выйдем в сад...

С Гуциным у Илья как-то сразу установилась дружба. Сибиряк из Зауралья, сержант тоже был охотником, человеком очень приметливым, с цепким глазом, умевшим всё, за что бы ни брался, делать легко и спорно, с особым щегольством. Он хорошо рисовал, любил по-

эзию, умудрялся находить время, чтобы послать в газету-«дивизионку» свои карикатуры и стихи. Илья любовался им, жившим чем-то своим, отличным от ребят во взводе, и вспоминал поэта Николая Алексеевича Некрасова, говорившего, что в охотники «отделяются наиболее талантливые люди»... Юрке после войны надо бы непременно поступить в какое-нибудь художественное училище... Какой одарённый человек!

Они вышли в сад. В глубине его, неподалёку от беседки, отражавшейся в небольшом прудочке, аккуратно обложенном плоскими голышами, светлела мраморная статуя: откинувшаяся полуголая дева и склонившийся над нею, будто выцеливающий место для поцелуя такой же полуобнажённый юноша в тунике. Илья вспомнил, что видел такую же статуя в Летнем саду, когда до войны родители возили его на каникулах в Ленинград.

— Это «Амур и Психея», — сказал он. — Я видел такую же в Питере. Наверное, копия стой. У меня была такая книжка, интересная, «Мифы Эллады», про Грецию...

— А кто они?

— Ну, Амур — бог любви, знаешь же — «амурные дела»... А Психея... Я не помню, кто такая, надо бы где-то почитать...

На шее у Амура висел моток колючей проволоки, «заразивший» ржавчиной светлый мрамор.

— Украшение войны, — сплунул Гуцин. — Зачем повесили? Портится же от ржави...

Недоговарив, он сдёргнул колючку — и ничего не стало... Последнее, что ощутил Илья — ослепившее его пламя и страшный грохот...

Очнулся он в санбате.

Медленно, с трудом обретая в глазах очертания предметов, будто поднимаясь из глуби вод встреч свету, Илья увидел перед собой серое расплывчатое лицо человека в халате.

— Жив, герой? — откуда-то со стороны сквозь шумную тяжесть в голове пришёл к нему голос. — Тоня, теперь камфару.

Он не почувствовал, как в его плечо вошёл шприц. Вместе с ожившей в ноге болью к нему вернулась память.

— Где Гуцин? Сержант?

— Гуцин? — переспросил небритый, с покрасневшими глазами, как от попавшего в них песка, врач.

— К нам такой не поступал, — донёс со стороны женский голос.

— Я по ранениям вас больше помню, не по фамилиям, — сказал врач. — Вот ты, лейтенант, похоже, отвоевал. Плохая у тебя нога. Не пришлось бы ампутировать. Но жить будешь!

Что-то тяжкое, неотвратимо страшное навалилось на Илью. Сжав зубы, закрыв глаза, он с ужасом постигал смысл слов.

— Нет, — сказал он твёрдо. — Не дам. Я охотник — куда мне без ног. Умру вместе с нею.

И добавил молящее:

— Доктор! Сделайте что-нибудь... Я потерплю...

...Может быть, потому, что военврач был сам охотник, или задела его сердце мольба Илья, с его трогательным, еще не выдавшим бритвы пушком на юношески припухлой губе, он постоял, покусывая губы, рассматривая Илью, и распорядился:

— Тоня, скажите Генриху Васильевичу, будем оперировать.

Всех, кто вместе с Ильёй попали в полевой госпиталь, давно отправили в тыл, а он всё оставался в хирургической палате медсанчасти неподалёку от того городка, где пострадал так нелепо. Война теперь откатилась от него на запад. Похоже, молчаливый хирург, майор медицинской службы Фёдор Акимович Штыров, не обещая ничего, заразился упрямством Илья и решил вложить всё своё искусство, чтобы спасти ногу. Прошло несколько операций, мучительных и рискованных, прежде чем стала понемножку возвращаться к ней жизнь. Хирург суеверно помалкивал, боясь «сглазить» удачу, и лишь сдержанно, привычно пожевывая губами, подбадривал Илью:

— Терпи, лейтенант. Будем работать. Хуже, чем было, не будет.

За Ильёй приглядывала медсестра Тоня — девушка примерно его лет, невысокая, хлопотливая и шустрая, какие обычно вырастают в деревенских заботливых семьях, ласковых к дворовой живности. Её участливая готовность чем-то помочь, не по возрасту материнский успокаивающий говорок восполнял сдержанную — от усталости ли, или нарочитую — сухость хирурга. В потрясении от контузии и неожиданной лазаретной обстановки Илья поначалу не стеснялся сестры — большой медику открыт, — но, придя в себя, заметил в ней не только помощницу врача, но милую по-своему, обаятельную девушку, и стал стыдливо прикрываться, когда Тоня, делая перевязки, поднималась

Начало см. в № 2, 2008 г.

выше поноге. А за окном набирала силу весна — тихая, бледнощёкая европейская весна, так не похожая на ту шумную, хмельную, что приходила в родные края Ильи, с синими обледенелыми, сморщенными сырым ветром лужами, просовами на унавоженных дорогах, гремящих поутру ледяными черепками, с грачиным граем, с ноздрястым изъеденным дождями льдом на прудах с раздвинувшимися от водополя берегами... Илья ловил залетающие в открытую форточку запахи чужой земли, звуки птичьего щебета, и вспоминал... Приходило детское, дом, далёкое мешалось с только что пережитым, и вставала перед глазами та летняя тёплая ночь, когда он, поигрывая молодой силой, шагал под августовским звездопадным небом по степи, на краю которой беззвучно попыхивали зарницы и, задыхаясь от счастья, пел, один в целом мире — и оно, это счастье согревало его и сейчас... Как и тепло, оставшееся от молчаливой любви ушедшего Деди-Пашеньки, от его притаённых молитв, укрывавших Илью, — теперь он верил в это здесь, на угластой лазаретной койке, с её мучениями и надеждами...

Его воспоминания прервала залетевшая через форточку бабочка-лимонница — такая же, как там, на родине, она облетела палату и уселась на грядущке кровати, складывая и раскрывая книжечкой крылья — и Илья увидел её в своём лесу, еще не одетом по весне, где она, яркая, как сгустившийся солнечный лучик, далеко видная между голых стволов, весело порхает над серой обсохшей прошлогодней листвой, среди которой, такие же заметные издалека, лиловеют цветы хохлатки...

Лимонница слетела к окну, к свету и залопотала крылышками по стеклу.

— Тоня! — закричал Илья. — Тоня-а!

— Ты что, Илюша?

— Выпусти её, пожалуйста! Пыльцу обобьёт!

Медсестра потянулась с табуретки, стараясь прикрыть бившуюся бабочку ладонью, и Илья увидел обнажившиеся ямочки под её коленками — кровь горячей волной бросилась ему в лицо, зашумела в ушах...

Молитвы ли Деди-Пашеньки, охранявшие Илью, или его страстное стремление остаться годным для охоты, захватившее сдержанного в чувствах майора-хирурга — кто скажет, что приблизило тот день, когда, спустя время после очередной операции, врач ощупал разбитованную Тоней ногу и сказал потеплевшим голосом:

— Ну, Никишин, ты еще, кажется, потропишь русачков: пульс наполненный, устойчивый до самой пятки, до мизинца. А если есть питание — будет жить и нога!

Илья заметил, как у Тони навернулись слезы. Да и у него самого запершило в горле, перехватило дыхание, и он порывисто схватил, поцеловал пахнущую каким-то лекарством руку врача с пожелтевшими, прокуренными пальцами.

А потом пришла Победа. Илью на рассвете разбудила стрельба. Откуда она здесь, в затихшем тылу? Десант? Но что ему было бы нужно здесь, в маленьком полупустом городке? Раненные, кто мог, бросились к окнам. Стреляли и кричали за парком, где недавно стал на отдых и пополнение поредевший в боях конно артиллерийский полк. Ранний прохожий, немец с двухколёсной тач-

кой, поставил её на подпорку и недоумённо всматривался в небо.

— Победа! — пронеслось по палатам. Небольшой лазарет взбудоражено гудел. Праздничный обед был отмечен «фронтowymi» ста граммами. Поздравляя с Великим Праздником, поднося алюминиевую кружку, медсестра поцеловала Илью, и он, притянув её, задержал на своих её губы, наслаждаясь их забытым вкусом, сводящим с ума запахом не подпорченного парфюмерией молодого женского тела.

Растроганный, чуть захмелевший с непривычки, он лежал после обеда, сомкнув веки, на спине. В глазах его стояли слезы. Вспоминались погибшие парни из его взвода, из его полка: молодые, жившие памятью о родных местах, о близких людях, они оказались бессильны против безжалостной страшной войны, обезобразившей смертью их полные жизни тела... А такие одарённые, как тот же Гуцин — сколько доброго, красивого могли они дать, оставшись жить, народу, стране и породить новое поколение таких же талантливых, быть может, людей... Как бы он хотел встретить сейчас этот выстраданный Праздник там, на передовой, где оборвалась война, с автоматом в руках, отсалютовать ему полным диском патронов в присмирившее небо!

Илью выписали на исходе мая. Он ехал воинским эшелонном, украшенным ветками сирени, среди солдат, шумных и хмельных не столько от с трудом добываемой водки, сколько от неудержимой радости, торжества и сознания своей гордости за страну, не только выстоявшую в страшных боях, но и освободившую восторженно встретившую их

Европу, от предвкушения скорой встречи с родными, от вновь обретенной твердой уверенности в будущем, прекрасной и светлой после перенесённых страданий... В братском славянском единении, к которому охотно примыкали люди вовсе не славянского происхождения, вчерашние бойцы грудились где-нибудь возле трофейного аккордеона, изукрашенного пластмассовым «перламутром», делились куревом и тем, кому что Бог послал, шумели, радовались обнаружившимся землякам, пели, а то и топотали тяжёлыми «кирзачами», позванивая медалями, в узком проходе битком набитых вагонов.

Когда пересекли границу России — под станционными вязами появились, как и до войны, бабы, торгующие на дощатых столах-прилавках молоком, горячей картошкой и солёными огурцами, квашеной капустой, салом... Илья хотелось ощутить под ногами родную землю. Солдаты помогли ему одолеть высокую вагонную подножку, и он, скрипя костылём в усыпавшем откос шлаке, шёл к базарчику. Женщины, завидев молоденького лейтенантика, опирающегося на костыль, с красной нашивкой тяжёлого ранения под орденом Красной звезды, совали ему обернутые газетой картошки, отмахивались от денег, а одна из них, бормоча что-то про своего Васятку, прильнула к нему и стала целовать его то в щёку, то в открытую растегнутую гимнастёрку шеи. Илья обхватил её свободной рукой и близко ощутил знакомый избяной дух её одежды, — молочный запах хлеба, выходящий на печи лучины, вымытых, застланных половиками, полов...

Родина, Россия! Каким теплом отзовёшься Ты на обращенное к Тебе сыновнее чувство, скольких людей, живущих на Твоих просторах, Ты сделала счастливыми, заронив в них пожизненную благодатную к Тебе любовь!

Война, вторгшаяся в светлую, полную надежд юность, смерть товарищей, своё ранение, лазарет стали в судьбе Илья страшным рубцом, надвое разделившим его жизнь. И если шрамы на собранной старательным хирургом из кусочков ноге постепенно заживали, нога обретала свой нормальный вид, то этот шрам на душе давал о себе знать всю жизнь...

Войдя в мирное русло, жизнь теперь проглядывалась далеко наперёд. Всё зависело только от себя. Илья на всё лето засел за учебники, сдал экзамены и без конкурса, как все фронтовики, поступил в институт на ФПС — факультет промышленного строительства. Таких, как Илья, в институте было много, и в этом был высокий знак того, что недавние солдаты и офицеры, защищавшие страну, собирали тогда, в послевоенные годы, строительное, инженерное дело, чтобы включиться в восстановление порушенного народного хозяйства, оставляя слабому полу гуманитарные и счётно-бухгалтерские специальности. Демобилизованные были самой надёжной, самой упорной в учении частью студентов, что не мешало им, впрочем,

включаться в легкомысленные шалости вчерашних школьников, не видавших войны, не всегда умевших заставить себя работать систематически и потому попадавших в «отсев». Сдавши сопромат, — что по старинной студенческой поговорке позволяло жениться, — Илья поехал после двухгодичной переписки с нею к Тоне, чтобы решить вопрос её перевода в ленинградский медицинский. На это ушёл ещё год. За полтора года до защиты Ильёй диплома они расписались. Дореволюционный доходный дом, принадлежавший когда-то, как передавалось слухами, какому-то купеческому товариществу, с вычурными эркерами и балконами, в котором теперь размещалось общежитие, имел угловые небольшие помещения, которые отводились студентам-«женатикам». В такой комнатке и поселились молодожёны. Но порядки остались прежними: как и до этого, каждые десять дней менялось бельё, при стипендии в 395 рублей они платили за «общагу» по трояку в месяц. Только теперь они отказались от буфета и питались «семейно»: Тоня готовила на общей кухне, где была громадная плита и постоянно грелся «титан», а Илья закупал продукты. Еще на первом курсе он заменил костыль палочкой, от которой через год отказался и, чуть прихрамывая — это осталось на всю жизнь, — носил в «авоське» картошку, отшучиваясь от беззлобных насмешек «вольных» парней над его семейными заботами. В декабре 1947-го были отменены продуктовые карточки, и кормиться «хозяйственным» стало значительно проще.

После защиты диплома Илья распределили в Сибирь. Страна, предоставив Илье получение оплаченного ею образования, имела право послать его туда, где он был ей всего нужнее. Тоня осталась заканчивать институт в Питере. Но Илья, как молодой специалист, тоже имел права: на работу по специальности и на жильё. На должность мастера его оформили тут же в день приезда, а потом он получил и комнату. Правда в двухэтажном бревенчатом доме барачного типа с «удобствами» в конце коридора, но скоро должна была приехать Тоня, и Илья был рад и такой.

Он сразу почувствовал, как он здесь нужен. Такая востребованность государства в нём, как в специалисте, сопровождала его всю жизнь, где бы он ни работал, постигая географию страны по стройкам, куда бы его ни направляли, и какую бы должность он ни занимал. Это к нему, как и ко всем другим, звали плакаты с призывами досрочно сдать объект, с честью выполнить предмайские, предоктябрьские и предновогодние обязательства. Ход выполнения графиков строительства регулярно рассматривался руководством стройки на бурных «оперативках» и «декадниках», после которых уборщица частенько выносила разбитые запальчивым начальственным кулаком стёкла с письменности стола, его контролировали инструкторы-кураторы райкома и горкома партии. Еще вчера рассматривавшие,

как идут хлебоуборочная кампания и лесозаготовки, или как готовятся школы к новому учебному году, кураторы с сознанием своего начальственного положения, скрывая неосведомлённость, круглили позиции графиков и раздражались, когда им объясняли, что к какой-то работе нельзя по технологии приступать, пока не будет сделана предыдущая, сдерживаемая поставками со стороны. А профсоюзные деятели цеплялись за более им понятное: указывали на недостаточную наглядную агитацию, на просроченные соцобязательства и формальное соцсоревнование, которое давно обрыдло и руководству, и рабочим.

Но так или иначе, объекты сдавались в срок или досрочно, на митингах, посвященных их пуску, гремел оркестр, говорились хвалебные речи, забывались будничные передрыги и обиды, списывались текущие выговоры «без занесения», начальство получало награды, а ИТР и рабочие премии и надбавки «за выслугу лет», и Илья испытывал невольную гордость от принадлежности к коллективу, радовавшемуся заслуженному празднику и готовому к новым славным делам.

И действительно, его «Спецстрой-монтажу», где он работал теперь заместителем главного технолога, поручалась очередная новая стройка, и опять всё начиналось с «нулевого этапа», и опять закреплённые за строительством кураторы страдали: «билет положишь на стол!» И удивлялись раздражённо, что «номенклатурный» работник Никишин, верный семейному укладу, унаследованному им от Деди-Пашеньки, и из уважения к религиозно настроенной Тоне («ты ведь, Илюшенька, не знал тогда, в госпитале, что не только твой Дедя-Пашенька, но и я молила за тебя Господа») — так и не вступил в партию. Впрочем, это никак не отлучало его от коллектива, от парторганизации, которую жизнь тоже научила отличать человеческую добросовестность в работе от трибунной говорильни, и он, разделявший в душе коммунистические идеалы и установки, не чувствовал себя ущемлённым, когда не мог присутствовать на закрытых партсобраниях, где хорошо знакомые ему люди вдруг менялись, подчиняясь правилам игры, продиктованным пребыванием в партии.

Все эти годы Илья Петрович охотился, всячески урывая от работы время и целиком посвящая этому отпуску. Стройка, подгоняемая начальством, не только выматывала у людей силы, но и помогала: местком закупал для охотников члены и палатки, поддерживал заявки на выделение транспорта, и строители, радуясь своему перевоплощению в охотников, отправлялись за гусями на Сенные Вяжи озёра. Забыв чины и звания, производственные конфликты и стычки, люди на охоте распрямлялись душой, «гусарили» и рассказывали у костра небылицы. «Король охоты», обстрелявший на этот раз других, становился «королём» и в застолье, ему вменялось быть дежурным «тамадой» и

виночерпием, и он присваивал спутникам шуточные, известные с тургеневских времен «звания» «ахал», «бахал» и «шлёпал».

Илья Петрович с удовольствием принимал участие в таких поездках, но на боровую птицу и пушного зверя предпочитал охотиться в одиночку с лайкой. В деревне, куда он приезжал на охоту, ему подвернулся дом. Старушка-хозяйка умерла, а её сын-горожанин, не в силах глядеть, как рушится ставшее бесхозным родовое гнездо, продал его по цене дров. Была составлена купчая, заверена печатью в сельсовете, «скреплена», как водится, магарычом, — и Никишин в тот же день стал обладателем старой, но еще вполне крепкой, избы.

Деревенское домовладение внесло значительные изменения в семейную жизнь Никишиных. Теперь Илья каждую осень отправлял Тоню по грошовой профсоюзной путёвке в Ессентуки или в Саки подлечить желудок и «опорно-двигательный аппарат», а сам уезжал на весь отпуск в деревню. В избе — самое главное, — была в порядке русская печь. Целыми днями Илья Петрович пропадал со своей лайкой в гулком облетевшем лесу, а вечерами топил печь, смотрел на живое пламя и перебирал в памяти свежие впечатления охотничьего дня. После долгого пребывания на осеннем воздухе горели щёки, истомно-сладко отходили от трудов ноги, обволакивало расслабляющее печное тепло. По стенам кухни гуляла отсветы огня, влажно поблескивали глаза Ижмы, с обожанием глядевшего на хозяина, и Илья Петрович был счастлив.

Но самой любимой его охотой была весенняя на глухариную току. Ближе от деревни глухарей не было, он с помощью рабочего-строителя, местного охотника, отыскал ток совсем в другой

стороне. Добираться туда было непросто, и он поставил там избушку-«зимовьё». Отодвинувшийся было ток опять приблизился, оказался совсем рядом — так, что ближних петухов иногда стало слышно от порога. Такое соседство радовало Илью Петровича, но и смущало: мошники становились как бы «своими», «домашними», — а можно ли стрелять своих?!

Он любил свою избушку и ловил себя на мысли, что она тешила его профессиональное самолюбие больше, чем все те стройки, в которых он участвовал.

Незаметно подошла пенсия. Отметим юбилей скромно: бросать работу Илья Петрович не собирался, начальство ценило его как специалиста и даже не намекнуло об уходе на «заслуженный отдых». Может быть, благодаря деревне и охоте он был еще бодр, привычное его припадание на левую ногу не мешало ему и работать, и охотиться, и лишь делало сдалека узнаваемой его походку. Илья Петрович заранее знал, какая ему будет начислена пенсия, — Тоне её стали выплачивать значительно раньше, — и к юбилею отнёсся буднично, лишь как к событию, которое повлечет дальнейший прирост семейного бюджета.

Близилось последнее десятилетие самого бурного в истории, самого насыщенного потрясениями и кровавыми событиями XX века.

Не бывает власти, которой были бы довольны все. Она может быть прочной и справедливой, когда выражает интересы большинства народа и может их защитить. Допуская шаткость и неуверенность в осуществлении такой политики, власть провоцирует усиление недовольных, объединяющихся в оппозиционные партии, каждая из которых

взывает к поддержке народа и обещает ему невиданные права и блага, как ни одна из других. Появляется лживо-притягательное, обманное слово «демократия», «власть народа», которой нет ни в одной стране и которая в её манящем виде так же невозможна, как «светлое» коммунистическое будущее.

До строителей в провинциальной глубинке столичная политическая возня, неиссякаемые словопрения, уничтожительные обличения и митинговые страсти доходили в приглушённом виде. На стройке нового химического комбината началась горячая пора наладочно-пусковых работ, было трудно с комплектами, сроки поставки оборудования не выполнялись, дисциплина в кооперации упала — сказывалась охватившая страну смута и бессилие центра — и Никишину было тоже не до политики. Он запомнил фразу, сказанную когда-то в институте на семинаре политэкономии: «Что бы ни случилось, держитесь за заводскую трубу — производство нужно любой власти», и утишал ею беспокойство и тревогу Тони — не волнуйся, мы при деле!

Но советский политэконом ошибся: в 1991 году пришла власть, которой заводская труба оказалась не нужна. Такой власти Россия ещё не видела. Какой бы она ни была в истории Государства Российского, власть всегда стремилась упрочить его, обезопасить расширением границ, мечом и искусством дипломатов повысить влияние в международных делах. Сознывая, какое неслыханное преступление намерены осуществить, заговорщики, забравшись на всякий случай в Беловежские дебри поближе к границе, возвестили о распаде Советского Союза, о гибели Великой Державы.

Кары не последовало. Страна в одночасье стала другой. Это решение, пришедшее на далёкую стройку как данность, ошеломило Никишиных. Поверить в него было невозможно, как в абсурдный, кошмарный сон.

Илья Петрович вдруг почувствовал, что он больше не нужен. Не нужен стал и весь «Спецстроймонтаж». И весь его коллектив. Финансирование прекратилось, и стройка замерла. Не способная что-либо создать и производить в новых условиях, делать трудовые деньги, новая власть под знаменем демократии и свободы, чтобы обеспечить своё существование, просто ограбила народ, отняв у него вложения в сберкассы. Для срочного создания прослойки собственников, опоры новой власти, чтобы народ не очнулся и не вернулся к прежнему укладу, началась спешная распродажа по бросовым ценам в частные руки народнохозяйственного имущества бывшей сверхдержавы, созданного напряженнейшим трудом народа; была отменена государственная монополия на изготовление и продажу алкоголя, что открыло возможность самого стремительного обогащения беспринципных прохвостов, и утешительного сплавления обманутых людей. Деньги, в баснословных количествах наворованные при советской власти начальственными бонзами, таившие угрозу раскрытия их махинаций и тем не дававшие им покоя, теперь легализовались и стали предметом престижа.

Как, должно быть, и миллионы его соотечественников, Илья Петрович не мог заставить себя свыкнуться с тем, что произошло в стране. Он просыпался среди ночи, будто кто-то подтолкнул его, и долго не мог заснуть, снедаемый горькими размышлениями и душевной болью от неоправданности того, что, казалось бы, было невозможным само по себе, а уж если зародилась такая опасность, её можно было бы предотвратить — ведь восемнадцать миллионов членов партии, присягавших еще вчера на верность коммунистическому учению, занимали в государстве и в армии все руководящие посты. Как они допустили контрреволюционный переворот? Да и генсек, первый президент Советского Союза, клятвообещавший сохранить государство, если уж на

то пошло, должен был бы до конца отстаивать его целостность и, как Альенде, погибнуть вместе с ним, избежав позора клятвоотступничества, но не сдавать всенародно свои полномочия под шорох шелка спускаемого Знамени Державы... Хотя вряд ли бы до такого конца дошло, если бы он, долженствующий знать по положению больше других, рассказал бы народу, что ждало людей после переворота в августе 91-го...

Вопросы, вопросы... А где на них ответы?

— Илюша, ты опять не спишь? — просыпалась от его вздохов Тоня. — Успокойся, спи... Ты же сам говорил, что партия давно потеряла идейность и превратилась просто в партию власти. Власть перевернулась — перевернулась и партия, кроме самых её убеждённых и честных. Что от нас зависит, что мы можем сделать? Спи...

Илья Петрович не мог смириться с мыслями, что он, участник Великой Отечественной и ветеран труда, заслуженный строитель, не нужен новой власти, стал для неё, как миллионы ему подобных, «балластом», тормозящим развитие рыночных отношений, о чём с присущим им цинизмом и бесстыдством, подбадриваемые западными друзьями и наставниками, не раз заявляли наиболее ретивые из «младореформаторов», бывших младших сотрудников институтов социалистической экономики. Всё, что не вписывалось в рынок и не давало сиюминутной выгоды, стало балластом — и наука, и даже армия, представляющая интерес лишь с той стороны, что её имущество можно было украсть и продать. И начались чудовищные вещи: суда на Дальнем Востоке стали продавать на металлолом по... одному доллару, и даже совсем еще свежий крейсер-вертолётоносец, гордость советского ВМФ, содержать который стало не под силу, со всем оборудованием тоже пошёл за кордон по цене металлолома... Из-за отсутствия горючего — в нашей-то нефтедобывающей стране! — прекратили выходить в море корабли, подниматься в небо военные самолёты, утратили свои навыки управления сложной техникой лётчики и моряки...

Спешно распродавая доставшиеся от Советского Союза предприятия, страна должна была бы иметь огромные деньги — почему их нет, куда они исчезают так, что приходится брать кредиты в Международном валютном фонде, влезать в долговую удавку, — горько размышлял Илья Петрович, пляя в темноту бессонные глаза. — Можно ли продавать в частное владение нефть, газ, руды, лес, богатство земли, принадлежащее живущему на ней народу, от имени которого им должно распоряжаться правительство, потому что это энергетическая основа всей национальной экономики, эти энергоресурсы должны покупать у государства предприниматели, владельцы всего того, что их потребляет...

Оставшись без работы, Никишины решили вернуться в опустевший родовой дом детства Ильи, к родным могилам предков. Недостроенный химкомбинат приобрела за гроши какая-то смешанная российско-итальянская компания, оборудование распродала россыпью, а каркасы цехов разрезала на лом и продала за границу. Часть же цехов станкостроительного завода, объекта-первенца послевоенных лет, которым особенно гордились строители, успевшие получить к четвертьвековому юбилею «Спецстроймонтажа» орден, новые хозяева освободили от станков и превратили в громадный магазин, а остальные площади стали сдавать в аренду. Что ещё могло держать Никишиных на старом месте?

— Продай свой дом в деревне, — посоветовала Тоня. — Когда теперь в него выберешься? Для охоты у тебя есть избушка, если уж ехать, так лучше в неё... Какие-никакие, а денежки для переезда пригодятся.

Покупатель был — сослуживец из местных, частенько набивавшийся в компанию при поездках Ильи в деревню. Но оказалось, что для продажи купчей, как раньше, теперь стало недостаточно — нужно прежде оформить права собственности на землю, на строения, произвести топографическую съёмку, оценку изношенности, вызвать из района БТИ и, когда придёт очередь, оплатить их поездку на такси до деревни... Разбуженный в сравнении с советским временем чиновный аппарат оправдывал своё многоголовье, выдумывал себе работу.

— И вообще лучше было бы обратиться к услугам риэлтера, — посоветовали Илье, когда зашёл разговор о продаже.

— Посредника, что ли?

— Риэлтора, — настойчиво вернулась к тарбарскому языку девушка в БТИ.

От стоимости чиновничьего оформления собственности дома и участка Илья Петрович опешил:

— Да это же раз в десять-пятнадцать дороже, чем вся моя изба!

— Вы можете жить сколько угодно, вас никто не выгоняет, но для продажи существует закон, который мы обязаны выполнять.

— Да кто его выдумал, зачем это?!

— Законы, как известно, разрабатывает Дума, вы же сами её выбирали, — назидательно сказала молодая чиновница.

— Вот тебе ключи, Евгений Иванович, — сказал Илья Петрович покупателю избёнки. — Живи так. Денег никаких не надо. Пока живёшь — может, не выгонят. А нет — дверь распахну и уйду, пусть живёт, кто хочет. Никто мне, даже землеустроители, не могли объяснить, для чего вся эта топография нужна, всякие превышения над уровнем моря. Капризы, граничащие с издевательством. Нет у меня денег для их улаживания. Да и развалюха того не стоит...

Но Никишиным всё равно пришлось пройти мытарства оформления прав наследования на родовой дом. Тут деться было некуда. Дорогой переезд, обставленный колючими ежами казённых требований и непомерных цен, опустошил их кошелёк. Для укоренения на земле предков пришлось влезать в долги.

Нет, не получилось у Никишиных спокойной обеспеченной старости. Заслуженная, казалось бы, пенсия приобрела характер поддачи. Дума и Правительство в нескончаемых дебатах взвешивали заслуги, права, возраст и состояние здоровья стариков, чтобы установить к нищенской пенсии соответствующие, на их усмотрение, надбавки и льготы, подтверждаемые дополнительными справками и удостоверениями, без которых нельзя было проехать на трамвае, купить в аптеке лекарства, взять на электричку билет... Льготы, льготы, подачки, послабления... Нужны ли они были бы, если б пенсию выплачивали по эквивалентному пересчёту хотя бы в размере советского времени?

— М-да, такие вот они, «свобода» и «демократия», — с болью размышлял, лёжа в темноте, Илья Петрович. Ночью, как известно, все раны сильнее болят, и особенно — душевные. — Объявив себя демократическим и свободным, подмакижив свой фасад, обращенный к Западу, подравниваясь к так называемым «цивилизованным» странам, государство объявило гласность и отмену цензуры, своё невмешательство в духовную жизнь, свободное волеизъявление на выборах власти, свободу предпринимательства и делания денег, беспрепятственный выезд за границу, безразличие к устанавливаемым ценам на товары и услуги: «рынок сам всё отрегулирует!» — правительство устранилось от всего этого и, утешаясь тем, что очень незначительная часть населения имеет возможность воспользоваться такими правами, бросило народ на произвол волчьих законов капитализма.

Что толку от гласности, если нет слышимости и отклика на неё? Правительство никак не реагирует на то, что пишут и говорят, пока человек не взял в руку камень... Отсутствие цензуры, даже нравственной, обернулось разливом пошлости и безвкусицы в печати, на телевидении и радио, на эстраде, обилием низкопробной литературы «трамвайного чтения», что приводит и уже привело к падению общего культурного уровня народа... И что это за «выборы», если по существующему положению народ в них может не участвовать и власть избирается по воле ничтожно малой его части? А будучи избранным, «слуга народа» может забыть об избирателях и своих обещаниях — отозвать его, лишит мандата за обман всё равно нельзя... У нас с Тоней не самая маленькая, сравнительно с другими, пенсия, но мы, вынужденные помогать

сыну-филологу (науку нынче не жалуют, нет от неё скорого проку) с его женой-инвалидом и сыном, которому назначена дорогая операция, не можем выкроить денег для поездки в Питер на встречу однокашников, на встречу ветеранов в Белоруссию, навеститься на глухаринный ток в свою избушку... Как миллионы таких же, мы потеряли свободу перемещения по стране, нужда стреножила нас. Объявив себя на весь мир свободным, государство лишило своих граждан свободы внутри страны...

Да, власть переменялась. Но какой бы ни была, она должна выражать интересы подавляющего большинства своих граждан, должна искать ту сложившуюся в существующих условиях объективную Истину, ту Правду, которая лучше всего обеспечивает процветание государства и народа, благополучие их будущего. Какой бы ни была власть в стране, Правда в том, что народ, живущий на предоставленной ему судьбой земле, должен беречь её — другую не дано, — возделывать и удобрять, украшать её, хранить так же, как хранить свою нравственность — необходимое условие дальнейшего благополучного его существования, потому что безнравственный народ обречён на вымирание. И если в стране нет такой Правды, — значит власть пошла не по тому пути, допущен изъян, над устранением которого надо тому, от кого это зависит, не спать ночами, ворочаться, как ворочается сейчас он — да разве он один? — и думать, думать, что делать, «чесать репу», как говорит молодёжь, искать выход... Нельзя пребывать в самоуспокоении и делать вид, что не замечашь, как заросли дурной непашаные в целых губерниях поля, как разорены коровники и птицефермы, как без единого стада зеленеют втуне заливные роскошные луга, где когда-то мужики чуть не дрались за свои покосы... Всё это — «неправда», несправедливо и противостоит естественно... Конечно, ни одному фермеру не под силу обработать бывшие совхозные и колхозные поля, но, может быть, вернуться к МТС, теперь коммерческим, где фермеры могли бы брать в аренду на страду технику... Может, даже с механизаторами... Только, ясное дело, эти услуги должны быть дешевле конечного продукта, а это возможно только при национализации энергоресурсов, государство будет их продавцом... Ато ведь сейчас молоко в два раза дешевле горючего, которое входит частью в стоимость молока — так может ли эта часть стоить дороже целого? Сотни тысяч крестьян живут натуральным хозяйством — а куда девать его продукцию? Хозяйки на «леваках» или на рейсовых автобусах, платя немалые деньги, возят в ближние города молоко, творог, сметану и мясо на облюбованные асфальтовые «пятачки» у магазинов, или выносят на шоссе — почему бы не собирать продукты цент-

рализованно, освободив хозяина от забот по продаже? Устойчивый спрос породил бы рост предложений... Вопросы, вопросы... Когда же будут на них ответы? Илья Петрович старался не пропустить дискуссионных телепередач, но думцев, похоже, устраивало постоянное пребывание в оппозиции, нескончаемое обсуждение вопросов, а не решение их... Заметив, как начинает белесеть воздух в спальне, означая близкий рассвет, Илья Петрович пугался, как мало осталось времени для сна, сился отогнать тревожившие его мысли и, наконец, засыпал. А утром вставал с тяжёлой головой, набрякшими веками и зарекался не думать больше о том, что, вроде бы, никак его не касалось и лежало за пределами его возможностей что-то изменить.

— Ты что такой смурной, чем недоволен? — спросила его как-то Тоня. — Что-нибудь болит?

— Будешь доволен, — пробурчал он не сразу. — Был на рынке, попросил часовщика сменить в часах батарейку, купил там за пятерку. Ну, он и сменил... За полтора рубля.

— А ты что, сам не мог открыть крышку и выбросить старую?

— Сам, сам... Набойку на каблук — сам, постричься — сам, «молнию» в портках сменить — тоже сам... К химчистке близко не подходи, — когда последний раз были? При советах? Цены — никакого удержу, полный произвол... Скоро зубы самим рвать придется...

— Рынок, — вздохнула Тоня.

— Рынок... — в тон повторил Илья. — Рынки, они тоже разные бывают... А ты довольна? А? Молчишь... А слышала, чтобы кто-то из окружающих был доволен? Даже те, кто в бизнес втяганы, и они... Процент девятно, наверное, недовольных. Русский человек к справедливости чуток — а где она? Недовольный — работник никудышный, но почему-то не хотят этого замечать. Жизнь такая стала угластая, мало пригодная для житья простого человека — как из дома выйдешь, тут же наткнешься на ее рогатки и щетину...

Окончание следует

Рисунки Б. Игнатъева

Фарт обязательно будет

В. МАКСИМОВ

То был третий год моей сезонной охоты на северо-востоке Томской области по водоразделу двух неприметных таежных речек. Промышляли пушнину, а зверя и птицу «брали» попутно, только для котла. Мои несчастья начались со второго дня пребывания на участке. Весной на таежных речках образуются заторы из подмытых деревьев, кустарников, которые перегораживают русло. Большая вода переливается через них, а когда уровень реки падает, они остаются висеть в воздухе, образуя вполне сносные переправы. 19 октября при переходе р. Кольджи по «зализанному», мокрому стволу я подскользнулся и упал в воду. «Кипяток» был настолько холодным, что я буквально щучкой вылетел на берег. Благо речка 10-12 метров в ширину и глубина по грудь. Падая, о сучье оборвал нож в чехле, разбил компас и утопил ружье — МЦ-20-01 — одностволку затворного типа с трехпатронным магазином.

Рюкзак поймал и вытащил на берег. Вылил воду из сапог, отдышался, осмотрелся. Отрешенные угрюмые ели поймы равнодушно проглядывали сквозь сетку дождя со снегом. Ничто не шевельнулось в природе. Меня кольнуло, как иглой: насколько же мал и слаб человек! Каким мизерным событием стала бы моя смерть здесь, если бы не выбрался и утонул, либо еще будет — если замерзну...

Философствовал, впрочем, не долго — стало холодно. Чтобы согреться, начал рубить для костра выворотень — смолевый корень сосны. От одежды пошел парок.

Но вскоре вновь заставил себя лезть в воду. Ногами шupal дно, достал несколько коряг, и счастье улыбнулось: зацепил-таки носком ремень ружья!

Не стал разводять костер, хотя и мог — на такой случай были с собой полтора десятка спичек и «чиркалка», залитые парафином в гильзе за пыжом. Взял собаку на поводок, несколько раз повторил ей: «Веди домой!» и отдался воле и инстинкту старой, опытной таежницы. До конца не знаю, почему не стал обогреться и сушиться. Наверное, сыграло роль воодушевление от находки ружья. Семь километров по тайге — это по-хорошему два часа быстрого хода. Хотя в такой ситуации правильнее было бы остаться, нарубить лапника и переночевать. Тем более — в рюкзаке добытый утром глухарь.

Во время ходьбы замерз окончательно. Если температура воздуха —

1—5° С, а одежда мокрая, даже в движении поверхность тела равномерно охлаждается, кровь остывает, мысли становятся медленными и тяжелыми.

Уже в сумерках увидел длинную колодину — ствол замшелого дерева, запорошенного снежком. На ней отчетливо просматривались тени — ямки от следов. «Медведь», — проползла мысль, при этом не было ни страха, ни желания перезарядить ружье. Подойдя ближе, опустил ладонь в след — ба, да это же мой сапог! Отсюда начинался тес¹ нашей основной тропы — от болотца до зимовья не более полутора километров.

Подшел к избушке, не было сил открыть дверь. «Козлиным» голосом что-то проблеял и услышал за дверью испуганный голос напарника: «Кто там?» Я продолжал что-то бляеть. Он открыл дверь и осветил фонариком. Вид у меня был, наверное, настолько удручающе-впечатляющий, что напарник удивленно выругался...

Беспробудно проспал восемнадцать часов, приняв 10 таблеток аскорбиновой кислоты. Все осталось в прошлом дне, и меня поглотили заботы. Первым делом осмотрел ружье. Дно Кольджи песчаное, поэтому затвор и ствол ружья были забиты песком. Конечно, если бы вчера в состоянии «отупения» вздумал стрелять, то ружье бы разорвало.

При разборке затвора опорная шайба боевой пружины стрельнула и отлетела на метр в мох. Мы с напарником вырезали этот квадрат мха, сложили на полиэтилен и целый день по стебельку перебирали его, однако шайбу величиной с 10-копеечную монету так и не нашли. Посетовали, что не взяли в тайгу столь нужный кусочек магнита.

Предзвье: то дождь, то снег, то все вместе. На каждой хвоинке по капле, тронешь ветку — холодный душ. Охоты нет, а я остался без ножа, компаса и ружья...

Тогда было принято решение идти к соседу, штатному охотнику, за 20 километров в надежде, что у него что-то можно будет занять.

Шли «в гости»: впереди я с топором, сзади — напарник с ружьем. Избушка соседа находилась в кедраче. Штатник с охотоведом собирали шишку в кучи и закрывали полиэтиленом, чтобы, когда подмерзнет, перемолоть ее. Мы тоже помогли, поробатали.

Объяснили ситуацию. До поселка далеко — 70 верст. У соседа под нарами нашлось старое-престарое ружье ИЖ-26 двенадцатого калибра и двенадцать

нераздутых латунных гильз с окаменевшим дымным порохом. Кстати, при каждом выстреле у этого ружья отваливалось цевье, но оно стреляло. Также снабдили меня стареньким компасом, а вот нож пришлось делать самому. Использовал для этого дужку сломанного капкана. Каленая сталь была отточена на куске обычного наждачного круга, и превратилась в отличное лезвие. С этой заточкой я и проохотился весь сезон.

Переночевали в тесноте, но в тепле. На обратном пути попали в метель и вынуждены были задержаться в тайге, причем в очень неудачном месте. Выбрали для ночлега пригорок с несколькими кедровыми сушинами и, похоже, в непосредственной близости от медвежьей семьи. Натянув полог-экран из непромокаемого капрона, легли «спать». Уложили жерди на мох, сверху — пихтовый лапник, на него — пуховый спальник. Сложили нодью из кедровых сутунков² — кедр горит ровно, без искр и треска. Обуглившаяся поверхность бревен, скрепленных друг на друге четырьмя кольями, создает ровный жар практически до полуночи, потом нужно сдвинуть концы бревен, и тепла хватит до утреннего чая.

Поскольку медведи были поблизости, собаки всю ночь вели себя беспокойно и с лаем отбегали то в одну, то в другую сторону. Сон получился настоящий, «таежный»: в полглаза, вполуха, ружье под рукой и спальник не застегнут.

Уже утром в пути, по свежему снегу, недалеко от места ночлега увидели собаку — перебежал нам дорогу, как кошка. Напарник еще оконфузился: «Смотри, какая большая белка!» Собаки, почуяв зверька, обезумели, гоняли его, но безуспешно. «Соболевать» после такой охоты совершенно не хотелось, и мы отправились своей дорогой дальше. Наша избушка-полумезьянка превратилась в сугроб. Я растопил печь, развесил по жерди одежду. Напарник остался снаружи оживлять костер и варить собакам. В первую половину сезонной охоты всегда приходишь из тайги мокрым из-за сырого снега. А во вторую, когда подмерзнет, возвращаешься заледневший: в пространстве между рюкзаком и спиной попадает кухта, она тает и замерзает. Образующаяся корка льда, кстати, защищает от холода. Но это не лучший способ согреться, так как в перспективе можно заработать шейный и грудной радикулит. Поэтому старые промысловики говорят: «Охотясь, богатым не станешь, а горбатым — точно».

¹Тес — зарубки, затески на деревьях, ведущие к зимовью.

²Сутунок — часть ствола дерева 2-3 м длиной.

От радости, что появилось ружье, сразу же сел готовить патроны. Очищал гильзы, выковыривая из них уже прокисший дымный порох, и сыпал его на пол под ноги. Сидел в одних трусах и работал, размышляя о маршрутах будущей охоты. Вдруг из печки вылетела искра и попала прямо в кучку пороха. Десять гильз — это около 40 г «дымаря». Приличное, словом, количество. Порох воспламенился и обжег мне ступни и голени. Вздергивая ноги, в избушке дым, коптилка и керосиновая лампа погасли. На зов явился напарник, зажег свет. Да-а, порох был еще весьма качественный, и ноги обжег — до второй степени, это когда волдыри появляются.

Чем же лечить, когда ничего нет под рукой. Вспомнил, как слышал по радио, что американские солдаты во вьетнамских джунглях применяли сахарную пудру для быстрого заживления гнойных ран. Сахар, являясь консервантом (компоты, варенье и т.д.), обладает заживляющими свойствами. Итак, — бинт, топленое сливочное масло и сахар. Боль сумел отключить, волдыри вскрыл, засыпал сахарной пудрой. Бинты прокипятил в масле, забинтовал, получились своеобразные носки.

Снег лег, сезон начался, а я ползаю на коленях. Продукты тают, а добычи нет. Напарник уже начал приносить соболей, добывал хорошо. Хоть и в один котел, а щемит...

На четвертый день не выдержал. У меня был мохеровый шарф, из него получились великолепные портянки. Пытался натянуть резиновые сапоги — больно. Тогда обул чуни, и мы двинулись охотиться в паре.

Но на этом закончиться моим бедам еще было не суждено.

В 11 утра пересекли след соболя, собака пошла яро на махах. Обычно это обещает добычу через 15-20 минут. После сидения в зимовье говорю напарнику: «Дай отвести душу!» Сбрасываю рюкзак, куртку и остаюсь в одном свитере, с собой беру только патронташ, топор и ружье, бегу рядом со следом, в азарте забыв про боль.

Однако соболю попался опытный — бегали за ним около трех часов. Через какое-то время появилась вторая собака — снялась с поводка. Пошел дождь, мох оголился, снег остался только под деревьями, все следы размыло. Ориентиров не запоминал, надеялся, что напарник идет следом... И остался я в тайге в одном свитере, без добычи, спичек и компаса, только с топором, ружьем и двенадцатью патронами.

У нас с напарником была договоренность: если что-то случится или заблудишься, стреляешь дуплетом, а компаньон отвечает одним выстрелом — значит, идет на помощь. Дуплету — ответа нет, еще раз дуплету — тихо. Решил больше не жечь патроны. Стал выходить по приметам: по мху на деревьях определял, где север, где юг. Выходил на восток, придерживаясь примерно одного направления.

На мне не было сухой нитки — вода и пот стекали в чуни. Портянки и бинты сбились в носок. Когда оскальзывался, перешагивая через валежник, либо неудобно ставил ногу, мокрая мохеровая портянка и бинт проходились как наждачная бумага по живому мясу. Периодически прислонялся спиной к какому-нибудь выворотню или дереву, чувствовал, как иссякают силы, подступает сон. Изнежилась, сидя в избушке! Мысленно уже выбрал собаку, которую застрелю, сниму шкуру и замотаю ноги, если придется ночевать. А потом буду выходить дальше. Но реально понимал, что если лягу, даже в обнимку со второй собакой,

то мои шансы пережить ночь равны нулю. Подступило давящее чувство безысходности, отчаяния. Но как только представлял, что мой труп будет рвать росомеха, вставал и шел.

В конце концов нашел хорошо заметный профиль³ и пошел на юг. Прошел почти четыре километра и вышел на кварталный столб. Лесостроители обновляли разметку кварталов лет десять назад, поэтому в сумерках черные цифры были почти неразличимы. Смотровые цифры — то ли 120-й, то ли 121-й квартал. Стал поступать, как рентгенолог: закрывал глаза, чтобы отдохнула сетчатка, и быстро открывал, смотрел. Делал так многократно, пока не пришел к выводу, что это 120-й квартал. Сразу в голове все встало на свои места, я уже знал, где находится основная тропа, которая приведет к зимовью. Ну, дай Бог ноги и хотя бы час светового времени.

Пришел уже по темноте. Напарник дома. Буркнул ему: «В таких случаях надо стрелять». В ответ услышал: «Думал, что ты охотишься». «Хорошая охота...» — усмехнулся, но вслух ничего не сказал.

Подозреваю, он слукавил. Видимо, оскорбился, что я пошел за соболем, а его оставил амуницию сторожить, наподобие оруженосца Санчо Пансы. И эта его обида затмила сознание того, что я в тайге с обожженными ногами, без куртки, рюкзака — одним словом, без жизнеобеспечения. Впрочем, чужая душа — потемки... Так или иначе, но в тайгу больше с ним не ходил.

На следующий день на охоту не пошел, сделал дневку. После таких приключений мы обычно шутили: «Оладушек что-то захотелось». Расквасил вермишель, замесил тесто, добавил сухого молока и порошок какао, вычистил рукавицей печку, раскалил ее. Пек лепешки, ел их, запивая сладким чаем, спал и опять пил чай.

На этом несчастья отступили.

Одиннадцать дней подряд меня сопровождала ее Величество Удача. Стал северным. Просил Лесного Духа не гневаться, и каждый день приходил с хорошей добычей. Напарник однажды воскликнул в сердцах: «Да где ты их берешь?» Вечером одиннадцатого дня сказал себе: «Все, хватит. Пора домой». Теперь часто вспоминаю, как судьба после всех козней подарила мне небывалый охотничий фарт.

Рисунки Б. Игнатьева

³ Профиль — длинная сторона «квартала» (2х4 км), на которые разделены все леса России. Прорубают эти границы лесостроители один раз в десять лет. Молодые деревца вырубаются профессионально, одним взмахом топора. Нижние ветки молодой поросли отгнивают, а ствол остается торчать, словно вкопанный острый колышек. Наступить на такой колышек — значит хромать весь сезон. Поэтому идти по этой тропе следует очень осторожно. Как только почувствовал неладное, лучше отступить назад, не перенося вес на эту ногу. Хороший таежник **ногами видит** лучше, чем глазами.

Здравствуйтесь, уважаемая редакция! Очень хочется поздравить своего мужа Колотилина Николая Ефимовича с 55-летием. Большую часть своей жизни он посвятил охоте. В 1975 году, закончив Иркутский сельскохозяйственный институт, получил профессию биолога-охотоведа. Более 20 лет выпускает журнал «Охота и охотничье хозяйство», сохранил все экземпляры. Он увлекается фотографией и видеосъемкой природы. Большой любитель собак, предпочтение отдает лайкам. Дома у нас живут две собаки — западносибирская лайка (4 года) и японской породы айну (14 лет).

Н. Е. Колотилин

С 2003 года у Николая появился еще больший интерес к работе. В августе этого года он выпустил в Северо-Курильском районе черношапочных сурков, а в октябре 2005 года — северных оленей. Два раза в вашем журнале печатали его статьи (№ № 4 и 12 за 2006 г.). Очень вам за это благодарны.

Николай Ефимович пользуется в нашем районе большим уважением. В народе его называют бескорыстным любителем природы. Он часто берет меня с собой на охоту и рыбалку. Я ему очень благодарна за такие походы. От них я получаю большой заряд бодрости и здоровья.

А еще мы с ним дважды участвовали в телепередаче «Сам себе режиссер». Первый раз я ездила одна, так как

Николай был занят по работе. На этой передаче мы заняли первое место и получили приз — видеокамеру и фотоаппарат. Это было в 1998 году. А второй раз в 2006 году он сам попал на передачу и получил поощрительный приз — цифровой фотоаппарат и принтер.

На природе мы всегда ходим пешком. Мой муж не любитель автомобилей. Пешие походы позволяют нам разглядеть каждую травинку, цветочек и всякое живое существо. А это так интересно! Домой ему приносит птиц, которым требуется помощь. Однажды принесли птенца канюка. Он у нас прожил два месяца, на удивление оказался совсем ручным. Потом мы его выпустили на волю. Весной в подъезд случайно залетел вьюрок и ударился об оконное стекло. Мы его забрали домой, и он прожил у нас до мая. Очень любил семечки, его мы тоже выпустили. Принесли нам и морских птиц, которых находили в городе и которые сами не могли улететь. Николай уносил их на берег моря и выпускал.

Я хотела бы пожелать своему мужу оставаться таким же романтиком, много сил и здоровья.

А. КОЛОТИЛИНА
г. Северо-Курильск
Сахалинской обл.

Здравствуйтесь, уважаемая редакция! Пишет вам охотник из Краснодарского края. Охотой занимаюсь всего 9 лет, хотя, сколько себя помню, всегда интересовался ею, и очень любил рыбалку. Сейчас охота для меня — это все, хоть камни с неба, ни один охотничий день не могу пропустить. Охотимся мы в основном на зайца, лису и шакала. С первым ружьем появилась и первая русская гончая, которой, к сожалению, уже нет.

Сейчас держу ягдтерьеров и выжлаца русской пегой гончей, которого мне привезли по случаю из Тюмени. С гончими у нас проблема, породистых держат мало.

Весной была районная выставка охотничьих собак. Русских гончих было десятка три, а русских пегих всего шесть.

Почему-то держат в основном русских гончих, а мне больше нравятся пегие. В вашем журнале за май 2007 года прочел о Борисе Николаевиче Макрюкове, заводчике русских пегих. Может, он откликнется на мое письмо и поможет приобрести породистого щенка русской пегой гончей из-под рабочих родителей. У нас с этим большая проблема. Мой адрес: **353231 Краснодарский кр., Северский р-н, пос. Ильский, пер. Павлова, 7. Владислав Сулименко. Тел. сот.: 8-918-348-13-27.**

Здравствуйтесь, уважаемая редакция! Ваш журнал читают и в Нью-Йорке! В подтверждение этого высылаю фотографию, где я держу в руках «Охоту и охотничье хозяйство» на фоне центрального района Нью-Йорка — Манхэттен. В крайнем левом углу находились всемирные торговые центры, которые были уничтожены террористами, я тогда был очевидцем этой катастрофы. А справа — мост через протоку реки Гудзон — «Бруклин-Бридж», который был построен более 100 лет назад, и впервые соединил два района Нью-Йорка — Бруклин и Манхэттен.

Жизнь моя сложилась так, что я по работе каждый год несколько месяцев провожу в США, но журнал ваш все равно мне передает жена, потому что знает, как мне трудно без него обходиться. А живу я на Украине в небольшом го-

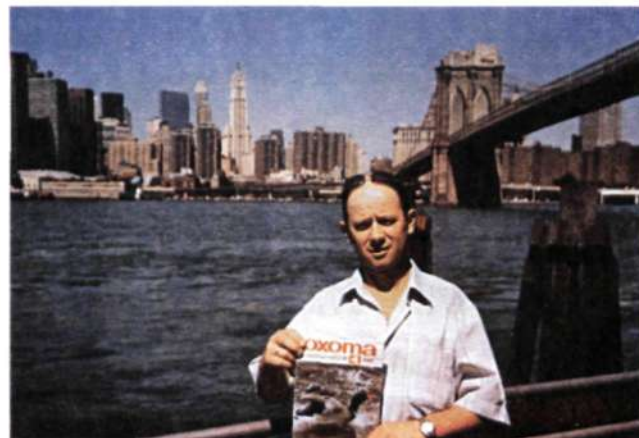
роде Яремче Ивано-Франковской области, журнал высылаю с 1977 года. С ним прошел инфляцию, девальвацию, развал Союза. В начале 90-х в связи с переходной украинской валютой выписать у нас его было невозможно, поэтому мой товарищ выписывал в России и переправлял мне с кондукторами поезда Москва — Ивано-Франковск.

Признаюсь, всю жизнь мечтал поохотиться в России на самца сибирской косули. Может, найдется кто-либо из охотоведов или егерей, которые предложат такую охоту, а я в ответ обещаю прекраснейший охотничий отдых в Карпатах. Есть у меня друг — охотовед Михаил Томашевский, но со временем у нас поменялись адреса, телефоны... Если кто-либо его помнит, или он сам прочтет это письмо, очень прошу откликнуться по адресу: Украина, г. Яремче Ивано-Франковской обл., ул. Камянка, 9. тел.: (034-34) 3-33-46; 096-653-91-73.

У меня всегда были хорошие собаки, которые работали по кабану. На охотничье собаководство мне «открыл глаза» опытный эксперт-кинолог из Ужгорода Емельян Любомирович Головацкий. Благодаря ему мне удавалось правильно натаскивать собак и зарабатывать дипломы.

В заключение хочу сказать, что мне уже 48 лет, моя охотничья жизнь вполне сложилась, я ею доволен, и мне всегда везло на хороших, преданных друзей-охотников.

В. ТОНЕНЬКИЙ
Украина

Здравствуйте, уважаемая редакция! Пишет вам постоянный ваш читатель Шамсудин Ширванович Гейдаров. Журнал выписываю с 1966 года. Мне около 60 лет, охотничий стаж почти сорок. 9 сентября 2007 г. у меня случилось несчастье. Кто-то украл моих двух западносибирских лаек (мальчики, 2 года и 5 лет), посылаю вам их фотографию, которую очень прошу опубликовать. Если кому-то что-либо известно о местонахождении моих собак, прошу сообщить по адресу: **Тюменская обл., г. Нижневартовск, ул. Омская, 58, кв. 27. Ш. Ш. Гейдарову.**

Уважаемая редакция! Я хочу вам рассказать об охотнике, который, рискуя жизнью, спас двух лосей и двух кабанов.

Управляющий Потьминским отделением крестьянско-фермерского хозяйства «Агрос» (есть такое в Ртищевском районе на Саратовщине) Александр Елисеев, управляясь в очередной рейс на своем УАЗике по полям Ртищевского Прихоперья, непременно прихватывает с собой аркан — прочную длинную веревку с петлей на одном конце.

Как-то на излучине Хопра, неподалеку от села Потья, он заметил кабана, барахтавшегося в ледяной воде. Бедняга забрел на тонкий лед и провалился чуть ли не на середине реки. Его попытки спастись были тщетными, к тому же, ломая края полыньи, он поранился. Но спасти кабана в одиночку не удастся. Поэтому он немедленно вернулся в село и рассказал о кабане своему сыну Николаю, егерю Макаровского охот-

зяйства А. Соколова, сторожу «Агроса» В. Сарычеву и трактористу В. Мызникову. Посоветовались и решили ехать.

...Кабан продолжал бултыхаться в ледяной воде и, к удивлению спасателей, не выказал к ним ни малейшего опасения, словно почувствовав, что они появились здесь с добрыми намерениями. Четверка храбрецов, вооружившись веревкой, накинули ее на кабанию голову и вытянули зверя из проруби. А тот, освободившись, ринулся по льду к берегу и вскоре скрылся в лесу.

После этого случая Елисеев заготовил настоящий аркан из прочного капронового канатца, который ему пригодился буквально через несколько дней. На том же Хопре, где река огибает патыминскую пойму, он увидел опять-таки тонущего кабана. «Давай выручать, иначе ему конец», — обратился он к сотоварищу Ивану Зовскому. И с помощью имеющегося аркана они вдвоем вытащили вепря на лед. Зверь не проявил агрессии и под улюлюканье спасателей побежал к пойме, за которой темнели кустарник и деревья.

А однажды А. Елисееву пришлось выживать провалившуюся под лед лосиху. На этот раз рядом с ним находились егеря А. Соколов, сельские механизаторы И. Зовский, В. Мызников, В. Сарычев, а также руководитель «Агроса» — глава администрации муниципального образования Ртищевского района А. Санинский. Имея опыт в подобных делах, Елисеев умело провел операцию по спасению лосихи.

Была и еще одна история, о которой осведомлены Ртищевская районная и Саратовская областная служба федеральной охотохраны. В январский полдень на автодорожном мосту через р. Хопер, что на Тамбовской трассе, собралась большая толпа народа. Все смотрели, как горстка смельчаков спасали лосиху, попавшую в полынью. Первыми ее увидели Макаровские электромонтеры. Оставив свои заботы, связанные с ремонтными работами, они известили о постигшем зверя несчастье егеря Макаровского охотничьего хозяй-

ства Александра Соколова. Тот поделился тревожной вестью с Потьминским управляющим крестьянско-фермерского хозяйства «Агрос» Александром Елисеевым, на счету которого уже значилось два вызволенных из беды кабана и один лось.

А. Елисеев срочно сколотил бригаду спасателей и, прихватив аркан, выехал к месту происшествия. Лосиха к тому времени просидела в воде около двух часов и, похоже, оставила надежду на спасение. На голову зверя накинули аркан, затем, орудуя длинными шестью, срубленными в прибрежном перелеске, оторвали лосиху от дна и начали тянуть ее из полыньи. А когда вытащили, лосиха, едва отдышавшись рванулась наутек и вторично свалилась под лед. Спасатели не отступили. Все пришлось начинать сначала, но на этот раз они все навалились на зверя, придавили его ко льду и освободили от аркана. Лосиха зарысила в сторону прихоперского леса.

В заключение считаю необходимым назвать имена смельчаков, спасавших несчастное животное. Это, кроме Елисеева и Соколова, рабочие «Агроса» Михаил Енин, Владислав Сарычев, Николай Бабушкин, Виктор Мызников, Алексей Цуцков, а также представитель службы охотохраны, ртищевский охотовед Виталий Гузанов.

И. КУЗНЕЦОВ
Саратовская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция. Ваш журнал я выписываю 7 лет, а до этого читал старые подшивки у своего деда, которого с вашей помощью хочу поздравить с 80-летием. Охотой он занимается с детства и по сей день.

Предан всей душой одной охоте — это охота с гончими, всю жизнь держал собак этой породы. Опубликуйте, пожалуйста, его фотографию с нашей любимцей Зейкой и поздравления от любящего внука Михаила.

М. ФРОЛОВ
Владимирская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Пишет вам председатель охотколлектива Новоселицкого р-на, Бобровский В. И. Наш коллектив очень дружный, все мы по первому же зову откликаемся и выполняем необходимую работу. Волки в нашем Ставропольском крае появились в 1989 году. Сначала их было немного, но сейчас они развелись в большом количестве. Поэтому мы по воскресным дням устраиваем на них облаву. Результаты одной из них отражены на фотографии. Пожалуйста, напечатайте ее в нашем журнале.

В. БОБРОВСКИЙ
Ставропольский кр.

ЦЕЛЫХОВАЕ. Охотничье слово	1
АСТАФЬЕВ Н. Не забывать о главном.	3
СЕВАСТЬЯНОВ А. Необычный март 2007 года	4
ДЁЖЖИН В., СНАКИН В., ПОПОВА Л. Экология возрождения природы.	6
Итоги фотоконкурса «Охота и природа, 2007»..	9
ЖИТЕНЁВ Д. Советы бывалых охотников. Дом в тайге.	10
КАЛИНИН М. Карелия.	12
КЛИМОВ В. Сайга.	16
ГРЕКОВ В. У. У Шатковских охотников.	18
КРУГЛОВ А. Охота на волков.	22
ПИЗЮКС. По следам бурого медведя.	24
БЕДЕЛЬ В. Термины псовой охоты в произведени- ях русских писателей XIX века от Г. Державина до И. Бунина.	26
ЛУЦКИЙ О. Охотничье собаководство — не развле- чение.	29
СМИРНОВ И. Что я приобрел в «лице» МР-153	30
БЛЮМА. Комбинированное оружие на охоте.	32
Анвяр Бикмуллин о себе.	34
ЧЕРНЫШЕВ В. Глоток воли.	38
МАКСИМОВ В. Фарт обязательно будет.	44
Письма читателей.	46
Реклама	31
ШИШКИН В. Кулики.	48

Редакция приглашает к сотрудничеству
рекламные агентства и рекламных агентов.
Обращаться по телефону 607-20-91

Главный редактор **О. К. Гусев**

Редакционная коллегия:

М. В. Булгаков, Г. В. Висящее, Т. А. Волжина (ответствен-
ный секретарь), **Л. А. Тибет, В. В. Дёжкин, А. М. Лавро-
ва, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастья-
нов, А. А. Улитин, В. Б. Чернышев, В. С. Шишкин**

Зав. отделом писем **И. И. Полосухина**

Художник **Т. В. Баженов**

Художественный редактор **М. Л. Кнерцер**

Корректор **З. М. Данилова**

Фотокорреспонденты:

А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко, А. А. Севастьянов

Сдано в набор 27.12.2007 г. Подписано к печати 31.01.2008 г.

Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 30 000 экз. Заказ 1882.

Цена по каталогу Роспечати

Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78,

Садовая-Спасская ул., 18

Тел.: 607-24-05, 607-20-91

Отпечатано в ОАО «ЧПК»

142300, г. Чехов, Московской обл.

Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru

Факс 8(49672) 6-25-36, факс 8(499) 270-73-00

Отдел продаж услуг многоканальный: 8(499) 270-73-59

В случае обнаружения полиграфического брака

обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии.

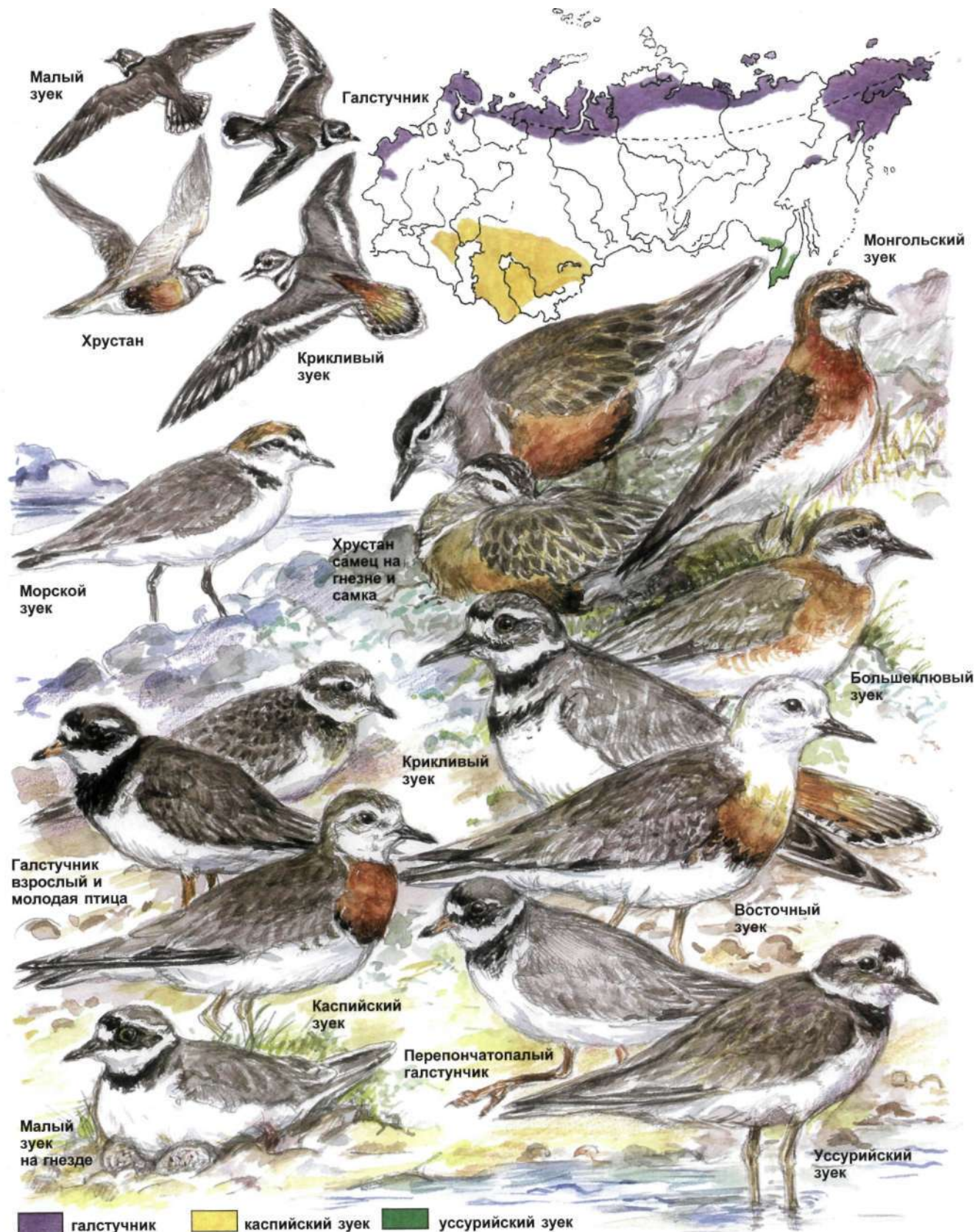
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати

12.10.90 №452

В семействе ржанок зуйки отличаются наибольшим видовым разнообразием (до 30 и более видов). В России гнездятся 8 видов зуйков. Шире других распространен **малый зук** — от Балтики до Приморья. Излюбленный биотоп — песчаные и галечные берега рек и озер, может гнездиться и вдали от воды. Вес около 50 г, размах крыльев не более 50 см. На характерной для многих зуйков черной маске заметны белое лобное пятно, белая кайма по верхнему краю маски, желтое кольцо вокруг глаз. По зобу и основанию шеи идет черная кольцевая полоса — «галстук». Спинная сторона в основном буровато-серая с розовато-лиловатым оттенком. Клюв темный, ноги розовато-бурые. Наряду обоих полов сходен. Окраска молодых зуйков и зимующих взрослых тусклее. На севере ареала перелетная, на остальной части Евразии оседлая птица. Гнездится отдельными парами или небольшими поселениями. Токовые полеты с трелями сменяются брачными демонстрациями на земле. В простую лунку на песке откладывается 4 яйца. Насиживание около 3,5 недель. Птенцы становятся на крыло в возрасте 3,5 недели. Похож на малого зуйка более крупный **галстучник** (вес до 75 г), гнездящийся по морским побережьям Балтики и других северных морей (до Чукотки на восток). Есть он и в Белоруссии (в районе Припяти), более южные находки гнездования представляют большой научный интерес. Галстучник хорошо отличается по двухцветному клюву: основание оранжевое, кончик черный; широкому черному галстуку, длинной белой заглазничной полосе, оранжевым ногам, белой полосе на крыле. Образом жизни похож на малого зуйка.

На Чукотку из Сев. Америки отмечены залеты очень похожего на галстучника **перепончатопалого галстучника**, кроме зачаточных перепонки между пальцами отличающегося более коротким клювом, сужением галстука в зобной части, неразвитой заглазничной полосой. Другого гостя из Америки, встреченного на Чукотке, трудно спутать с прочими зуйками. Это крупный (свыше 90 г) **крикливый**, или двугалстучный, **зук**, хорошо отличимый по рыжему надхвостью и двум темным полосам на зобе. **Уссурийский зук**, гнездящийся на юге Дальнего Востока и включенный в Красную книгу России, ранее считался подвидом галстучника. Уссурийский зук более длинноклювый, более серый по окраске, белое пятно на лбу доходит до основания клюва. Широко распространенный (все континенты кроме Австралии и Антарктиды) мелкий **морской зук** гнездится по югу России — от Предкавказья до Юж. Кавказа, предпочитая берега солоноватых водоемов. От предыдущих видов отличается рыжеватой шапочкой, незамкнутым на зобе галстуком, белой бровью, соединенной с белым лбом. К группе пустынных, рыжегрудых зуйков относятся **каспийский зук**, гнездящийся от Прикаспия до Балхаша, более крупный (до 100 г), светлоголовый, с темными подкрыльями **восточный** (Тува, Забайкалье). У этих видов низ рыжей груди окаймлен черным. Маскированные пустынные зуйки — **монгольский** с пятнами разорванного ареала от Памира до Чукотки и более крупный (до 120 г), но с менее широким рыжим зобом, **толстоклювый зук**, гнездящийся в Ср. Азии, Прикаспии, Туве, на Алтае. Свообразен родственный зуйкам **хрустан**, прозванный за доверчивость «глупой сивкой». Самка не только крупнее (до 150 г), но и ярче окрашена, чем самец, который взял на себя основное бремя насиживания. Бровь, горло, похвостье, низ брюха белые, шея серая, шапочка черная, грудь и верх брюха каштаново-рыжие, бурые перья спины с охристой каймой. Гнездовой ареал разорван. Заселяет арктические тундры Евразии (у нас от Кольского п-ова до Чукотки). Есть изолированные гнездовые поселения в тундроподобных биотопах горных ландшафтов на Кавказе, Урале, Алтае, в Саянах и Восточной Сибири. В гнезде (простая ямка без выстилки) обычно 3 круглых оливковых яйца с темным крапом. Насиживание до 4 недель. Самец берет на себя и заботу о выводке. Зимуют хрустаны в основном в Сев. Африке. В образе жизни зуйков и хрустана много общих черт, например, питание в основном животными кормами, гнездование на земле, территориальность, сроки насиживания, отвод от гнезда или слетков с имитацией подранка и т. д. Если численность малого зуйка и галстучника пока не вызывает тревоги, то уссурийский и каспийский зуйки занесены в Красную книгу России, а толстоклювый, восточный и морской зуйки — в специальное приложение к этому изданию. Основная угроза для зуйков — разрушение гнездовых биотопов и гибель на местах зимовок.

В. Шишкин

Малый зуек

Галстучник

Монгольский зуек

Хрустан

Крикливый зуек

Морской зуек

Хрустан самец на гнезде и самка

Большеклювый зуек

Крикливый зуек

Галстучник взрослый и молодая птица

Восточный зуек

Каспийский зуек

Перепончатопалый галстучник

Малый зуек на гнезде

Уссурийский зуек

Галстучник каспийский зуек уссурийский зуек

Дорогие друзья, наши подписчики и читатели!

Подписка на журнал «Охота и охотничье хозяйство» продолжается. В розницу журнал не поступает, чтобы стать его обладателем, нужно оформить подписку. Вот что говорят о журнале наши читатели:

✉ «Здравствуйтесь, уважаемая редакция! Пишет вам постоянный подписчик. Даже в трудные времена 90-х годов, когда у нас в районе забыли, как выглядят деньги, так как их не платили вовсе, я находил выход и подписывался на журнал»
В. Емелан, Ростовская обл.

✉ «Здравствуйтесь уважаемая редакция! Я инвалид 1 группы Кетов Сергей Николаевич, мне 21 год. Хочу искренне поблагодарить ваш журнал за столь замечательное издание. Раньше, когда еще учился в школе, брал его у дяди. Это были издания 80-х годов. С 2002 по 2004 год выписывал сам, сейчас у меня нет такой возможности по финансовым обстоятельствам».
С. Кетов, Республика Коми

✉ «Здравствуйтесь дорогая редакция! Мы с мужем Сашей очень любим ваш журнал, каждый номер ждем с нетерпением. У нас имеются подшивки ia все годы. Теперь их читают наши сыновья. В журнале очень много полезных статей, интересных рассказов и изумительных фотографий. Живем мы на Крайнем Севере. Зимой все вокруг белым-бело, глазу зацепиться не за что. А летом и осенью - какие краски!»
Н. Лощинина, Республика Коми

✉ «Здравствуйтесь, уважаемая редакция! Пишет вам Прокопьев Александр Иванович. Проживаю я в с. Черная речка Хабаровского края. Ваш журнал выписываю с 1970 года. Все подшивки храню, много раз их перечитывал. Все читатели журнал очень любят, а я люблю в сто раз больше. Для меня в нем дорого все. Конечно, было бы неплохо, но если б объем был страниц 100, но, наверное, тогда и этого бы показалось мало...
А сейчас я расскажу, как читаю ваш журнал. Сначала я его обнюхаю, стараясь унять внутреннюю дрожь и как-то успокоиться. Потом открываю первую страницу, прочитываю и осмысливаю. На сегодня все! Прочсть журнал за один день - это кощунство! А что же завтра? Как говорит моя жена, есть и на завтра сладкое!»
А. Прокопьев, Хабаровский край

✉ «Здравствуйтесь дорогая редакция! Наша семья выписывает ваш журнал уже более 30 лет. И каждый полученный номер читается всеми членами семьи. Каждый находит для себя что-то нужное и интересное - это и советы бывалых охотников, и юридические консультации, а уж статьи про собак старший сын зачитывает до дыр. Ведь он держит пять собак...»
Н. Осадчая, Волгоградская обл.

Наш индекс: 70673 - на полгода по каталогу Роспечати